

СИРЕНЫ
СЕВЕРНЫХ
ДРЕВЕСИН

СИБРАГИМ
ЮСУПОВ

Стремлюсь
Всей
Душой

Стихи и поэмы

Перевод с каракалпакского

НУКУС
КАРАКАЛПАКСТАН•
1986

84 Карак
Ю 19

Ю19   Юсупов И.
Сгремлюсь всей душой: Стихи и поэмы.
/Пер. с каракалп. — Нукус: „Каракалпакстан“, 1986.—316 с.

Созвучность с духом времени всегда было отличительной чертой поэзии народного поэта Каракалиакин Ибрагима Юсупова.

В стихотворениях, составивших настоящую книгу, есть раздумья умудренного жизнью человека обо всем том, чем живут и к чему стремятся его современники.

Любовь к Родине у поэта рождает не только высокие слова признания, но и личную, осознанную, активную ответственность за ее судьбу, за нынешний и грядущий день.

Его произведения характеризует глубокое художественное осмысление истории и современной жизни своего народа, возрожденного Великим Октябрем.

Ю 4702250000-114
M-357(04)-86 30-86

Перевод на русский язык
© Издательство „Советский писатель“, 1981

Переиздание
© Издательство „Каракалпакстан“, 1983

К ЧИТАТЕЛЯМ ПЕРЕВОДОВ МОИХ СТИХОВ

Если от этих стихов хоть немножко повеет на вас терпким запахом моей трудной каралпакской земли и в них находите отклик на свои лучшие чувства, ощутите доброту сердец и помыслов наших современников,— я считал бы себя неплохим поэтом.

Мой дом, который в свое время не обходили Константин Симонов и Михаил Луконин (где и до сих пор останавливаются „вечерние путники“ разных дорог и за лиалой зеленого чая тихо ведут беседу о поэзии), находится на самом стыке оазиса и пустыни: прямо с розового газона аэропорта Нукуса начинается саксаульная степь, как прелюдия к великой пустыне Кызыл-Кумов, где соседствуют „Розы и полынь“ (как, кстати, назвал я одну из своих книг стихов).

На неширокой полосе долины, простирающейся по обеим берегам нижнего течения Амударьи, рассыпаны наши аулы и города. Сеем хлопок, выращиваем рис, пасём овец, ловим рыбу... Все это дается, разумеется, нелегким трудом.

Быть может, упрекнете меня, поэта, что я подчеркиваю свою причастность ко всему: „сеем, пасём, ловим...“ А иначе жить здесь нельзя. Ибо мы,—хлопкороб или строитель, врач или министр, чабан или поэт,— все сообща ежедневно выходим на работу

с единым помыслом: отвоевать у пустыни еще клочок плодородной земли для оазиса, чтобы собирать больше урожая хлопка и риса, чтобы больше строилось хороших домов и звучало задушевных песен... Это наше ежедневное общее усилие—древо нашего созидания—дает свои обильные плоды: на этой грудной земле народ создает истинное благо, одаривает страну щедрым даром труда и земли.

Читая эти стихи, кое-кто из колыбели роскошной природы может удивиться: о, как поэт воспеваёт свой край, где я чуть ли не задыхался от сухой жары и пыли во время своей семидневной командировки! Пусть говорит на свою совесть. А я люблю, воспеваю эту землю самозабвенно, как тот жаворонок, к кому поэт обращается:

Ты озорно купаешься в пыли,
Потом встряхнешься и взмываешь в высоты
И лишь тогда поешь...
И я зависим
Вот точно так же от родной земли.

(Перевод Р. Казаковой)

А иначе нельзя, ведь человек любит свою родную землю, любит отнюдь не потому, что она богата и красива, а уже лишь за то, что это его родина. А родина объемлет в себе всё человеческое в человеке.

Не промолчу и о своем разочаровании последних лет: могучий человек-исполин в единоборстве со стихией сокрушал спинной хребет Бога пустыни,—он теперь, бешено сопротивляясь, просит у нас пощады. Джейхун-река—Амударья—перестала буйствовать: её в верхах беспощадно разоряли... В результате Аральское море,—жемчужина среднеазиатских степей, чудо-творение щедрой природы,—навсегда ушло от нас, как золотая рыбка, рассержанная на назойливую старуху

рыбака и поднялась коварная, всепожирающая грунтовая вода. А жаворонка на обочине аульной дороги ныне встречаю очень редко — говорят, что они погибают от дефолиации хлопчатника...

Нет, я не стущю мрачные краски. Это лишь просто-напросто закоченое чувство озабоченности и грусти человека о потере родной природы, которое бывает в любом нормальном сыне земли. А любовь к родным местам, как известно, это очень ревнивое и ранимое чувство.

Обычно говорят, чтобы быть поэтом необходимы талант и труд. К ним я добавлю: и любовь. Поэт должен всегда быть влюбленным в жизнь, людей, землю, причем любить постоянно, страстно, с благоговением, первой любовью юноши и заветной мудростью прощения старца и бороться за нее. Когда в нем, в поэте, скучеет эта влюбленность, то в его стихах остывает жар души, они уже не греют сердца людей, плодородное поле его поэзии заастает сорняком равнодушия. Наверно, и потому на Кавказе поэта-певца называют „ашугом“, т. е. влюбленным...

Но, слава богу, как и другие, я тоже разумею, что любовь поэта должна быть большой, звездной, ее овеивают ветры всех дорог, не должна она гореть лишь тонким пламенем родного очага, тлеть и искриться лишь чувствами любви „местного значения“ (ибо местничество — удел душ мелких, чуждых большой поэзии). Исходя из этой большой любви поэта-гражданина нашей великой страны, я тоже люблю воспевать свою большую Родину, дружбу народов, выражать в стихах свои тревожные чувства о войне и мире на земле.

Но как и каким голосом воспеть всё это в стихах, — это вопрос вопросов, над которым поэт всю свою жизнь, как верно сказал Расул Гамзатов, гнет свою спину негром и рикшой своих стихов. И здесь я ничего, разумеется, не обещаю, а просто стремлюсь

всей душой выразить ваши чувства сердца и помыслы
желая стихами общаться с Вами,—и это меня радует,
одаривает меня большим вдохновением. Ибо говорят,
что даже некрасивая девушка (хотя их не бывает)
мечтает выйти замуж за красивого джигита... Желаю
Вам любви к поэзии.

Пусь твой ум мудрость осенней степи впитает,
Той степи, где безумный жаворонок поет,
Где о чем-то сердце грустит и о ком-то мечтает,
И вдыхает грудь прозрачного воздуха мед...

(Перевод Р. Казаковой)

ИБРАГИМ ЮСУПОВ

24 апреля 1986 г.
г. Нукус.

НЕРВЫ

С

Вам, чуткие струны, немало
Приходится в жизни звенеть.
Вас дергает зло, как попало,
Ногтей человеческих медь.
Пусть тросу подъемного крана
Грозит от нагрузки обрыв—
Надежен ваш лад постоянный,
Вынослив и терпелив.
Стремление, поиски, споры,
Жестокие схватки подчас,
Паденья и взлеты, раздоры—
Все бременем ляжет на вас.
Владелец ваш

И

век свой недлинный
В заботах, в борьбе проживет.
Вам—сдерживать сталью пружиной
Эмоций его хоровод.

Х

Надменно поджатые губы,
Навыкате злые глаза,
Язык ядовитый и грубый,
В несчастье скучая слеза.
И зависть, и высокомерье,
И благополучье на час—
Все точит, как яблоню черви,
Все, все ополчилось на вас.

И

Тончайшим вы ловите слухом
Малейшие звуки земли,
Настороженное ухо
Все слышит вблизи и вдали—
Бомбекки гремящее пламя,
Рокочущий атомный гриб...
Плач женщины в жарком Ливане

Над сыном, что жил--и погиб.
Порой оскорбляет вас злобно
Эфир, клеветой засорен...
Вы арфе Эола подобны,
Но—наших, не древних времен.
Наш мир—это зданье большое,
Где хлопают часто лверьми.
Пусть нет в нем угла для покоя—
Не будет он брошен людьми.
Шумливым
предъявим мы факты,
Борьба—так борьба до конца.
Страшат ли неврозы, инфаркты
Борцов настоящих сердца!

Да, струны, вас много терзали,
Немало терпеть вам и впредь.
Но, значит, стальными вы стали,
Усталостью вам не болеть!

* * *

Жизни!

Как рыцарь, что судьбой
Пригвожден к любви безмерной,
На коленях пред тобой
У тебя прошу бессмертной:
Дай мне счастье долгих лет
Без людских,
Таких бездарных,
Четырех проклятых бед:
Без хвалящих слов коварных,
Без завистливого зла,
Без толпящихся за мною
Подлых сплетен за спиною
И без хвастовства осла!

ПРЕДАНИЕ

Враги внезапно окружили город,
Беда спустилась непроглядней тьмы.
Был вражеский военачальник молод
(И храбр—добавим ради правды мы).
Он прокричал с отвагой петушиной,
На крепостной сумев забраться вгл:
„Пусть в городе останутся мужчины.
Я до сих пор лишь с ними воевал.
А женщины должны уйти,
Покуда
На небе не растаял мрак ночной.
И могут унести они отсюда
Все, что под силу унести с собой!“
Возликовали женщины:
„Ну что же,
Хорошего врага послал аллах:
Мы на руки возьмем детей, а ношу,
Где жалкий скарб,
Мы унесем в зубах.
Мужья нужны живыми нам.
Скорее—
Пока рассвет не тронул край земли...“
И, посадив мужей себе на шеи,
Взяв вещи и детей, они ушли...

...Любимая!
Как я благовею
Перед умом, пред силою твоей!
...Но не спешат на землю с женской шеи
Слезть до сих пор иные из мужей...

Ребенок—великан среди людей,
Пришедшее в сейчас твое вчера...
Он—колыбель всех завтраших идей,
Си—первенец палитры и пера.
Он вечным утром входит в каждый день,
Твой самый первый и последний шаг,
При нем становится светлее день,
Добрее друг и беспощадней враг.
Он наш учитель, этот мэтр с вершок,
Еще не ставший сам учеником,
Он—победитель,—целый мир у ног,—
Но с азбукой убийства не знаком.
Он полководца дергал за усы,
Перед которым каждый трепетал...
И тратил Маркс бесценные часы
На игры с ним, отставив „Капитал“.

II

Когда ребенка на руки беру,
Влюблуюсь в жизнь, как юноша, опять.
Из детства путь лежит один—к добру.
„Я был ребенком..“ —может ли сказать
Тот, кто ведет нечестную игру?
Нет. Были на земле не все детьми.
Палач и лжец, уста свои сомкни!
Когда б ты на ребенка был похож,
Не рыли б для детей могил в Сонгми,
В Освенциме не тлели бы—смотря!—
Десятки тысяч маленьких подошли!

РАБОЧЕМУ ЧЕЛОВЕКУ

(На московском заводе шарикоподшипников)

Я положил на твой станок
Гвоздики в их веселой алости,—
Хоть в виде этой малой малости
Тебе сказать я что-то смог.

Живем,
Влюбляемся,
Горим,
Творим, за правду дерзко бьемся,
Слова большие говорим,
Мечтам бездумным предаемся...

И вдруг прозренья радость для,
Осознаем великой новостью:
С лихой космическою скоростью
Под нами вертится Земля!

И верю я, что на твоих
Земля подшипниках вращается!
Хозяин жизни,
Этот стих
Тебе с любовью посвящается!

МНЕ ТАКАЯ НА ДОЛЮ ДОСТАЛАСЬ СТРАНА

Мне такая на долю досталась страна!
Счастьем греет она и согрета.
На просторах своих,
Широка и вольна,
Семь частей уместила бы света.
Не свершит самолет без посадки облет
Этих далей в убранстве зеленом.
Но она в моем маленьком сердце живет,
И не тесно ей в сердце влюбленном.

Светел север ее белизною берез
И свечением рек серебристых.
И к небесному синему свету прирос
Юг громадами склонов гористых.
Сколько разных людей населяют ее!
Но со всеми сердцами сограждан
Словно нитью одной
Сшито сердце мое
И тревожится нежно о каждом.

Мне такая на долю досталась страна!
С нею молодость время не старит.
Жаждой подвигов всех осеняя ора,
Выси взлетов космических дарит.
Нет вам равных на свете, родные края!
Ведь любовь не дробится на части,
Но отдаю свою жизнь,
Не задумавшись, я
За людей всепланетное счастье.

Мне такая на долю досталась страна!
Вот—горянка,

Что знала лишь горе.
Нынче—сына-аварца рождает она,
И Гамзатовым станет он вскоре...

Мой родимый народ,—он числом **може мал**
В миллионной семье **многоликой**.
Но он частью твоей,
Наша Родина, стал,
А тебя называют великой.

Мне такая на долю досталась страна!
Славен тот здесь, кто трудится **славно**.
Чаша радости в каждой ладони полна.
Солнце счастья целует всех равно.
Дальний брат!
Всем с тобой, что создать мы смогли,
Поделюсь, не жалея труда, я.
Но ни горсти отеческой этой земли
Не отдам никому никогда я!

ДАИ, ГУРГЕН, ДОРОГУ!

Николаю Тихонову

Когда ваш голос вдумчиво и строго
Звучит в притихшем зале, мнится мне,
Что скажете вы:
„Дай, Гурген, дорогу!“¹—
1 реки вспять пойдут по всей стране...
И я смотрю на вас с благоговеньем,
И памятью душа моя полна:
Аллаверды—
Радущее селенье—
Гостей встречает чарками вина.
„Грузинская весна“², не увядая,
Цветет у вас в стихах который год!
И тропами Серго³, не отставая,
За вами тур моей души идет.
Величие—река.
Иные тщатся,
Ее коснувшись, славу обрести.
Но недоступно им земное счастье—
В ручье безвестном красоту найти.
А вы открыли среди горных падей
Нам чудо безымянных родников.
Живой родник
Горит у вас во взгляде,
Живой родник в душе, в созвучьях слов!
В стране свободной и многоязычной

¹. Популярная на Востоке песня о реке Гурген. По ее мотивам Н. С. Тихоновым было написано в тридцатые годы стихотворение.
². Название книги стихотворений Н. Тихонова
³ Имеется в виду поэма Н. Тихонова „Серго в горах“.

Вы—аксакал средь мыслящих стихом.
И караван поэзии привычно
Идет за вами—за поводырем.
Любовь к напевам радостным и грустным,
Любовь к народам малым и большим,—
Открытое по-тихоновски чувство
Вас озаряет пламенем своим.
Вы на трибуне—
И в ответ на это
Пред вами затвировано загих.
Большое сердце русского поэта
Стучит, не умолкая ни на миг.
Я знаю тех,
Кто под влиянием хмеля
Клянется в дружбе перед очагом.
Кто хвастает друзьями, а из деле
Сам подлинною дружбой не знаком...
А вы богаты дружбой и друзьями.
Гурген пред вами остановил бег.
Пусть молодость и дальше будет с вами,
Пусть дух ее не старится вовек...

* *

Хоть молодости торжество,
Опять влечет меня в дорогу,
О жизнь,
От детства моего
Дай сохранить мне хоть немного!
Дай с облаков взглянуть на мир!
Дай мне услышать
В выси хмурой,
Как палкой бабушка Гюлдир¹
Колотит по козлиной шкуре,
Как шепчет сказки старины...
Позволь мне
Былью сделать небыль:
Повиснуть на крюке луны,
И звезд пасть с ночного неба!
Вновь, как ребенка, я готов,
Чтоб сердце повергали в трепет,
И шепот вольных ветерков,
И вольных птиц рассветный щебет.
Открыта им моя душа,
Они навек в нее запали.
На плотике б из камыша
Мне плыть в неведомые дали,
С котенком затевать игру...
Не дай, о жизнь,
Мне равнодушья,
Когда найду я поутру,
Щенка, дрожащего от стужи...

¹ Гюлдир-мама — мифическая старуха, якобы выколачивавшая в небесах козлиную шкуру, отчего и случается гром.

РОДНИК

Сырбаю Мауленову

К нему плывут по небу облака
И путники спешат издалека.
Сайгаков,
Изнуренных жарким солнцем,
Ласкают ночью струи родника.

К нему слетают птицы с высоты,
Вокруг него красуются цветы.
И перед ним склоняется под ветром
Ковыль—с рассвета и до темноты.

И проливают воду тут и пьют.
Ее и хвалят и ругают тут.
А рядом камень—словно бы двугорбый,
Веками отдыхающий, верблюд.

Однажды путник здесь,
Средь бела дня,
Напился сам и напоил коня.
„Откуда здесь вода?“—
На камне путник
Застыл, в раздумье голову склоня.

Эй, утоливший жажду!
В долгий срок
Тебе еще осилить сто дорог.
Напрасно не топчи ногами камень—
Родник не всем являет свой исток...

СТАРИКИ

Люблю аульских стариков,
Их жизни—
Наших дней основа
И по верблюду я готов
Отдать за каждое их слово.
Им жить неспешно—по душе,
Они довольствуются малым,
Хоть каждый—
Словно Жиренше¹
Умен всем опытом бывалым.
На лицах их печали нет.
Добры к чужому и к соседу...
Несут достойно бремя лет.
Ну-ка послушай их беседу!
С Адама начат разговор,
Но, вовсе не впадая
В косность,
Он доведен до этих пор,
Где—и политика, и космос...
Глаза их молодо горят.
О сева ли, о пыли лунной,—
Как очевидцы, говорят
С задором
И со страстью юной!
Отогревается душа
От душ
Вершаших путь не праздно,
О, как их мудрость хороша,
И как наивность их прекрасна!

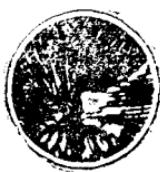
¹. Жиренше—легендарный красноречивый мудрец.

О, как нужны нам старики,
С судьбой земли и рода
Слитность!
Их поседевшие виски
Аулу придают солидность.
Юнец сойдет с коня,
Поклон
Седому старику отвесит,
И так мужчиной станет он,
А не мальчишкою—повесой!

Опять вас нынче, старики,
На улице аульской вижу.
Резвы под вами ишаки,
Хоть скакунов,
Конечно, ниже.
С базара едете, бойки,
И надо так вот жить суметь же!
Как жаль, родные старики,
Что вас становится все меньше...

В СУМЕРКИ ИЗ ЗАРОСЛИ ОСОКИ...

В сумерки из зарослей осоки,
Из зеленых пут стеблей высоких,
Задевая острые концы,
Выпорхнули черные скворцы...
И не знаю, почему я вспомнил,
Твой далекий невозвратный полдень,
Когда — самой лучшей из наград —
Был тебе я будто младший брат.
Как ягненок за овечкой-мамой,
За тобою бегал я упрямый.
Ты меня привыкла баловать,
И кусок мне лучший отдавать.
А потом — мы были вроде те же
И не те. Ты в новые одежды
Нарядилась и все пела мне
О джигите на гнедом коне.
А когда сестра — подумать странно! —
Твои бусы из адираспана¹
Нацепила, рот твой не изрек
Ни словечка девочке в упрек...
Если же джигит к тебе на тое
Приставал, а то и сразу двое,
Улыбалась ты, их прочь гоня,
Только все глядела на меня.
Как-то на бахче я вдруг заметил:
Взгляд твой кроткий стал слезами светел.
И спросил я у тебя тогда,
Уж не приключилась ли беда.

---

¹. Адиraspan — ягоды, из которых сельские девочки делают бусы.

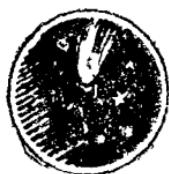

Слезы утирая как попало,
Соврала: „Соринка в глаз попала...“
Понял я мальчишеской душой—
Что за этой ложью небольшой.
А потом, обняв меня, молчала,
Словно жизни без себя вручала.
Говорила, в мире всех добрей:
„Становись джигитом поскорей!“
Яблоко в карман мне положила—
Словно навсегда приворожила,
Повелела, чтобы верно ждал...
Но призывно рядом конь заржал.
И ушла ты, раздвигая ветки
Молодой джииды¹,—совсем, навеки.
Яблоко швыриул тебе я вслед
И заплакал. И померкнул свет.
И во мгле из зарослей осоки,
Вспугнуты конем, стеблей высоких
Задевая острые концы,
Выпорхнули черные скворцы...

---

¹ Жиде—вид плодоносного дерева.

---

* * *

Пусть, как зимняя степь, душа твоя буде:
белой,
Как степь с лисицею красной на хрустком
снегу.
Всегда походи душой неоробелой
На мальчика, что оседлал жеребца на всем
скаку.

Пусть, как ленивая степь, любовь твоя бу-
дет жаркой,
Как степь, где мираж колышется в дым-
ке мечты.
Как степь, родная с небесной звездною гр-
кой,
С блаженством прохлады в тихом пленау
темноты

Пусть, как степь весною, жизнь твоя бу-
дет красной,
Как степь, где вниз по оврагам ручьи те-
кут.
Где маки, подобно людской надежде пре-
красной,
А тыми буквами радугу радости ткут.

Пусть твой ум мудрость осенней степи
впигает,
Гой степи, где безумный жаворонок поет,
Где о чем-то сердце грустит и о ком-то
мечтает,
И вдыхает грудь прозрачного воздуха
мед....

---

* * *

Если б был я мастером ваянья,
Я бы создал на горе крутой
Полный светлого очарованья
Необыкновенный образ твой.

Чтобы все века и все народы
Любовались светлой красотой,
Чтобы отступало зло природы,
Видя несравненный образ твой.

СААРЕМА

Наша крайняя граница—
Берег, пены бахрома...
Все мне дальний остров снится—
Саарема, Саарема.
Побывавший здесь приезжий
Увезет к себе домой
Сказки те, что были прежде,
Сказки жизни молодой.
Здесь поэтов вдохновляет
Их родная сторона.
В море остров отдохает—
Саарема, Саарема.
Рыбаки после улова
Вечером в кафе сидят.
Лица о труде суровом,
Об упорстве говорят.
В деревянных кружках пиво.
Дружно рыбаки поют.
Песенке неторопливой
В гакт покачиваясь, пьют.
А она легко и просто
Льётся будто бы сама:
„Есть на свете славный остров—
Саарема, Саарема.“
Пусть не смеет непогода
Зори здешние закрыть.
Пусть мечтают мореходы
Славный остров посегить.
Море, люди—две стихии.
Люди этой стороны,
Их характеры крутые
Морем определены.

Всем во всём известный в мире,
Ты из наших островов —
И просторнее и шире,
Всех иных материков.
Обелиск твой вспоминая,
Помня мирные дома,
Я тебя не забываю,
Саарема, Саарема!

РОЗЫ ПУСТЫНИ

В моем сердце, как в глуби степной,
Зацвели ароматные розы
Их не тронут ни солнечный зной,
Ни ветра, ни песчаные грозы.

Корни соки берут от моих
Чувств сыновних к земле; лепестки же—
Как в росе, от надежд молодых,
Мои розы все ярче, все выше.

О Республика моя! Я отдаю
В дар красоту эту алого цвета;
Горд я тем, что в едином строю
Ты заботой народов согрета.

Белых роз подарю я тебе:
Им, как хлопку, сверкать белизною,
Ярко в нашей счастливой судьбе
Светит радость над степью родною.

Только желтых не стану дарить,
Желтых роз, к огорченьям причастных,
Чтоб они не смогли омрачить
Черт высоких твоих и прекрасных.

Всех друзей на горжественный твой
Созывает с улыбкой державной
Праздник Каракалпакии славной,
Автономной, советской, степной.

КОНИ

Стучали вы точеными ногами
О звонкий бубен степи, ладя бег...
Как чудных женщин, звезды, русла рек,
Природа сотворяла вас веками.

В истории пролег копытный след,
Промчались гулко кони по вселенной,
Но в век машин уж прежней пользы нет,
Уж не на сцене кони, а за сценой.

Медлительным хозяин счел коня
И распостился с конскою уздою,
И лишь в стихах, подковами звения,
Конь скакет, не смирившийся с судьбою.

Настает день—и лайнеров полет
Покажется привычным и не скорым;
И человек иную скорость ждет
В своем движеньи по земным просторам.

Не сядет нынче юноша в седло,
Скорее в путь отправится он пеший...
Машина! Вот что в плоть и кровь вошло.
Аварии? Их терпят ведь не все же.

До участи рогатого скота
Вы опустясь, пасетесь в поле росном
Вдали от сел, где шум и суета,
К гудкам прислушиваясь тепловозным.

Но вновь о скакунах стоустна весть,
Когда со славой, не из-за подачки,

Они людей отстаивают честь
И утверждают честь свою при скачке...

И стоя над рассветною водой,
С отметиной на лбу, доверчив, тонок,
О чем заржал ты, стригунок гнедой,
Взгляд к бледным звездам устремив
спросонок?

САКСАУЛ

Что за странные голпы видны в раскаленной дали?
В небо руки кривые с угрозой они
вознесли.
К ним с дороги сверни: это стражи пустынь—саксаулы,
Над горбами барханов вздымаются в жгучей пыли.

В седане и рубцах, сколько лет им, не
знают они
Положи их в костер,—антрацитом пылают,
они.
Будто стойкий отряд массагетов—кочевников древних,
Жизни крайний рубеж от песков охраняют
они.

В зной и стужу растет саксаул на сыпучей
гряде,
Право жить на земле добывает он в тяжком труде:
Как бурильщики скважин, упорные, твердые корни
Прах бездушный сверлят, пробираясь к
соленой воде.

Безымянный, на страже стоит в одиночестве
он,
Если в схватке погибнет, не требует
почестей он,

Но, покуда живет, будет молча с пустыней
сражаться,
Как верблюд, терпелив и, как сказочный
воин, силен.

На суровой земле прорастают его семена,
Вслед за ним в наступленье идет на пустыню весна,
А когда он в огне умирает—не зря умирает:
Жар упрямой души отдает человеку сполна.

ЖАВОРОНКУ

1

Мой жаворонок звонкий,
Трель твою
Я слушаю, ничком упав на землю,
Твоей жизнелюбивой песне внемлю —
Как будто сам свою я песнь творю.
Твой голос в детстве в сердце я вписал,
И он звучит во мне, как голос детства,
От грусти чудодейственное средство, —
С ним столько раз душой я воскресал!
Ты озорно купаешься в пыли,
Потом встрияхнешься и взмываешь в высги
И лишь тогда поешь...
И я зависим
Вот точно так же от родной земли.

2

Гнездо твое нередко я встречал
В высоких травах, у воды, бывало.
Душа тебе охотно поддавала,
Но самого тебя не привечал.
И лишь теперь я понял:
Мы — родня.
И твой неброский облик — не помеха,
Чтобы сказать тебе, моя угода,
Как много чувств ты песней вил в меня.

3

Мой жаворонок,
Мне ничуть не жаль,

Что детства моего пропыла тропка,
Что ныне она стала полем хлопка,
Что домик мой родимый обветшал.
Пускай изменит русло Кегейли,
Куда мальчишки камушки бросают,
Пусть пустыри, где мы козлят пасли,
Лишь в памяти моей и воскресают, —
О, только бы от радости труда
Земля моя родная молодела,
И песнь твоя по-новому горда,
Над нею нескончаемо летела!

4

Ты пой, дружок с хохлатой головой!
Твоей жизнелюбивой песне внимлю,
Как в милом детстве,
Нав ником на землю,
Дыша ее душистою травой.
Где только не бродил я, не бывал,
Должна быть, повидал почти полсвета,
С каких мне только экзотичных веток
Какой певец крылатый не певал!
Но где-то там, аж на краю земли
Я слышал голос твой неповторимый,
И снова наблюдал мой взор незримый,
Как ты, малиш, купаешься в пыли.
И навсегда в разлуке понял я,
Что будет волновать всегда, как в детстве,
Как лучших дней счастливое наследство,
Меня степная песенка твоя.

5

Пой, мой певец, красу родной земли!
На твой концерг скучил я все билеты,
Пусть все мои закаты и рассветы
Летят над берегами Кегейли!

Блестит вода, все солнцем залиго,
От сердца оторвавшись,
К синей бездне
Струится птичья, человечья песня...
Земля, ты—наша общее гнездо!
Поем вдвоем, в одной родной семье,
Живя, служа одной родной отчизне.
Нет на земле без этой песни жизни
И родины нет тоже на земле!

ФАЗАН

Бродил я степью заснеженной,
Ступал по свежей белизне,
И вдруг, как громом пораженный,
Остановился я.
И мне
Явила степь—художник чудный—
Картину на холсте своем,
И было оторваться трудно
От красок, пыщущих огнем,
Незащищенно икрыто
Лежал фазан в тени куста,
Как позабытая палитра,
Где дерзко смешаны цвета!
Цвели оттенки красок сочных,
Живою силою полны,
Как будто радуги кусочек
Упал на землю с вышины.
Фазан, прижавший шею к телу,
Крылом головку укрывал,
Но хвост—изменник—то и дело:
„Я здесь!“—владельца выдавал.
И я подумал;
Так, бывает,
Девчонка юная, в цвету,
Одеждой тщетно прикрывает
Свою хмельную красоту.
Взлетела птица—глазу больно!
Над степью взмыл комок огня...
Я побежал за ней невольно,
Но мчались, обогнав меня,
Лихие всадники за псами.
Псы взвыли, увидав ее.

Охотник с красными глазами
Уже прижал к плечу ружье!
И—выстрел...
И кусты сомкнулись
Над птицей с раненым крылом,
И люди в заросли метнулись,
Спеша к добыче напролом.
Но, не желая покориться,
Пытаясь выжечь смерть дотла,
Как пламя, трепетала птица,
Сопротивляясь и жила!
И я подумал, птицу славя,
Что нужно пламенио мечтать,
Любить, как пламя,
Жить, как пламя,
И, пламенея, умирать!

ВОСПОМИНАНИЯ НА ИВОВОМ БЕРЕГУ

Памяти моего брата Мадена Юсупова

Как возмужали вы, родные ивы,—
Тенисты и высоки,—поглядите!
Водою Кегейли напоены вы,
Чеперь любую бурю победите.
Тогда, в войну, сиротами вы были
Садам и то вниманья не хватало),
Чтоб сделать мост, под корень въс
срубили.

Но из корней взошли побеги тала.
Когда, о сыне думая тоскливо,
Мать не спала, сраженая бедою,
Ее печаль вы разделяли, ивы,
Склоняя ниже ветви над водою.
И, сложно дети по отцу скучая,
Потерянно качались вы от ветра,
„Друг Ибрагим, приди!“—вы мне кричали
И тихо ждали моего ответа...
Я здесь сидел над книгою открытой,
Порывы ветра мне читать мешали.
Глаза мне закрывали руки чьи-то.
„Кто это? Угадай!“—вы вопрошали.
О, если б целый год мне закрывали
Свег солнца эти пальцы с перстенками,
И то я рассердился бы едва ли
На девушку с прохладными руками!
Когда она от глаз их отнимала
И, глядя на меня, смеялась звонко,
Казалось, в жизни горя не видала
Задорная беспечная девчонка.
Но нет, война мечты ее украла,

Как ястреб, налетающий нежданно,
И горькую тоску ее послала
В кочевье—без дорог, без каравана,
Как яблоко румянясь наливное,
Она была прекрасна. В знак расцвега,
С кистями рук сравнявшись тэлчиною,
Коснулись бедер косы в это лето.
Как птица гамаюн она глядела,
Молчала, глубоко запрягав горе.
„Вестей от брата нет ли?“—то и дело
Я замечал в ее горящем взоре.
Она, смеясь, жука в воде ловила
И сунуть мне за шиворот старалась.
„Когда джигитом станешь?“—все шутила
И в памяти навек такой осталась.
Джигитом-то я стал...
Но те джигиты,
Что за свободу жизнь свою отдали,
Где спят они?
У горьких вдов спроси ты,
У девушек, что понапрасну ждали!
И в сердце жажды мести пламенела,
И щугки без ответа оставались.
Когда душа у каждого болела,
На полуслове песни обрывались.
Но есть в народе нашем чудо-сила,
Что всякого оружия сильнее,—
Она врагу за братьев наших мстила,
И мы пришли к победе вместе с нею!
Родные ивы!
Легкими шатрами
Вы в юности парили надо мною,

Не совладала злая выюга с вами,
И вашу тень не выжгло пламя зноя,
И жгучий ветер вам не страшен, ивы,
В тени ветвей он, как ручной, ревнится!
Здесь воробы и ремезы счастливы,
И, славя вас, не умолкают птицы.
Вы поднялись над павшими отцами,
Вознесены бессмертными корнями,
Как молодо душистыми ветвями,
Шумите вы над радостными днями!
Под вашею листвою серебристой,
Под вашею величественной сенью
Я, удивленный, прошептал:
„Как быстро
Ты возмужало, наше поколенье!“
Арыков берега теперь высоки,
Переменилось многое в округе.
Лишь, как и встарь, торчат вихри осоки —
Ее косил я, обрезая руки.
Там, где солончаки когда-то были,
Хлопчатник рос...
Меж белыми домами
Катились по шоссе автомобили,
И запах дынь плыл от бахчи, дурманя.
И вижу я, бежит мальчишка прямо
Навстречу мне и окликает: „Дядя,
Зайдите к нам, вас приглашает мама!“
И замер я, в глаза мальчишки глядя.
Да, твою маму, милый мой, я знаю —
Ты смотришь, а мне кажется, что снова
Та девушка смеется озорная,
Припрятав в кулаке жука речного...“

Я к ней войду. Она мне улыбнется.
Глаза не спросят:
„Есть письмо от брата?“
И только к сердце птицей острепенется
Ее невозвратимая угроза.
Разрезав мякоть дыни восковую,
Мы многое припомним молчаливо ..
Возьму лутар.
Грустя и торжествуя,
Спою о вас, мои родные ивы!

КОГДА НАДЛОМЛЕН КУСТ ЧИНАРЫ

Когда надломлен куст чинары—проступят
слезы на коре,
Все радости его покинут, боль пробегает
по н-му.
Я видел, миллионы листьев трепещут тихо
на заре,
Сочувствуя той малой ветке, тому собрату
своему...
Да человек я! Потому-то, хоть сердце у
меня одно,
Я наделен искусством чувства всей жизни
в собственной крови.
Будь черной или белой кровью—все крови
—чувствовать дано,
Они мои! Последним хлебом пожертвуя
своей любви.
Время тощих одиночеств и мечтаний
ушло долой,
Кто одинок, тот просто Ларра, отверженный
на всей земле.
Сейчас весь мир—корабль единый, качаемый
одной волной,
Я слышал, что едины души всех, кто пла-
вает на корабле.
Плыви, плыви в любое море, или любым
материком,
Здесь я—за всех. А все—за мною,—
таков теперь закон земной!
Мир, дружба—это птицы. С ними издавна
человек знаком,
В сердцах они гнездовые свили, всегда—
с тобою и со мной.

Свободен и силен я, владею счастьем жить
и петь.
Но не могу я жить спокойно, покой не
свойственен пока.
Да, потому что человек я—спокойно не
могу смотреть
На то, что в мире нет покоя, что не иссякла
слез река.
И если кто-то плачет на Кубе, те слезы—
на щеках моих,
Взмах каждой палки в дальнем Конго—
ожогом на моей спине,
Кинжал, пронзивший Асануму, он сразу
ранил нас двоих.
И все страдания Алжира распарывают
ребра мне!
Когда надломлен куст чинары, то вся
в слезах его кора.
Все радости его покинут... А мы не листья.
Люди мы!
Когда мы все объединимся,—объединиться
нам пора,—
Тогда и атом не пугает, его не выпустим
из тьмы.
Да, если б нам объединиться, бог бы приз-
нался: нет чудес!
Да, если б мы объединились—глаза Лумум-
бы жить могли!
Как листики одной чинары, мы на планете
вместе здесь.
Давайте же объединимся, все люди чест-
ные земли!

БАЛЛАДА О МАШИНАХ И О ДОРОГЕ

I

Выходят на дорогу все машины,
жужжат, стрекочут, нагреваясь, **шины**,
и завихренья студят людям лбы.
Отстали все теперь,
хоть и спешили—
ишак и конь, телеги и арбы.

Когда летит машина с тонким **гулом**,
не выдержать ни лошадям, ни **мулам**.
— Эй, поскорей садитесь, старики.
Я тороплюсь, но развезу к **аулам**!..

— Да нет, дороги наши далеки,
а мы спешим. Езжай ты ради бога.
Есть дом— заночевать.
И есть дорога.
Есть и „Москвич“, бензина полон **бак**,
Грузаузай¹ трясет уж очень много.—
Старик смеется, достает табак.

— Ого, старик толк в жизни понимает!
Как возгордился; На язык остер,—
включает скорость молодой шофер,
машина тучу пыли поднимает,
и „До свида...“ —
ревущий смял мотор.

---

¹Г р у з а у з а й (искаж.) — грузовая машина

II

Вот вечереет, и пошла прохлада.
В автобусе старик.
Поспать бы надо,
нет, думает, подводит свой итог.
Он пережил две жизни, два уклада—
длинна, сложна история дорог.

Не спрашивай про муки. С тяжким грузом
плелись между Чимбаем и Нукусом,
три раза ночевали по пути.
Ревел ишак, подстегнутый укусом,
а Серый был—резвее не найти.

У самого—нет ни семьи, ни крова,
батрачил он смиренно и сурово,
а сам тропинку выискал тайком,
вступил в отряд героя Шайдакова;
за новой жизнью он пошел в ревалом.

И по его плечу нашлась винтовка.
На малахай звезда пришита ловко.
Он вышел в первый бой,
в последний бой.
Великая вершилась перековка,
запомнил эти битвы край степной...

На Тазгара машину утомила
дорога. Подаправить бак пора.
А вот тропа.
И у дороги близко

тут боевых друзей его могила.
Стоит старик,
Как будто бы вчера
оставил здесь друзей, у обелиска.

Не спрашивай о муках тех дорог.
Мы шли в бои за честь родного края —
теряла сыновей страна родная,
но одолеть ее никто не мог.

И вот она теперь — одна из многих,
машина мчит, дорога — как струна.
Задумался о жизненных дорогах.
Смотри вперед, смелее, старина!

III

Идут, идут груженые машины,
миражи отбегают за версту.
Белеет поле хлопка, все в цвету,
деревья гнут цветущие вершины.

А жаворонок вверх летит легко.
Песнь не слышна. Поет, ему не важно,
он для себя, себе поет отважно.
Мелькнул — и нет.
Машине далеко.

Стучат настилом стойкие мосты.
Строители достойны уваженья.
Идут каналы, небом налиты.
И вот опять — зеленое круженье.

Весь путь сопровождают прозода—
от ГРЭС идут ногастые опоры,
Хотел считать, стариk, но сбился скоро.
Нагие дети около пруда.

Два дерева мелькнули в этот миг—
два старика, как будто на совете,
бараны шапки сдвинули впритык,
стоят и побеждают все на свете.

—Ты бы, стариk, немножечко уснул,—
советуют. Смеются.
Мимо, мимо—
проносятся то город, то аул,
то заводские трубы в шапках дыма.

Нукус—Чимбай—на час езды всего-то.
Гудят шоферу:—Молоко везешь?
Терпенья нет уже, берет зевота.. —
Острят. А старику сказать охота:
„Пешком бы походила, молодежь!“

А ветер отстает в такой погоне,
ну что же, ветер, на себя пеняй!
А „Волги“ чуть гугукнув при обгоне...
Куда спешат? Написано в законе—
„Раз не уверен, то не обгоняй!“

IV

Грузаузай! Ты друг и работяга,
Привет тебе, наш друг, Грузаузай.

Там, в кузове, стоишь подобьем флага
и где захочешь—
там и вылезай.

Грузаузай—жизни караваны.
Везут муку и сахар, лес и чай,
и удобренья.
Всем они желанны,
на пастбище и в поле их встречай.

V

Упала ночь кромешная. Она
У нас внезапна—торопливы боги.
Поплыли густо звезды вдоль дороги,
одна погаснет—
новая видна.

Старик вздыхает:—жаль, я не шофер.
Перемигнется фара с встречной фарой,
так и ведут свой тайный разговор.
„На курсы поступлю!“—решает старый.

Стоп! Что такое? Рядом грузовик.
В кювет залез, сидит, как будто в грядке.
—Зачем задерживаться!—слышен крик.

Такой чудак!
Рывок—и все в порядке.
Опять вперед и фарами свети.
Бесцenna дружба для людей в пути.

В пуги и в жизни — расписакье строго.
Зовет дорога, да, зовет дорога.
А прозевал — не сядешь на ходу.
И опоздал всего на ерунду,
а вот гляди —
отстал-то как памного!

Надежды, и заботы, и любви,
свиданья, ожидания, тревоги
и радости
текут по той дороге.
Попробуй задержи, останови.

Машины километры отсчитали,
дорога — дальше.
Так за годом год
Через Амударью в иные дали
республика моя всегда идет.

Я вижу, плещет синяя стихия,
просторы несравненной чистоты...
И я поднялся на утес впервые,
где, может быть, стоял когда-то ты.

Не говорю я, что под стать поэту
 тот, кто взобрался на утес морской;
 плынут навстречу солнечному свету
 красавцы-корабли передо мной;

они плывут величественно, строго,
 задумчивы в движении своем,
 у каждого—далекая дорога,
 ведущая в туман, за окоем.

...Иная жизнь предстанет перед нами,
 эпоха счастья, мира и труда,
 а новыми веселыми волнами
 омыты будут новые суда.

Утес и берег гладит море мерно,
 надежна гавань. Вечен синий свет.
Поэзия и без меня—бессмертна,
 без Пушкина—ее в помине нет.

Сольются страны, языки, народы,
 но и тогда, покорные ветрам,
 куда бы не поплыли пароходы,
 они прикалят к этим берегам...

* * *

Сердцу не любить нельзя,—
не на месяц, а навек
может полюбить, друзья,
человека человек.

Человека полюбить
можно и издалека,
без него, скучая, жить
как без близкого дружка.

Провожая навсегда
человека в мир иной,
омрачит свои года
вдруг горючею слезой.

Если выстрелит подлец
в человека,—друг—орел
заслонит, чтобы свинец
в человека не вошел.

Воцарится мир большой,
доброте светить вовек,
коль полюбит всей душой
человека человек.

Камни в сердце растопят
доброта, как майский снег,
лишь бы стал всю жизнь любить
человека человек.

* * *

Есть у меня друзья и есть враги,
а у кого же нету их, врагов?
Рукопожатье дружеской руки
И полный ненависти взгляд, без слов.

Чтоб человеком быть,—немало сил
ты должен обрести, людей любя;
заметят ли, что ты не так ступил,
друзья,—и отвернутся от тебя.

А может быть, неправо обвинив,
товарищи тебя плохим сочтут.
Им неприязни не сдержать порыв
и ничего уж не поделать тут.

Мой резкий нрав порой плодил врагов,
но от народной ненависти я,—
хоть и не верил никогда в богов,—
прошу аллаха уберечь меня!..

РОДИНА

Ты мне ветками тала казалась сначала,
Как зеленая ветвь, вырос я среди них,
И свирель из коры твоей тонко звучала—
Отголосок наивных раздумий моих.
„Я—зеленая ветвь! Сок земли животворный
Я впитала!“—звенела свирель над рекой,
И поддакивал песенке ремез проворный
И гнездо себе строил, трудясь день-день-
ской.

„Кто умелее—бог или птица?“—сказала
Мать однажды, любуясь чудесным гнездом.
И тебя, моя Родина, сердце узнало
На лице материнском, родном и простом.
По росистой тропе я бежал рано-рано
И, сорвав одуванчик, брал в рот стебелек,
Чтоб конец его вился, как рожки барана,
Я, твердя: „Стань бараном!“—глотал
горький сок
И скакал мне навстречу ягненок веселый,
„Пют-пют-пют!“—перепелки кричали
с полей...

А потом стала Родина белою школой,
Зазвенел колокольчик среди тополей.

Я ловил ястребов, и, не зная покоя,
За мечтой молодой по степи я скакал.
Ты была, моя Родина, теплой рекою,
И в коробочке хлопка твой лик возникал.
Ты светилась в улыбке девчонки смешли-
вой—

Как она улыбалась, стройна и юна!
(А в ауле была она самой красивой,

До сих пор почему-то мне снится она.)
А когда пастухи возвращались со стадом,
Ты печальною песней плыла в тишине.
И легендой рассказанной сторожем старым
В шалаше, на бахче, ты осталось во мне..

Я во всем узнавал тебя —
В тающем клине
Улетающих птиц над осенней страной,
В крике коростеля на пустынной равнине,
В громком зове фазана из рощи ночной.
Я любил забираться на стены весною
И следить, как пылает камыш у воды.
И лежали дороги твои предо мною,
Расходясь от аула лучами звезды.

О, во всем узнавал я тебя и гордился,
Как прекрасна ты, Родина! Как ты сильна!
Сколько б я ни любил землю ту, где родился,
Но отдельно от Родины —
Что мне она?
Если звезды Кремля поднялись негасимо
Со страниц букваря над мою судьбой,
Если Ленин и Пушкин родились в России, —
Я навеки, о Родина, связан с тобой!
Без России великой, без буквы заглавной
Слово „родина“ мне никогда не понять.
К ней, бескрайней, и многоязыкой, и
славной,
Обращаюсь:
Великая Родина-мать!

Заблужусь я в горах или в чаще таежной,
Постучусь ли в ярангу средь вечного льда,
Даст мне пищу и станет защитой надежной
Чувство Родины, данное мне навсегда.
Как могу я ходить по цветущим долинам,
О тебе забывая, в родном краю?
Только тот может истинным быть граж-
данником,
Кто вместит в свое сердце всю землю
твою!

Из-за заборов деревянных,
С газонов парков, площадей
Глядят цветы Востока—канны—
С улыбкой доброй на людей.
На них мы смотрим, как на чудо,
Поэт и пахарь, я и ты:
Любовь трудящегося люда,
О канны, алые цветы!
Девчонки-модницы, нижоны
От шумной улицы вдали
И те затихнут удивленно:
Какие канны расцвели!
Да, здесь в степи, сожженной зноем,
Днем погружалось все во мглу,
И пыль ложилась толстым слоем
На свежевымытом полу!
Давно уж нет степи безводной,
Покрытой жестким янтаком¹,
Она по воле всенародной
Прекрасным стала цветником.
Вы, канны, говорите гордо,
Что время лучшее пришло,
Вы у дверей аэропорта
Гостей встречаете тепло.
Две женщины домой вернулись,
И „звезды“ на груди горят.
Цветами крупными любуясь,
Они на площади стоят.
На сессии, в кремлевском зале,

---

1. Янтак—верхлюжья колючка

Две дочери Амударыи
Не раз, наверно, вспоминали
Про канны милые свои...
Конечно, прав народ, считая
С давним давно минувших лет:
Кровь белой курицы густая—
Вот самый чистый в мире цвет.
Как пламя средь ночного мрака,
Вы, канны, яростно ярки,
Любимый цвет каракалпака
Окрасил ваши лепестки!
Днем ходят канны, как фазаны,
Веселый водят хоровод.
О, взять бы в руки кисть Сарьяна!
Художники, смешной народ,
Цветы, поблекшие в стаканах,
Изображая на холстах,
Вы забываете о канных—
Народных праздничных цветах!
Я б холст большой на площадь вынес
И рисовал бы только их
На фоне города, что вырос
Цветком среди равнин пустых!..
Уносит осень цвет за цветом—
Зеленый, белый, голубой,
Цветы другие вслед за летом
Уходят, не вступая в бой.
Все пожалеет, но бессонно
Лишь канны—гордые сердца—
Стоят, как знамя гарнизона,
Что не сдается до конца.
Шагайте, канны, перед нами

Колонной юной, боевой,
Как дети с красными флагами
По первомайской мостовой!
А здесь вы горделиво встали:
У пьедестала Ильича
Торжественно затрепетали
Куски живого кумача.
В простом пальто, раздутом ветром,
Он улыбнется с высоты,
Когда придут к нему с приветом
Востока алые цветы...

ВИНОГРАДНИКАМ ЛИВАДИИ

О, виноградники бесчисленные
На ливадийском побережье,
Здесь были думы мимолетные,
Как родники, чисты и свежи.

Я не узнал, как вкусны ягоды,
И не потрогал гроздей алых,—
Уже их сок прозрачный яростно
Бродил в массандровских подвалах.

Но к земле осенней вечером
Лучи заката прикоснулись,
И юности мечты беспечные
В душе, как пламя, встрепенулись.

Прохладой терпкой листья веяли,
Шуршали мягко друг о друга,
И мне открылась на мгновение
Таинственная нега юга.

Порывы ветра полусонные
Рассказывали мне об этом,
И лозы, соком опьяленные,
Перемежали тень со светом.

Я листья яркие, горячие
Клад между книжными листами...
Любимая, казалось, прячется,
Со мной играя, за кустами:

То здесь, то там лоза качается,
И я за легкой этой тенью
Бегу, и счастье не кончается
На винограднике осеннем.

* * *

„А проходили здесь несчастные?“ —
Однажды спросишь ты, родная.
Я этот берег в дни ненастные
Не видел, нет! Но только знаю,

И Чатыр-даг беру в свидетели,
И кипарис спрошу про это:
Здесь в годы давние заметили
Печаль великого поэта.

Совсем один, с тоской огромною
Он думал о судьбе России,
И камни Аю-Дага темные
Его над морем возносили.

Застынет девушка над кручею
В тяжелом громе непогоды —
А мне он видится — задумчивый
Певец стихий, любви, свободы!

Он проходил легко и гордо
Вблизи роскошного дворца
И осмеял полумилорда
И проклял полуподлеца!

---

* * *

Но „белого царя“ владение
Народу двери открывает.
Я здесь живу. И вдохновение
С Ай-Петри птицею взмывает.

Простерли песни вдохновенные
Крыла над берегом Тавриды,
Чтоб жили в памяти нетленные,
Незабываемые виды.

Засохнут, станут пылью серою
Листочки в книге меж листами,
Но, виноградники осенние,
Навек вы мне редными стали.

К АМУДАРЬЕ

Амударья, священная вода!
Коль зависть есть во мне к кому-нибудь
Возьми ее с собою навсегда
К далеким устьям в свой нелегкий путь.
Как щепку мелкую, прочь унеси с собой
Груз мелочных обид с моих ты плеч...
Чтобы такой же радостной волной
Мне широко и бурно в жизни течь!

АМУДАРЬИНСКИЙ СОНЕТ

Над дельтой тьма. Спит на воде луна.
Звучит согласный шепот камыша.
И бакенами ночь освещена.
И слышен ровный скрип карандаша.

О нет, ночами я не одинок!
Я вижу—Рыльский подошел к столу,
Твардовский в кабинете свет зажег,
И Межелайтис смотрит в полумглу.

Я вижу, что не спит Фаиз Ахмад,
Баятий пишет—четок след пера.
О, как на рыбака похож поэт—
Его зовут товарищи: „Порал”.

Зажег прожектор дальний пароход—
Вот и меня ночной огонь зовет.

ВСТРЕЧА С СОЛДАТОМ РЕВОЛЮЦИИ

Н. А. Шайдакову—отважному командиру отряда Красной Армии.

Вспоминает бывалый солдат...
Снова жизнь свою переживаєт,
Сколько дней—сколько огненных дат
В его памяти вновь оживает!
Первой ласточкой новой весны
Рассказал он убогим, голодным и
Бедным людям восточной страны
О свершившемся счастье народисм.
Только ласточка строит гнездо,
Над землею порхает кругами,—
Он же кровь проливал за нее,
Он за землю сражался с врагами.
Был он послан сюда Ильичем
Для большого и трудного дела,
И звезда, как Шолпан¹, горячо
На косматой папахе горела,
Здесь друзей он оставил в земле—
Тех, кто шел, за народ погибая,
Тех, кто насмерть стоял в Туркюле
И на пыльных дорогах Чимбая.
Здесь в жестоком сраженье разбит
Был главарь басмачей Джунайд,
Гнал его к англичанам назад
Боевой краснозвездный отряд.
Видит он обелиск в Тазгаре—
В этой политой кровью земле.

¹ Утрення звезда.

Рядом русский и каракалпак—
Над рядами солдатских могил,
Возышаясь, как траурный знак,
Бесконечно шумит турангил...
И солдат, с ними шедший в строю,
В дни боев, что уже далеки,
Повторяет здесь клятву свою,
Вытирая слезу со щеки.
Эти дали, цветущие все,
Уберег он от бед и невзгод.
По стремительным лентам шагсе
Снова мчит его время вперед.
Раскрывает объятья, любя,
Полны солнца и радости край,
Поднимаем мы тост за тебя:
„Будь здоров, наш народный Чапай!“
Молча встал ты у края стола
И никак не подыщешь слова...
Вспоминает бывалый солдат—
Столько дней, столько огненных дат!

СОРВАЛ ЦВЕТОК Я...

Однажды над чирчикской быстриной
Сорвал цветок я на рассвете дня,
И запах, полный солнцем и весною,
Навек остался в сердце у меня.

На тонких лепестках горели капли
Ночной росы—прозрачней хрустала,
И лепестки, переливаясь, пахли,
Как пахнет вся узбекская земля!

Так ни одно вино не опьяняло:
Во мне мотив веселый зазвучал,
И, напевая, над водою алой
Я шел навстречу солнечным лучам.

И шепот ветра стал я слушать жадно—
Запели в нем газели Навои,
И зазвенели песни Алимджана,
Журчалис, как чистые ручьи.

Я слышал: все вокруг жило и пело.
Я видел: вся вокруг земля в цвету,
Наверно, в очи превратилось тело,
Вбиная каждой клеткой красоту!

Как первая красавица народа,
Была весна чудесна и нежна,
И я подумал, что сама природа
Сейчас не может быть не влюблена!

Здесь днем прохладу ветви навевают
И волны листьев плещут, зелены,

А ночью в ветках тала застрезают
Все звезды, осыпаясь с вышины.

Ночное небо здесь волшебно, странно,—
Как будто вдохновением своим
И го создал узбек из Маргелана,
Покрыв атлас узором золотым...

Какой душой здесь обитают люди,—
Прекрасной, как цветенье Георгиевы!
Семь раз здесь побывать хочут люди,
Сюда приехав из иной страны.

Свет ГОЭЛРО сливается с рассветом:
Свет яркой лампы—с утренним лучом,
И солнце поднимается при этом,
Чтобы за дело взяться горячо.

В лучах зари, чудесной эвой ранью,
Спеша навстречу утру и добру,
Как юноша к любимой на свиданье,
По берегу иду, как по ковру.

Я непременно человека встречу,
Который дорог сердцу моему,
И крепко обниму его за плечи
И, протянув цветок, скажу ему:

„Мой брат узбек! Ты эту землю поднял,
Цветущей сделал на века—рахмат!“
И тот цветок, что я сорвал сегодня,
Отдаст ему свой терпкий аромат.

ДУБ У ДНЕПРА

Воды мчит река направо,
А налево—непреклонный—
Дуб раскинул величаво
На холме шатер зеленый.
Помнит дуб—свидетель славный,—
Как невестой здесь, бывало,
Молодая Ярославна
Тосковала, горевала.
Помнит он седые были,
Битвы, что вошли в преданья.
Жгли враги его, рубили,
Обрекали на страданье.
Но, могучий, непокорный,
Все изведав, все приемля,
Он пустил глубоко корни
В дорогую сердцу землю,
Он стоит, не умирая,
На великой Украине,
Ветеран степного края,
Крепкорукий и допыне.
А под сенью величавой
Раздаются звонко песни,
Будто Мужество и Слава
Здесь всегда пируют вместе.

КИЕВСКИЕ КАШТАНЫ

Как люстры, что в Кремле,— цветы
В родном краю Богдана.
Привет вам, чудо красоты,
Крещатика каштаны!

Я здесь впервые, Киев-брат,
Ты—богатырь, тебе я рад.
В одеждах юности стоят
Крещатика каштаны.

Цветов, деревьев благодаты!
Не уставая опьянять,
После войны цветут опять
Крещатика каштаны.

Какая ширь! Простор земной
Амфитеатром предо мной.
Вдоль улицы равняют строй
Крещатика каштаны.

Сюда я часто прихожу
И с высоты холмов гляжу
На улицу, где нахожу
Крещатика каштаны.

Здесь радость бьет теперь ключом,
Как юность, неустанно,
Цвегут в просторе голубом
Крещатика каштаны.

Влюбленным людям счета нет
В стране благоуханной;

Ваш край поэтами воспет,
Крещатика каштаны.

Труда и мира благодать,
Нет места крикам бранным...
Я сердце рад за вас отдать,
Крещатика каштаны!

ПЕСНЯ ЗЕЛЕНОГО КЛЕНА

На Каневской горе,
при встрече,
сразу
Зашелестели, зашумели клены.
Там,
над могилой,
став лицом к Тарасу,
Заговорил о давнем клен зеленый,
Я слушал...

И моим открылась взорам
Та шхуна белокрылая, что смело
Пустынным и загадочным простором
К неведомому берегу летела.
О здравствуй, „Возрожденье“!¹

Средь Араца—
Бездонный остров... Говор тростинковый...
Но дальше—в путь. И шхуна вдаль
бежала.

И вогон—берег, брошенной подковой,
Тогда со шхуны, будто скорбный оклик,
Примчалась песня.

И в чепцах рыбачьих
Каракалпаки замерли, замолкли,
Внимая слову про судьбу казачью.
И отзывались в душах песни эти.
Грустны, как песнь аральца-рыболова.
Бурлак из Амударьи тащит сети,
Но дома не забыть ему родного...

¹ Остров „Возрожденье“ в Аральском море открыт экспедицией, в которой принимал участие Т. Г. Шевченко.

Тут встал рыбак, охвачен дружбы жаром,
Когда затихла песня-незнакомка,
И сделал белое весло дутаром²
И, опершись на мачту, спел негромко.
В каракалпакской песне той звучала
Степей краса,

степей очарованье,
Аральских волн могучее начало,
Что ярости полно и ликованья...

А после вновь прищелец пел:—Отныне
Ты не тюрьма, Арал, ты стал мне братом.
Поверь, на чернобровой Украине
Грустить я буду по ветрам крылатым.
Каракалпака я не позабуду—
Заворожившего сердечной песней...

Кто знал, что тот рыбак, создавший чудо,
Был соловей степей, Бердах-кудесник!

Все это нашептал мне клен,

когда я

Принес цветы на Каневскую гору...

С тех пор Тараса песня молодая

Влечет меня к днепровскому простору.

• Музыкальный инструмент.

АРБА СЛАВЫ

Коль свяжешься в пути с арбою славы,
То так и звай: беды не миновать!
И канет в пустоту твой голос слабый,
Когда, застряв, на помощь будешь звать.

Пусть обод украшает позолота
И весь навес из серебра на ней,
Твоя дорога — черная работа,
Тебе б арбу, хоть ироще, да прочней.

Здесь слева — горный кряж, обрывы —
справа...

Колени ободрав о камни круч,
Узнаешь сразу, сколько весит слава,
Приняв на плечи тяжесть темных туч.

А те, кому отваги недостало
Достичь вершины волей и трудом,
Увидят ли как трудно дышит слава,
Хватая воздух пересохшим ртом?

Передохнув на горном перевале,
Почувствуешь прилив внезапных сил,
Хотя готов был к этому едва ли
И у судьбы пощады не просил.

И больше ноги не болят натужно...
Ты победил. Окончена борьба.
И там, где больше транспорта не нужно,
Ждет тебя славы странная арба.

И непомерно узкою тропою
Помчит тебя она в волшебный сон,
Которым над восторженной толпою
На краткий миг ты будешь вознесен.

Но пользы в ней не больше, чем в
игрушке,
А это не игра—твоя судьба.
...Когда в дорогу отправлялся Пушкин,
Его ждала обычная арба.

ЖЕНЩИНЕ, КОРМЯЩЕЙ РЕБЕНКА

У твоей груди ребенок замер,
Он сосет, причмокивая сладко.
Ты уткнулась жадными глазами
В книгу. Лоб перечеркнула складка.
Две косы ползут по белой шее,
Черные, волнистые такие.
Чмоканье. Страниц волшебный шелест.
Слушаю симфонию любви я.
Пахнущий цветущею весною,
Вмятину — как будто снег растаял —
Пухлою молочной пятернею
На груди твоей малыш оставил.
Я тебя поцеловал бы, обнял, —
Милая, я этого хочу так! —
Но ребенок это право отнял,
Дав взамен благоговенья чудо.
И стою я робко, изумленно
У святого чистого истока.
Как Бийби-Марьям, ты смотришь с трона
Моего смиренного восторга.
На колени все мужчины мира
Пред тобой упали бы с мольбою:
Их, которых тоже мать вскорнила,
Материнской освятить любовью.
Кормишь ты ребенка. Все как надо.
Только — что сильнее есть на свете?
Ты дала бессмертье Леонардо,
Рафаэлю ты дала бессмертье!

ЗАВЕЩАНИЕ

Бахраму

Попросишь ты достать звезду—
К вершинам дальних гор пойду.
Захочешь жемчуга, сынок,
Нырну в бездонный я поток.
Верблюдом дряхлым за гобой,
Упрямый верблюжонок мой,
Я поплетусь на склоне лет,
С твоим свой сдваивая след.
Захочешь песен—напишу,
Захочешь сказок—расскажу,
Себя в игрушку предложу
Без промедленья малышу.
Коня захочешь—подсажу,
Забудешь что-то—подскажу,
Собою выстелю твой путь,—
Ты только человеком будь!
Рости, сынок, рости большой,
Будь чист и сердцем и душой,
Чтобы никто сказать не мог:
"У человека сын—щенок!"

ПЕСНЯ О МОГУЧЕМ ЧИНАРЕ

„Мы умираем за русскую землю“⁴

(Присяга черных клобуков¹,
Ипатьевская летопись, XII век)

I

Чем прочнее корки у чинара—
Тем упорней, тем ветвистей он..
Приднепровский дуб,
Дружинник старый!
Предок мой в твоем гнезде рожден.

Ты хранил его от лиходея,
Прикрывал обильною листвой.
Оперился, взрос в твоем гнезде я,
Выкормыш, итенец окропивший твой.

Бури буйные тебя трепали,
Обжигали молнии, ярясь.
Но в годину горя и печали
Защищал ты нас, спасал не раз.

И когда заклятый враг старинный
Землю обволок, как черный дым,—
Князь удалый с верною дружиной
Кинул клич соотчичам своим.

Стяг червленый развернула слава,
И, готовясь к праведной борьбе,
Золотому слову Святослава
Внял мой предок, преданный тебе.

¹ „Черными клобуками“ русские летописцы называли предков созидающих каракалпаков.

И, воинственному зову внемля,
Черные скакали клобуки,
За славянскую сражаясь землю,
За седой простор большой реки.

Мчали их неистовые кони—
И трещала, как татарский щит,
Степь испепеленного Задонья
От густого топота копыт...

Я не знаю, кстати ли, не кстати ль
Разговор затяг я такой.
Лучше мы в аул пойдем, читатель...
Дед-жырау¹, нам о дружбе спой!

Песнь твоя—истории сраница,
В ней—зарницы грозного огня,
В ней, волнившись, темный Днепр струится,
Бой кипит, доспехами звения...

Два народа—кровные два брата—
Локоть к локтю шли крутым путем.
Пращур мой не зря сказал когда-то:
—Мы за землю русскую умрем!

Русский брат мой,
Путь у нас—единый.
Мы с тобой сроднились навсегда.
Дуб днепровский,

---

¹ Жырау—народный певец.

Богатырь былинный,
Я—литомец твоего гнезда!

II

Чем прочнее у чинара корни—
Тем упорней в схватках с бурей он.
С высоты его земля просторней,
Выше и яснее небосклон.

Корни непокорного чинара
Был бессилен вырвать шариат.
Злыe каны листья рвали яро—
Но чинар мощнее стал стократ.

И подняв народ свой угнетенный,
Храбрый, пестроглазый Ерназар¹,
Стоя под твоей широкой кроной²,
На тебя глядел, родной чинар,

Шепот твой
Тарас² в изгнанье слышал,
Отзываясь шелестом стихов...
И всегда—
И в бурю, и в затишье—
Пугникам дарил ты тень и кров.

---

¹. Пестроглазый Ерназар (Ерназар-алакоз)—национальный герой, возглавивший восстание каракалпаков против сноса хивинского ханства.

² Имеется в виду Т. Г. Шевченко.

Ты, как знамя, вел в сраженья рати,
Ты питал народные мечты.
Помнил ты о приднепровском брате.
С ним корнями дружбы связан ты.

III

Коль у дереза глубоки корни—
Долголетье суждено ему
Мой чинар, могучий, непокорный,
Дай—тебя, как друга, обниму!

Как ладони для рукопожатья,
Листья тянешь ласково шурша.
Слышу пенье птиц твоих опять я,
Мнится мне: поет твоя душа.

И в помине нет былой пустыни,
Вся земля—тенистый свежий сад.
Не один в степи стоишь ты ныне—
Саженцы листвою шелестят.

Не грозит тебе отныне гибель.
Не задушит суховейный зной.
Где бы я ни жил,
Где б только ни был—
Облаком стоишь ты предо мной.

Расцветай на солнечном приволье,
Древо вечной дружбы и любви.
Коль хоть ретью твою сломать позволю—
Берсуг выпьет пусть глаза мои.

СМЕРТЬ ЖАВОРОНКА

В стели, у обочины, в зарослях горькой
поляни,
Лежит он безжизненно, крылья в пыти
распластав,—
С восторженным пеньем в простор осле-
пительно синий
Над ширью степною уже не взольется
стремглав.

...Бывало, присинув к траве, под полуден-
ным жаром,
Как будто подслушивал вешней земли го-
лоса,
И вдруг, словно камень, подброшенный
ловким ударом,
В лазурь устремлялся, в безоблачные небеса,

Внизу—разноцветная, в праздничном ве-
ликолелье
Бескрайняя степь расстилалась на зависть
глазам.
А он, опьяненный, висел над весеннюю
степью,
Как будто себя пригвоздив к голубым небесам.

Висел он, звенел он, восторженно иiel с
поднебесья
Любаясь на мир—как он светел, просто-
рен, красив

И даже джейраны в степи, зачарованы
песней,
Застыли, заслушались, робость свою по-
забыв,

Казалось в тот миг: родники приглушили
 журчанье
 И прядями длинных волос не шуршат
 ковыли,—
 Весь мир необъятный внимал в изумлен-
 ном молчанье
 Взлетевшему в небо посланцу земли.

Так пел он без умолку—в радостном са-
 мозавене,
 Не видя, как туча над ним грозовая вс-
 тает,
 Но град беспощадный обрушился через
 мгновенье,
 И наземь, убитый, упал он с лазурных
 высот...

Над мертвым певцом горький запах полынь
 источала.
 Вздыхала земля, пламенели тюльпаны в
 цвету...
 Лежит он сраженный... И все же успел он
 сначала
 Поднять свою песнь в ослепительную вы-
 соту!

Загорелая девушка—
наш молодой археолог—
Средь руин крепостных,
зачесанных горячим песком,
Расписные коробки из ниш,
будто с каменных полок
Достает осторожно—
как чаши с густым молоком.
Снимешь хрупкую крышку—
костей человечьих обломки:
Зазвенят, как стекло.

А на каждой из ури вековых—
Арамейская вязь
и рисунок отчетливо-тонкий;
Скорбных женщин ряды—
безутешных, совсем как живых.
В узких красных одеждах они,
отороченных черным,
Руки к небу вздеги,
разметаны пряди волос,
Плачут, плачут навзыд...

И не нужно быть мужем ученым,
Чтобы сразу понять,
в чем причина их стонов и слез.
Слышу я сквозь века:
голося, проклиная убийцу,
Плачут жены кердерские,
сияя вокруг мертвца.

---

¹ Оссуарии-гильевые коробки, служившие погребальными урнами, на которых изображены женщины, оплакивающие погибших воинов.

Воют, волосы рвут,
    в исступленье царапают лица,
И багряными струйками
    слезы текут без конца.
То ли грозные гунны,
    с востока нахлынув нежданно,
Сотни мирных селений
    предали мечу и огню,
То ли, мстя племенам,
    не признавшим законов Корана,
Кутейба беспощадный
    устроил погром и резню.
Горек плач матерей,
    потерявших своих верблюжат...
И гляжу, потрясенный,
    на тысячелетний рисунок —
И сжимается сердце,
    внезапно туманится взгляд.
О, как все это с детства
    до боли, до крика знакомо;
Пряди кос разметавшихся,
    горя безумный порыв!
Так невестка соседская,
    выбежав с воплем из дома,
Причитала в отчаянье,
    с фронта письмо получив.
„Жеребенок мой резвый!...“
    Куда ты пропал, быстроногий?...“
Так стонала ты, мама,
    о брате погившем моем.
Так над свежей могилою,
    в черных плацках у дороги,

Мать и дочь партизана,
обнявшись, рыдали вдвоем.
Так рыдают сегодня
вьетнамские сестры и вдовы
Над родными телами
в дымящихся грудах золы...
... У раскола стою—
и на вас молчаливо, сурово,
Неотрывно гляжу,
оссуарии из Ток-калы!
Плачете, древние жены,
над павшей кердерскою ратью—
Эти крики безмолвные,
нам сквозь столетья слышны!
Пусть пронзят, поразят
ваши стоны и ваши проклятья
Даже черные души
зачинщиков новой войны.

С О Р Ш А¹

(Из цикла сонетов)

Леченье от грусти—прогуляйся по берегу реки,
Леченье от чванства—поброди по кладбищу

Пословица

I

Здесь бытия с небытием граница,
О жизни здесь любая глохнет весть;
Жил—мог себя заметней прочих счесть,
Сюда попал—пред равными смирился.

Мутится разум здесь, влажны ресницы,
Ничьим губам в улыбке не расцвесть.
То ль другу без тебя отсюда брести,
То ли тебе без друга воротиться...

Настигнет смерть арканом скакуна,—
Неведом ей просчет, не кинет мимо.
И все ж она над жизнью не властна.

Жизнь непокорна и неутомима.
Смотри: вот надломился стебелек,
Но вырастет их тысяча, дай срок!

II

Настигнет смерть арканом скакуна,—
Судьба для всех одна... Страхись другого!

¹ Сорша—кладбище в окрестностях города Нукуса.

Вдруг говорящий над тобою слово,
Утраты не почувствует сполна!

Представь: не скорбь сердец, а тишина,
Ведет тебя в последний путь сурово.
Страхись того, что смена не готова,
Что за зимой не настает весна...

Оставшиеся жить—твои же судьи.
Страхись, что, о тебе припомнив, люди,
Заслуг твоих, увы, не назовут.

Коль ни врага, ни друга ты не нажил,
Кто б смерть твою, как жизнь твою ува-
жил,
Так, может быть, ты вовсе не жил тут...

III

„Воскресни он, явись опять средь нас,
О нем была бы вся моя забота,
Я не жалел бы для него почета,
Ресницами бы стал для милых глаз.

Войди он в дом солдатом в поздний час,
Объятьям жарким не было бы счета”—
Так уверяет на могиле кто-то...
Слова пустые слышал я не раз.

Вернувшись за „пэхоронной“ следом,
Слuchaется—как лишний за обедом,
Чужой... Его ль к груди теперь прижать?..

Нер, вспять воде текущей не податься,
Чем этак бесполезно сокрушаться,
При жизни б нам друг друга уважать.

IV

Мне старика однажды показали—
Лет полтораста он на свете жил!
Почтигелько я старца навестил,
И—где ты, зависть, что была вначале?

Лет за пять до Бердаха свет узнали
Его глаза... Трех жен похоронил...
Когда Тарас к нам в степи сослан был,
Уж тот с детьми рыбачил на Араке.

Три было сына—обратились в прах,
И нет помина о былых друзьях,
Вокруг него—совсем иное племя.

У высохшей чинары жалкий вид.
„Притих ты, старый,—древо говорит,—
Шумели мы в одно с тобою время...“

М. Ю. Лермонтову

Народ, из сердца своего взял каплю крови,
И совесть чистую совокупив с землей
родной,

В него дыхание вдохнул своей любовью
И на великий подвиг воскресил земной.
Ему открыла в детстве мать невучесть
слова,

А колыбель его качал надежды свет.

Леса,

Озера,

Воды,

Горы, как родного,

Его лелеяли, как сына, с юных лет.

И вот покоя он искать рванулся в бурю,
На путь кремнистый вышел, где ждала
беда...

В его душе—снега с небесною лазурью
И со звездой там говорит звезда.

Ему дана кифара вещая Орфея.

Из плена суетного, мелкого всего,

Дыханьем чувств

Всевластных, страстных вея,

Взвывает к людям благородно песнь его.

Судьбу планеты, мира вечные заботы

В себя вмещает его сердца широта.

И жаждой огненной он жизни и свободы

Все обжигает, словно Демона уста.

Смеется вечно он под дулом пистолета,
Пусть и тверда убийцы подлая рука.
Кто посягнет на честь, на свет,—
Пусть знает это!—
Того он вызовет к подножью Машука.

ТАК ЯРКИ БЫЛИ ЗВЕЗДЫ В ЭТУ НОЧЬ...

Ивану Панченко

Так ярки были звезды в эту ночь,
И с неба тучи отлетели прочь,
И музыка лилась и вместе с ней,
Лилась беседа легче и вольней.

Декада—десять славных дочерей,
Раскрытых душ, распахнутых дверей,
Зеленый шум берез, сердце тепло,
Сюда с собой Полесье привело.

И до зари не спали соловьи,
Они, как и сородичи мои,
Гостей встречали из далеких мест.
Цвели сады—наряднее невест.

За белорусской песней, брат векам,
Со струн дутара выпорхнул макам¹
Науменко, веселый великан,
Нарым-нарым² танцует с Аимхан³.

А гости величавы и мудры,
В них—годы, партизанские костры,
И праздники Купалы, новь и былъ,
И строки Танка, и, конечно, Брыль...

1. Макам—восточный мотив.

2. Нарым-нарым—народный танец.

3. Аимхан Шамуратова—каракалпакская певица, народная артистка СССР

Гурткульской ночью черно-голубой,
Припомнили об этом мы с тобой.
И вдруг меня ты за руку схватил,
Словами необычными смутил.

Сказал: „Взгляни, как край прекрасен твой!
И эти небеса над головой,
И тени этих будущих плодов
На контурах невидимых садов...“

По-новому на небо я взглянул,
И ветер давней юности вдохнул,
И Путь далекий Млечный разглядел,—
Где у него, где у мечты прелел?

Приветно звезды в вышине рябят,
Как морды белолобых жеребят...
Благодарю тебя, поэт и друг,
За то, что это мне открылось вдруг.

Так здравствуй, Белоруссия, сестра,
Хозяйка партизанского костра,
Ты северная роза, чьей судьбой,
Горжусь, как сын, я, вскормленный тобой.

Со мной и Минск, и Нарочь¹—навсегда,
Твои дороги, села, города,—
Что в памяти твоей звездой зажглось,—
И в пуще Беловежской добрый лось...

---

¹ Нарочь—озеро в Белоруссии.

БЕРДАХУ

Ты—песня, что босой по снегу шла,
А рядом горя цокали копыта,
Что в ветхой юрте рождена была,
И бедами народными омыта.

Владыкам мира не мозоля глаз,
Не мог бы жить—тебя смешила злость их.
И сколько раз твой громогласный саз,
Звучал, Бердах, как голос безголосых.

Еще тепла от твоего плеча,
Твоя одежда греда чьи-то плечи,
И не умел ты, съято дни влача,
Ждать с музою измученною встречи.

Ты в юрте белой, раб своих затей,
Не пировал.
Для тех, чья жизнь убога,
Ты пел и был гогов, как Прометей,
Для них похитить и огонь у бога.

Ни Байроном, ни тем, чей скорбный прах
Все чтут, презрев былого суд кровавый,
Не стал ты, но останешься, Бердах,
Моей страны непревзойденной славой.

Твои слова—вопль истины из тьмы,
И каждый стих твой—подвиг, а не поза,
Его с мечом сравнять могли бы мы
Героя Ерназара—алакоза.¹

¹ Ерназар-алакоз—национальный герой каракалпакского народа, предводитель восстания в XIX веке.

Живешь на тарах всех дутаров ты,
И не напрасно снова мне и снова,
Твой голос, голос доброты, мечты,
Велит: „Сынок, ищи, не славы—слова!“

Кто ты такая,
Родина моя?
В простой и непростой вопрос вникая,
Поэты были помудрей, чем я,
И не могли сказать, кто ты такая.

Мне всех твоих детей
Не перечесть,
Но лишь тобой питаются от века:
Их мужество, достоинство и честь,
Все то, что отличает человека

Они живут—как в мире должно жить,
Великие и рядовые—рядом,
Но как они умеют дорожить
Тобой,
Своим бесценным самым кладом!

И если будут призваны тобой,
Забыв величье, одолевши робость,
И в дула вражьих ружей,
Будто в пропасть,
Бесстрашно глядя, примут грозный бой!

Говорят:

„Кто ищет, тот найдет“.
Днем с огнем ищу, иду вперед,
В закоулки жизни проникая...
Но найду ли, не скажу пока я.

Жадно в книгах мудрости ищу,
В дом молву стоустую ташу,
Вопрошаю рілость и беду,
Степь,
Дорогу,
Ветер и звезду.

Так ищу—как разрывают клад,
А дела с трудом идут на лад.
Сон забыв, отдавшись непокою,
До рассвета маюсь над строкою.
Журавлю в огромном небе лихо...
Ищет его, кличет журавлиха.
Ищет у ручья рассветом сереньким
Девушка оброненные серьги...

Как чабан, что потерял коня,
Я ищу,—как ветер в поле рыщет...
И меня, должно быть,
Тоже ищет
Кто-то, потерявшее меня.

К ХОСЕ МАРТИ

На Кубе мир,
Над Кубой — синева.
Свежо и остро, словно бы впервые,
Опять звучат во мне твои слова:
„А вам цветести, фиалки полевые!“

И снова вижу я далекий год:
Лобастый человек,
Сминая травы,
Мучительно и медленно ползет —
И след по травам тянется кроваво.

И свистом пуль разъята тишина,
По родине безжалостно и грубо
Идет война, проясняется воина.
И человек устало шепчет:
„Куба!“

О чем сейчас он вспомнил и о ком?
Роняют губы жаркие, сухие
Над нежным,
Окровавленным цветком:
„А вам цветести, фиалки полевые!“

В Испании
Почти что под огнем
Мать родила на свег тебя когда-то.
Два слова: „Вива Куба!“ — день за днем
Вели тебя крутым путем солдата.

Два сокровенных слова!
Ради них
Мир задавал тебе свои вопросы.

И, молнией сверкнув всего на миг,
Ты пал, сраженный пулей в Дос-Риосе.
Но, высекая искры, гнев людской
Все бил да бил о горную породу—
И занялся огонь.
И остров твой
Стал знаменитым островом Свободы.

Над ним не гаснет
Яркий свет звезды.
На нем, твое приемля вдохновенье,
Осуществило давние мечты
Разбившее оковы поколенье.

Хосе!
Над всей Америкой возник
Зовущий свет высокого накала:
И в той звезде
Надменный материк
Свое предвидит новое начало.

И ту звезду еще оценят все,
Как ныне Куба—вольная впервые.
Не позабыть слова твои, Хосе:
А вам цветсти, фиалки полевые!"

СТЫДИСЬ БЫТЬ ТЩЕСЛАВНЫМ...

Тебе никто не запретит вовеки
В здоровых грезах
Возышаться над горой.
Но оставайся скромным человеком,
Беги тщеславия, мечтатель молодой,
И если твой талант достигнет цели,
То этого уже достаточно вполне.
Большой почет приходит,
В самом деле,
Все чаще к тем,
Кто поначалу в стороне.
И пусть тебя признанье осенило,
Пусть встретил ты
Свой маленький успех,—
Не поднимай бревно, что не под силу,
Не становись, мой друг,
Посмешищем для всех.
Чужих венков не требуй от народа
Но день за днем твори,
Верши дела свои.
И понимать начнешь ты год от году:
Важны творенья, а не слава Навои.
Тебе никто не запретит вовеки
В здоровых грезах
Возышаться над горой.
Но оставайся скромным человеком,
Беги тщеславия, мечтатель молодой,
Ты лучше на обочине дороги
Чинару посади,
Разрыв земную грудь,
Чтоб утомленный путник хоть немножко
Сумел в ее тени прохладной отдохнуть.

Пройдут года над древнею планетой,
Порвется наших жизней тоненькая нить,
Но будет для блуждающих приметой
Твоя чинара постаревшая
Служить.

КУРУК

За рекою слышен снова
Табуна стоногий шаг.
Под табунщиком бедовым
Самый резвый аргамак.

Мчит табунщик, словно птица,
Распластавши крылья рук,
Вот сейчас на кобылицу
Он набросит свой курук¹

Только кобылица эга
Тоже в скачку влюблена:
Как хвостатая комета,
Вдаль уносится она.

Вдаль уносится ретиво,
Словно чудо из чудес.
И следит за ней ревниво
Тонконогий жеребец.

Ох, табунщик! Право слово,
Он в делах своих мастак.
Под табунщиком бедовым
Самый резвый аргамак.

Вновь табунщик ловит стремя,
Плеть взлетает вверх сама...
На табунщика все время
Смотрит девушка с холма.

---

1 Курук — аркан.

Все табуинщику известно.
Взгляд он чувствует спиной.
— Любит девушка... А если
Просто шутит надо мной?

Он курук не бросит мимо,
Крепко держит он курук.
Только перед ней, любимой
Ощущает слабость рук.

Эй, джигит! Держись покрепче
В этой радостной борьбе.
Ведь девчонка что-то шепчет,
Что-то шепчет вслед тебе...

Мы были накануне увиданья,—
Октябрь нам дал могучее дыханье.—
Мы словно почки на единой ветке,—
Так вспомним же, как жили наши предки.
Эни неслись—сайгаков диких пара,
Эхотилась судьба за ними яро.
Они неслись—два перекати-поля,
И смерч свою навязывал им волю.
И не было на свете человека,
Для них страшнее хана Жанибека.
Он грабил с наслаждением и с толком,
Он рыскал по степям голодным волком.
И жили предки бедной жизнью смертных,
И управляли их кочевкой ветры.
Да, путь был утомительным и долгим:
Скитались предки вдоль великой Волги.
Бродили предки в яицких просторах,
На крымские вскарабкивались горы.
И перед Черным изливали морем
Под сердцем накопившееся горе.
Но, все свои страдания осилив,
Не оторвались предки от России.
Ее водою утоляли жажду
И находили кров под камнем каждый.
Ее народ жил с ними по соседству.
Ее народ имел большое сердце.
Ее народ сквозь бури и тревоги
Штыком пробился к солнечной дороге.
По той дороге, распахнув объятья,
Повел он наших предков — младших
братьев...

Мы выглядим одним цветущим полем,
Мы славимся во всем единой волей.

* * *

Я как-то летом, солнечным июлем
В одном ногайском побывал ауле.
Я тот аул вовеки не забуду:
Цветы, цветы душистые повсюду.
Аул богатым славится колхозом.
Сбылись, мой брат, заветнейшие грэзы.
Давай, мой брат, порадуемся вместе.
Давай, родной, прислушаемся к песням.
Мы подпевали людям в полный голос,
Пшеницы целовали каждый колос.
В ущельях мы букеты собирали,
Красавицы кумыс нам подавали,
И даже люди старшие с почтением
Сажали нас с тобой за угощенье.
Мой брат ногаец!
Там я был как дома.
Мне были все пословицы знакомы.
Там девушки с ребятами на пару
На звонких голосах пели дияры¹.
Кого-кого мы там ни повстречали!
Но мы нигде не встретили печали.
Так пусть же, брат, всегда счастливым
гулом
Звучат дияры над твоим аулом!

¹ Дияр—песня

Задержится поезд — немного
И снова летит, как шалькой,
Родная земля!
Зюю д рогу
З окно я любуюсь тобою.
Мне вовсе неведома скуга:
То там появляясь, то тут,
Воздев белоснежные руки,
Березы приветствие щют.
Колеса стучат все налевней,
И мимо летят без следа
Леса, города и деревни.
Деревни и вновь города.
Соседи дымят табачищем,
И я открываю окно.
А воздух дождями очищен,
А воздух пьянит, как вино.
Скажите, чего это ради?
Я должен скучать поугру?
Мои азиатские пряди
Трепещут на вольном ветру.
Вдали поспешают гурьбою
Девчонки семнадцати лет.
Машу и машу им рукою,
И девушки машут в ответ.
Все просто и ясно, как в детстве,
Не зря утверждает народ,
Что, „сердце пьет воду от сердца“.
Я тоже уверен, что пьет!
И девушки, знать, потому-то
Понять мои чувства смогли.
Ведь я — не прошло и минуты,

Как скрылся в лиловой дали.
Каким овладеть мне искусством,
Какой мне осилить порог,
Чтоб эти заветные чувства
Словами я выразить смог?
Хоть радостен путь мой
И свежел,
Но я перед всеми в долгу.
Покуда сокровища эти
В душе у себя берегу.

БАЛЛАДА О ГОРНОМ КЛЮЧЕ

Народному поэту Аялбергену Мусаеву

Я знаю ключ в одном укромном месте.
Несет он воды звонкие свои
И с Кара-тау, с крутизны отвесной
Срываются в поток Амударьи.
Я с другом-чабаном полдневным часом
Беседовал однажды над ключом.
Парил над нами ястреб зоркоглазый,
Грустила даль неведомо о чем.
Дышали горы свежестью и лаской,
В глухих ущельях прятался туман.
А древний ключ нашептывал нам сказку.
И тихо повторял ее чабан.

Рассказывают,
Древнею порою,
Сорвавшись слепо с недоступных круч,
Скатилась вниз скала и под собою
Похоронила вольный этот ключ.

За годом год спешил походным маршем...
Но как-то раз,
Приехав из-за гор,
Батыр, свою любимую искавший,
Поставил под скалою свой шатер.
Батыр устал от конского галопа,
Батыр собрался славно отдохнуть
И вдруг из-под скалы услышал шепот:
«О ты, герой, освободи мне путь!
Лихой батыр!»
Свернув скалу однажды,
Еще не раз ко мне вернешься ты:

Я смою кровь,
Я исцелю от жажды,
Я выращу чудесные цветы.
Не пожалей, герой, батырской силы.
В минуты счастья и в часы беды
Всегда тебя баюкать будет милый,
Спокойный голос ключевой воды.."
Батыр поднялся,
Расправляя плечи.
И вдруг, примерясь к одному углу,
Усилием своим сверхчеловечьим
Отбросил прочь огромную скалу.
И вновь забил тот ключ еще чудесней...
Течет к реке и ночью он и днем
И по пути нашептывает песни
О сказочном спасителе своем...

Не так ли ты,
Забывший о полетах,
Лишенный песни радостной своей,
Под ненавистным задыхался гнетом,
Каракалпакский звонкий соловей?
Не так ли ты томился год за годом,
Не доверяя ветренной судьбе?
Великий Ленин дал тебе свободу,
Дорогу к свету проложил тебе.
И ты, как древний ключ,
Еще чудесней
Блистал в ночи,
Сверкал на солнце днем,
Ставя нескончаемые песни.
О великом избавителе своем.

КЕГЕЙЛИ

Мне в жизни счастья большего не видо,
Лишь вновь пройти к тебе заветным садом,
Тиши ощутить на миг твою прохладу,
Моя родная речка Кегейли.

Мне хочется задуматься немножко.
Припомнить детства узкую дорожку,
Когда меня, как малую рыбешку,
Твоя вода растила, Кегейли.

На берег выбегали мы с рассветом.
Зимой—катались, а купались—летом...
Узнаешь ли во взрослом парне этом
Чернявого мальчионку, Кегейли?

Мы здесь носились шумною гурьбою,
Быть может, я давно забыт тобою?
Закрыто детство дымкой голубою,
А ты течешь все так же, Кегейли.

Ты навсегда осталась милой былью,
Здесь свежести и солнца изобилье.
Но жизнь над нами распростерла крылья,
И мы пошли за нею, Кегейли.

Любой тебе обязан обученьем
И тем, что против сильного теченья
Способен плыть и плыть без утомленья...
Твоя заслуга в этом, Кегейли.

Заветной встречи наступила сроки,
Взобрался я на берег твой высокий.

О, где берешь ты мудрые истоки,
Краса всего аула, Кегеили?

Я вижу все, оглядываясь робко,
Бегут арыки от тебя, как тропки,
И тут и там—белым-бело от хлопка.
Ты жизнь даешь природе Кегейли!

Ты чувствуешь свое призвание в этом.
Скажи, какая польза от поэта,
Коль он сердца оставит без ответа?
Скажи, какая польза, Кегеили?..

СПАСИБО ТЕБЕ, ВРЕМЯ МОЕ!

„Если б мне было чуть больше лет,
В битвах бы юность прошла моя...“
„Если б родиться мне позже на свет,
Дожил бы до коммунизма я...“—
„В спор ваш не буду вдаваться, друзья,
Вы разбирайтесь между собой...“
Время, в котором родился я,
Гордостью стала моей и судьбой.

Пусть не участник я ратной страды,
Но героической юность была:
С теми, кто старше, сильны и тверды,
Мир, разоренный воагами лотла,
Мы поднимали в рабочей пыли,
Ладно держали его на плечах...
Соединяли мы реки земли,
Крепли, дрожа от росы на полях.

Смел мой ровесник, трудолюбив,—
В нашей Голодной степи оттого
Светится хлопок и звездный разлив
Правит над Братском свое торжество.
С чувством святым я на свете живу,
Бурно, как струи на быстрине,
Чувством Отечества назову
То, что безмерно бушует во мне.
Родина скажет: „К звездам лети!“—
К звездам рваемся дерзкой стрелой
И по-гагарински все на пути
Опередим, не склоняясь перед мглой.

Зло обуздать нам, со злом не шутя,
К свету дороги легли широки;
Азия—мать ждет свободу—дитя,
С черных запястий сбиты замки.
Сердце горит от чилийской беды,
Кубы победы на сердце легли;
Корысть не ведают наши труды,—
Было бы благо людям Земли.
Счастье и горе—в сердце моем,
В сердце уместится весь шар земной.
В землем дышим мы и живем,
И не желаем эпохи иной.

Будущего увидать не смогу,
Но ведь дойдем до него мы, дойдем
И на бетонном его берегу
Встанем под солнцем или дождем.

В те берега, что украсили мы,
Новые волны будут стучать;
Славных потомков волнуя умы,
Будут и наши там песни звучать.

Чернобородый мой сверстник, суров
Путь неустанных и творческих дней,
Верны на нем мы завету отцов,—
Белобородых хозяев степей.

Я жалею поэта, пусть он и велик,
Если не пережил он, горя вдохновеньем,
Тот короткий, единственный, может быть,
миг,
На века остающийся чудным мгновеньем.

Я жалею поэта, который не смог
Нанести сам себе эту лучшую рану:
В лабиринте своих бесконечных дорог
Повстречать, и полюбить и воспеть свою
Анну.

Ах, как короток миг, как аллея длинна!
В женском облике сладкая мука явилась...
И пускай не навек твоё счастье—она,
Но навеки мгновение остановилось.

Осветила двоих молодая луна,
Ганнибаловы липы стоят в карауле.
Краткий миг, долгий вздох... Даже смерть
не страшна.—
Не домчать до любви ей на кончике пухи.

Это летняя ночь глубокая, как любовь,
Как прекрасных очей откровенные взоры...
Пережить бы мгновение чудное вновь,
Но жестока судьба и скуча на повторы.

Сколько зим, сколько лет... Сколько строк,
сколько муки
Но живет ожиданием сердце поэта.

Пусть за встречей короткой сугробы раз-
лук,
Но навеки продолжилось мгновение это.

Поделиться бы думою тяжкой... Да с кем?
Лишь перо и бумага, сугробов белее...
До сих пор все идёт по аллею Керн,
Бесконечною стала в то лето аллея.

То пешком, то в кибитке в нездешний
рассвет
В путь пустился поэт с незалеченной раной
От драконного гнева, от тайных клевет
Зэ мечтою своей—за придуманной Анной.

Бросил вызов царям, и врагам, и богам—
Всему свету поэт, ничего не жалея.
По калмыцким степям, по морским берегам,
По кавказским горам протянулась аллея.

Ц., копытами коискими зэклейчена
К омыта фонтанами Баучисараи.
То в пыли, то в дыму исчечала она,
То опять появлялась, под солнцем сгорая.

То, распутав на миг свой мудренный клу-
бок,
Пронесилась она по дворцовым паркетам...
Царь от гнева, как сажа, черпел, но не
мог
Расквитаться никак с непокорным поэтом.

И тогда он убийце вручил пистолет,
В совершенстве владея подобным галантом.
И не знал, приближаясь к барьерау, поэт,
Кто невидимым был у врага секундантом...

Берега Черной речки поныне в крови,—
Нам досталась последняя рукопись эта:
Вечным гимном свободе, борьбе и любви
Негасимо горит на снегу кровь поэта.

И когда я в Михайловском осень встречал,
Переполненный светлым волнующим чув-
ством,
Надо мною живой его голос звучал,
Повествуя о давнем мгновении чудном.

Там, где тропы диктуют пути альпинистам,
Я увидел тебя, о моя Юпшара.
Если б туром я был, то по склонам скали-
стым

За тобою скакал бы с утра до утра.
Я, играя, прошел бы опасные скалы
И дошел наконец бы до места того,
Где когда-то давно ты Гего целовала,
На мгновенье приблизившись к руслу его.
Но, пока он пьянел от вина поцелуя,
Ты сумела обятья его разорвать
И, смеясь, понесла свои звонкие струи
Так, что даже джигиту тебя не догнать.
А когда колдовство твоих чар ослабело,
Огляделся растерянно бледный Гего:
По-вечернему небо уже голубело
И была Юпшара от него далеко.
Так же всюду топорщились скалы рогато,
И темнело привычно в знакомых горах,
И стоял безразлично на фоне заката
Тур, державший дрожащий закат на рогах.
Сразу понял Гего — бесполезны расспросы,
И, царапая грудь, он отправился в путь
Сквозь кусты, ударяясь во тьме об утесы,
Чтобы только нагнать Юпшару и вернуть.
Для чего же Гего обрекла ты на муки,
Убежав от него, егоза Юпшара?
Здесь в горах, не играют ни в прятки, ни
в жмурки:

---

¹ Прекрасная Юпшара — ущелье по дороге к озеру Рица, по которому текут реки Юпшара и Гего.

Может кончигься плохо такая игра.
Поцелуем твоим навсегда опьяненный,
По горам все скитается бедный Гего:
По оврагам бежит, по равнине зеленой...
И разносится эхом стук сердца его.
Он на скорую встречу с тобой уповаёт.
Ну а ты все смеешься—довольна игрой.
Только тур за тобою бежать успевает,
За насмешливой, быстрой, как лань, Юп-
шарой.
Тур... Ему ли понять боль души человека?
Разве ради любви так беснуется он?
„Если б туром я был...“—так сказал я
наверно,
Потому что и сам в твои воды влюблен.
Потому что и сам я в разлуке страдаю,
И, как друг мой Гего, я в гомленье давно...
Потому что и сам я о встрече мечтаю—
Мне ударило в голову то же вино...

* * *

Апрельскою ночью, в ту пору,
Когда зашеветал урюк,
Девушку у забора
Остановил я вдруг.
Как молоды мы были двое!
Где он, след этих лет?
„Любишь?“ — спросил ее я,
Глаза опустила в ответ.
...Если ты что-то делаешь,
Что обижает меня,
Я вспоминаю ту девушку,
Ночь на пороге дня,
Ес теплом окрыляюсь,
Готовый все превозмочь,
Снова в тебя влюбляюсь
Как в ту апрельскую ночь.

ПРОПОЙТЕ ПЕСНЮ МНЕ АЖИНИЯЗА!

Пропойте песню мне Ажинияза;
Пусть плачут те, кому—стрелой из лука—
Пронзила сердце с родиной разлука...
Пропойте песню мне Ажинияза!

Поэт на свет рождается не часто.
Уходит он, чтобы стихам начаться.
В полночных снах, в истоме странных глаз,
Чей долгий взгляд—их добрый долгий взз¹

Чтоб строки потекли лавиной света
И сердце не осталось без ответа
И трепетно внимало ветру саза,
Пропойте песню мне Ажинияза!

Больной и страстью силой „Бозатай“²
Я души тех окаменеть заставлю,
Кто все еще, себе же на беду,
Питаєт к счастью нашему вражду.

Сегодняшняя радость тем сильнее,
Чем больше горя прошлого за нею.
Чтоб видеть завтра лик, еще неясный,
Пропойте песню мне Ажинияза!

Я жду ее, терпение теряя,
Как соловей безумный, повторяя

¹. Ажинияз—каракалпакский поэт-классик XIX века.

² Саз—здесь: мелодия

³ Бозатай⁴—патриотическая песня Ажинияза.

Слова, в которых—все острей, сильней
Вкус родины с горчинкой давних дней.

Хотите вы посредственность унизить?
Хотите звезды дальние приблизить?
Хотите, чтоб, покинув ложе смерти,
Я продолжал бы жить на этом свете?
Внемлите слову моего наказа:
Пропойте песню мне Ажинияза!

ДЕВЧОНКА НАШЕГО АУЛА

И восхищаясь, и любя,
Здесь,
Где друг друга с детства знают,
То белой лебедью тебя,
То журавлеком называют.

Верблюдицы,—все говорят,
Тебя приметив пие тоже,
Гордятся,
Что у верблюжат
Глаза с твоими очень схожи.

Своих детенышней браняг
И, укрощая нрав не кроткий,
Джейраны учаг джейранят
Твоей легающей походке.

Ты—праздник сбывающейся мечты,
Мелодия добра и света!
Едва весной
В степь выйдешь ты—
Тюльпанами вся степь одета!

В степной бескрайней глубине
Маралы вольные резвятся...
Они—известно это мне—
Охотникам жестоким снятся ..

Об этом помни,
И когда
Не тот какой-то взгляд заметишь,
То, по-особому тверда,
Достойно на него ответишь.

Знай,
В мире есть любовь и честь,
И, пусть ничем не знаменита,
Святая мать на свете есть,
Что для тебя растит джигита.

Высокомерным городам
Повязкой искренней,
Не чиной,—
Коль побывать придется там,—
Ты станешь зависи причиной.

В чужбину не подашься ты,
К пустым забавам не пристанешь,
Попав на конкурс красоты,
Ты „Мисс Такую-то“ не станешь.

Тебе все это ни к чему.
И так нас покорить
Смогла ведь.
Но—на весь мир бы моему
Перу суметь тебя прославить!

Вот так красой
Краев иных,
Чье имя строгое—Тамара,
Все бредил лермонтовский стих,
Кисть Врубеля твердила яро.

И я иду дорогой той,
И той же полон я отваги.

И, вдохновленный красотой,
Леплю твой образ на бумаге.

Над славой громкою твоей,
Что нынче—
Лишь в поре начальной,
Кружиться Демоном степей
Я буду, нежный и печальный.

Чтоб, восхищаясь и любя
За все,
Что в душу ты вдохнула,
Узнал весь белый свет тебя,
Девчонка нашего аула!

Жил юноша в Греции древней,
Возрос у пенат дорогих.
И был он в отцовской деревне
Не лучше, не хуже других.

Но как-то воды он напился
Из озера, что под горой,
И страстно
Внезапно влюбился
В свой лик отраженный водой.

И кончилась жизнь молодая
Крутым поворотом в судьбе;
Жестоко,
Ужасно страдая;
Стал сохнуть он сам по себе.

Себе на любовь сам ответишь
Как?
Умер, обманутый, он,
Бессмысленно, рано от цветущий,
Тщетой бесполезной спален...

С собой не играю я в прятки,
И—впрок каждый жизни урок.
Вот снова увидел на грядке
Любви безнадежный цветок.

И вспомнил тебя,
Друг мой давний.
Ну что ж, сам с собою носисы!

Пока для других еще в тайне,
Что ты — как бедняга Нарцисс.

Ты полон лишь только собою,
И с этой любовью своей,
Убогою,
Скучной,
Слепою,
Завянишь, обманутый ей.

ГЛАЗА ЯЩЕРИЦЫ

Когда на степь мою даны
Тво оробелых огонька,
Две современные луны—
Две фары от грузовика,
В их блеске светит бирюза,
Как перстии с царственной руки,—
То ящериц степных глаза,
Пустыни хищные зрачки.
Они меня не удивят:
В степи родился я, и рос,
И с детства помню этот взгляд,
Его сверкающий гипноз.
Когда геологов встречал,
Я им поверить не спешил...
Так ящерицы по почам
Глядят на фары от машин.
Но старый фосфор отсверкал,
А свет надежды победил,
И саксаул, как аксакал,
Оазисы благословил.
И вот горят огни во мгле,
И город встал во весь свой рост,
И звезды нынче на земле,
А человек у самых звезд.
Пустыня веки подняла,—
Прозрела тьма ее навек.
Она, смирившись, поняла,
Что царь природы—человек.
Мчат пезда ... И— дух песков,
Былых веков, летящих лет—
Мерцают космосом зрачков
Степные ящерицы вслед.

* * *

О том, как обречен любить поэт,
Спроси у звезд, струящих долгий свет.
Но надо ли и знать тебе об этом
Заклятии, дарованном поэтам?

Поймешь, как пела страсть и злость
шипела,
Увидев сердце гордого Шопена.
А пушкинское чудное мгновенье
Для скольких поколений откровенье!

Поэт в любви не раб, а властелин,
Весь мир в его руках—как пластилин.
Он лепит, сжечь готовый все, что пело,
Чтоб возродиться фениксом из пепла.

ПОСВЯЩЕНИЕ НАВОИ

Ты—мечта,
В немой пустыне
Вдруг расцветший сад прекрасный.
Сколько времени ни минет,
Лик твой не померкнет ясный.
Ты—высокий купол света,
Взвитого над временами.
А цари бесследно канут
С пышными их именами.
Ты над их высокомерьем—
Вечной красоты явленье.
И тебя, поэт, безмерно
Чтят людские поколенья.
Вот и я цветы степные,
Как завещано Бердахом,—
Приношу тебе, склоняясь
Пред твоим великим прахом.

ЧЕРНЫЙ ТАЛ

Там, где шумит арык, растешь ты, черный
тал,
По берегам живой стеной кустарник
встал.

Гвой каждый куст и каждый листик мне
сродни
Родился я под этим небом в их тени.

Не раз, подвесив колыбель к твоим ветвям,
Меня качала мать, и ты склонялся к нам.

Когда шумел ты возле юрты—шум ветвей
Звучал в душе, как сказки матери моей.

В густой листве шныряющие воробы
Мне озорство и живость отдали свои.

К земле в раздумье ветви тонкие клоня,
Учил ты вдумчивости, строгости меня,

Здесь я узнал любовь: на этих берегах
Являлись мне не раз и Пушкин, и Бердах.

Здесь, над водой, что с тихим лепетом
лилась,
Любовь к земле огцов в те годы родилась..

Ты то примолкнешь, точно сказочник седой,
То расшумишься, беспокойный, молодой.

Мне не забыть твоих речей, мой черный тал,
„О, будь поэтом!“ — не однажды ты шептал .

Когда пришло мне время из дому уйти,
Ты провожал, желал мне доброго пути.

Осталось детство там, где песни пел арык,
Я вырос и окреп, как молодой тальник.

Открылась мне такая даль, такой простор:
Леса над Волгой и стена Кавказских гор.

Я видел море, кипарисы, много дней
Я наслаждался тенью пальмовых аллей.

Но я всегда в своих мечтах летел к тебе,
Я полон дум о молодой твоей судьбе.

А ты себе шумишь, подставив солнцу
грудь,
Зовешь прохожих в знойный полдень
отдохнуть,

Вокруг гебя текут счастливой жизни дни,
И мой родной аул растет в твоей тени...

О, берег мой, мечта моя, цвети, шуми
листвой,
Я преданный твой сын, певец, мечтатель
твой!

К АРМЕНИИ

Средь вершин и горных склонов
Засверкал мне образ твой,
Словно жемчуг из короны,
Словно перстня глаз живой.
Драгоценный этот камень
Исцарапан, иссечен
Молний яростных клинками
И копытом, и мечом.
И оплавлен край огнем,
И куски его отбиты,
И следы кровавой битвы
Обозначены на нем.
На прекрасном камне раны
Истрадавшейся земли,
Как на сердце Абовяна,
Черной болью пролегли.
Но кровавыми веками
Не сражен народ армян—
Я глядел на этот камень,
Что прозрачен, как Севан.
Словно буквами Маштоца
Здесь начертано навек:
„Жив народ! И остается
Среди гор своих и рек“.
О Армения! В сиянье
Новых дней помолодей.
Чудо-камень—достоянье
Гордых, радостных людей!
Чудо-камень Аястана:
В нем цветение долин,
Крылья песен Туманяна,
Взгляд красавицы Ширин.

Я припрячу камень этот
Возле сердца своего,
На богатства всей планеты
Не сменяю я его!

ЭКСПРОМТЫ

Послушай, время! Хвастуном не делай
к старости меня!
Не оставляй на берегу реки, где жизнь
течет, звеня!
Не выставляй и чудаком пред молодыми
никогда:
Смех вызывают старики, себя хваля,
других — кляня.

А если я на полпути устану посредине
дня,
Чтобы никто— „Как ты отстал!“ — не смог
бы упрекнуть меня.
(Отстал! Я вовсе не хочу быть рыбой,
брошенной в песок!)
Своей могучею рукой ты, время, понуди
коня!

* * *

Не спят созвездия ночей, как будто в
землю влюблены.
Бессонно веет ветерок, следя, чтоб гравы
не легли.
Трещат кузнечики в траве, и я один средь
тишины —
Бессонно ночь моя пройдет, чтобы другие
спать могли,
К тебе протянуты, поэт, Шолпан зеленые
лучи,
В тревожной тьме, как верный страж, ты
бережешь покой земли

Приходят лучшие стихи к тому, кто бодрствует в ночи,—
Бессонно ночь моя пройдет, чтобы другие спать могли.

ОДНОЙ ПЕВИЦЕ

Опираясь на крышку рояля,
Пела ты, и поверилось мне,
Что сижу я, волнуясь, не в зале,
Не в торжественной той тишине...

В твой аул возвратился я, что ли?
День осенний прозрачен, как лед,
Мы, студенты, на хлопковом поле
Вдруг услышали: кто-то поет.

Как в настроенных сгрунах дутара,
В этом голосе пела, легка,
Молодая душа. Трепетала
И звучала девичья тоска.

Мы певунью увидеть пытались,
Замолкала она, притаясь—
Громко сборщицы хлопка смеялись,
Укрывая подругу от нас.

А одна улыбнулась лукаво,
Поглядев на печальных парней:
„Потрудитесь-ка в поле на славу,
Вот тогда и увидитесь с ней!“

За работу мы принялись с жаром,
И, когда завершили дела,
Нам сказали: „Спасибо!“
Недаром
Песня с нами все время жила.

А любимая наша?
Так поздно
Мы увиделись с нею самой
На собрании в клубе колхозном,
Накануне отъезда домой.

Пела нам, улыбаясь знакомо,
Не скрываясь, на сцене простой
Дочь хозяина нашего дома,
Что была незнакомкою той.

Мы ее ежедневно встречали,
Она ночью грустила одна...
Уезжали мы.
Взглядом печальным
Поглядела она из окна...

В полумраке притихшего зала
Снова слушаю песню твою,
Ты прекрасною женщиной стала,
Но тебя легко узнаю.

Ты как будто поешь не на сцене!
Я по полу иду и грущу,
Слышу голос и в вечер осенний
Незнакомку певунью ищу.

Твое платье слепит, отливает,
Словно хлопок в полях, белизной,
Твои смуглые плечи скрывает
Шаль индийская тканью цветной.

И твой голос, знакомый до боли,
Льется с музыкой громкой в ладу,
Вырываешься в далекое проle,
Как скакун, оборвавший узду.

Загремели овации в зале.
Ты умолкла.
Вздохнув глубоко,
Опираясь на крышку рояля,
Ты глядишь далеко-далеко...

ДЕВУШКА С АМУДАРЬИ

Когда поднялся на Машук-гору я,
Свет утренней зари развеял тьму.
Увидев родников килящих струи,
Гебя я вспомнил, девушка с Аму.

Гнал ветер с гор туч белых вереницы
Иль ты платком махала—не пойму
Марал сошел к ручью воды напиться,
Красив, как ты, о девушка с Аму!

Стоял Эльбрус, вершины поднимая
Округлые,—и взгляду моему
Твой стан, обвитый белым платьем в мае,
Напомнил он, о девушка с Аму!

Когда я слышал шелестенье тала,
Казалось, ты пришла—и потому,
Как только птица из-под ног взлетала,
Я вздрагивал, о девушка с Аму!

И смех ручья и звук зурны пастушьей—
Все о тебе. И мне ли одному
Они поют? Побудь со мной, послушай,
Моя родная девушка с Аму!

Чистейшие источники нарзана,
Клянусь, подобны сердцу твоему!
В горах я ощущаю беспрестанно,
Сколь ты желанна, девушка с Аму!

И овладела мной тоска по дому,
И вновь сказал я твоему письму,

Седому камню, дубу молодому,
Как ты прекрасна, девушка с Аму!

Молчит Бештау, рассекая ветер,
И тучи прикасаются к нему,
И я зову всех любящих на свете
Любить, как я, о девушка с Аму!

БЕРЕГИТЕ ГАМЗАТОВА!

Берегите Гамзатова!
Зря говорят,
Будто много поэтов у нашей планеты.
Если даже пойдет земной стихопад,
Очень редки в мире истинные поэты.

Без поэтов возможно прожить.
Но тогда
Кто бы жёг нам сердца в любви и печали?
И о чём говорит со звездою звезда,
Никогда бы на этой земле не узнали.

Берегите Расула для ратных трудов,
Пусть в борьбе со злом он не знает
покоя.

Берегите от славы заоблачных льдов,
От бесславья низины под маревом зноя.

Но прошу вас, не нужно Расула беречь
Ог орлиного взлета и мужества слова.
Пусть не спит когда век обратит к нему
речь,
Пусть в мучениях строки рождаются
снова.

Не нужно беречь его от бурных страстей,
Пусть горит он огнем вдохновенья.
Математиком не был он в жизни своей,
Пусть в любви остается всегда

Патиматик^{1..}

¹ Патимат — жена поэта.

В Дагестанской долине, с кинжалом
в груди,
Если ляжет поэт, он, как феникс,
воскреснет.
Берегите Гамзатова! Там впереди
Светят звезды ему, светят новые песни.

1983.

ВЕСЫ

Ах, как поспешно время мчится,
Как далеко шагнул прогресс!
Не волоска—его частицы
Узнать мы можем точный вес.
Я возношу сегодня славу
Кибернетическим весам.
Но что меня смущило, право?
Не верю я своим глазам.
Каких только чудес на свете
Не накопилось в толще дней!
Взгляните на весы вот эти—
Для взвешивания людей.
При виде их, смеясь, язык вы,
Как я бы, прикусить могли.
Но вот они—
Весы из тыквы¹
С веревками из конопли!
Из глины сделанные гири
С весами рядышком лежат.
Их смастерили в этом мире
Не меньше тысячи лет назад.
В них нет секрета,
Это верно,
Наука не касалась их.
Но, как овца колхозной фермы,
Могу я взвеситься на них.
Они укажут беспристрастно,
Каков я есть и чем велик.

¹ В народе так называют мерки, которыми оценивают людей, определяют качественный вес человека.

И чистый вес мой громогласно
Объявит мудрый весовщик.
Весовщики—народ особый.
Он табачок достанет свой,
И догадайся-ка попробуй,
Что он смеется над тобой!
Коль овцы тощи, значит, с ходу
Поставишь на откорм овец.
Сам сядешь на весы
Народу
Мгновенно твой известен вес.
И если мал он, то не может
Удача ждать тебя в делах,
И безусловно не поможет
Тебе тут даже сам аллах.
Хоть ты ученым будь известным,
Хоть богачем, хоть ловкачом,
Среди людей почтенных
Места
Ты не отыщешь ни почем.
Среди законов и реликвий,
Эпохи, канувшей в покой,
Да здравствуют
Весы из тыквы—
Мерила мудрости людской!

Не зря корнями накрепко сплелись мы,
У нас правдивы и чисты глаза.
...Как яблоко, невидимое в листьях,
В Ташкенте затерялся Жолмураз¹

А я о нем расспрашивал прохожих,
Я город весь, волнуясь, обежал.
И всем я говорил одно и то же:
—Не видели вы, где мой акеакал?

Один сказал:
—Они с Айбеком мимо
Прошли, спеша, еще сегодня днем...—
Другой поправил:
—Что ты?
С Миртемировым
Они куда-то двинулись вдвоем...

Яшена нет в Ташкенте...
Я в отчаянье:
Никто на помощь не придет ко мне.
Но вот свернул я в улицу случайно—
Гафур Гулям смеялся в чайхане.

И Жолмузу там наконец я встретил.
Текла беседа. Чай до срока стыл.
...И вновь я вспоминаю годы эти,
Когда, друзья,
Я вами принят был.

1. Жолмуза Аймурзаев—народный писатель Каракалпакии, наставник автора

И вот друг другу стали мы не чужды,
Объятья ваши крепки и добры.
Цветут цветы поэзии и дружбы
В моей душе с той пламенной поры.

Иду ли над Анхором¹ в летний вечер,
По улицам брошу ли наугад,
В Ташкенте ли,
В Нукусе вас я встречу—
Я этой встрече всей душою рад.

Без вас, друзья, мне счастье—не награда.
Мы—словно соловьи в одном саду.
Не весел я, когда вас нету рядом,
Без вас я, как без хлеба, пропаду.

Когда стихи читаете с трибуны
Сегодняшних, ввысь устремленных, дней,
Узбекской лирой—
Лирой вечно юной—
Горжусь я, словно собственной своей.

Тянусь навстречу существом мятежным
Строчке, что произносит Зульфия,
Восточных женщин красоту и нежность,
Стихам внимая, постигаю я.

Поэзий взволнованные ритмы
Мне открывают таинства свои:

---

1. Канал в Ташкенте.

Вот новый голос—Абдулла Арипов,
Вот древний голос—голос Навои.

Вы все в моей душе неразделимы.
Пусть в ваших кубках пенится вино!
А мне
Гафура смех неповторимый,
Пока живу, забыть не суждено...

Чудный дворец на скрещении древних
дорог я видал,
Великолепием каждый дышал завиток, я
видал.
Горлинки днем ворковали в разрушенных
нишах,
Ночью в окошке решетчатом мѣсяца рог
я видал.
Слышал под сводом я эхо далеких
столетий,
Грустной красавицы бархатный дивный
зрачок я видал.
Зодчий предстал мне мыслителем, вроде
Хатама¹,
Душу свою в этот камень вложил он, как
мог, я видал.
„Кто был владельцем дворца?“ — подходил
я с вопросом.
К путникам тем, кого на перекрестке дорог
я видал,
Эти молчали, а те пожимали плечами,
Все ж я знакомого с прошлым в положен-
ный срок увидал:
„Кто был владельцем, о том ничего
неизвестно,
Руку же „Мастера-птицы“² я здесь как
знаток увидал.

¹. Хатам-Тай — легендарный мудрец, олицетворение щед-
ности.

². Герой преданий и сказок.

Тут Саади как-то потчевал шаха беседой—
Шах словно сам в эту пору любой уголок
поповидал.
В кубке с вином шахский череп узнав,
рубаяты
Создал Хайям—я бессмертье поэта меж
строк увидал.
Люди твердят, Навои воспевал этот купол.
Место в поэме, где в строки он купол
облек,—я видал!
Некто сказал: „Рукотворное чудо мольвою
хранимо“.
Вот что действительно на перекрестке
дорог я видал!

РУСАЛКА

(Чимбайская быль)

В жаркий полдень у речки овечки соснуть
прилегли,
И пастух Пахырбай задремал у речки
Кегейли.

Солнце огненным шаром по небу плывет,
не спеша,
И, всегда любопытное, в щели глядит
шалаша.

Все дремотно и сонно, и клонит всю землю
ко сну.

Только вдруг всплеск воды
Пробудил и вспугнул тишину.

И проснулся пастух наш и выглянул из
шалаша,
И была ошаращена зрелищем дивным
душа.

В речке—девушка плещется,
Так хороша, молода!
И струятся в воде ее косы, как будто
вода.

Ее нежное тело белее корней тростника.
Смех звенит серебром—и ему отвечает
река.
То ныряет, как рыба,
То воду бьет белой ногой...

Восхищен Пахырбай и смущен красотою
нагой.

С ней играет река, молодого восторга
полнна.
От серебряных брызг—в серебристых
чешуйках она.

Но, крича,
Из воды выбегает купальщица вдруг.
На лице у нее—раздраженье, обида,
испуг.

Умоляет, и злится, и просит:
„Одежду отдай!“
Но не так уж и прост наш бывалый пастух
Пахырбай.

Все он в жизни видел, кроме смерти,
пожалуй, одной.
И сказал Пахырбай:
„Нет, русалке не сладить со мной!

Вот и молит она, вот и плачет, злится,
брания.
А одежду отдам,—она заколдует меня!

Нет, заклятье прочту и велю поскорее:
„Не тронь!“
Ну а косу ее намотаю себе на ладонь.
И прутом отхлещу—по поверию, а не ~~ко~~
зла!

Чтоб с ума не свела, чтоб беды она не
принесла*.

Все видал Пахырбай, кроме, может быть,
смерти одной.

И сказал Пахырбай:

„Нет, русалке не сладить со мной!“

В воду бросилась девушка—следом и он,
это да!

И за волосы выволок тут же ее без труда!

Троекратно к земле прикоснуться устами
велел,

И хлестал ее прутком, и наконец одолел,

Покорилась русалка, поникла, сказала ему:
Будет верно служить господину теперь
своему.

Пахырбай ее за косы ночью приводит в аул.
В юрту ввел, привязал
И с душой облегченной заснул.

Постепенно к русалке привыкли соседи...
И вог

Пахырбай справил свадьбу и славно
с русалкой живет.

И еще б не понять, отчего так добра и
мила:

Из аула соседнего наша русалка была!..

Милая,
Счастливой стать так просто!
Только об одном тебя прошу:
Приезжай горячим летом в Хосту
И взберись на гору к Акташу.
Так и вижу:
Всходит солнце бодро
Над туманом, тающим вдали...
Ты идешь, тебе щекочет бедра
Пара кос, висящих до земли.
Этот край,
Будь в радости иль в горе,
Все равно прекрасен без границ:
Зеленодолинье, синегорье
С розоворассветностью зарниц.
Но была бы лишь видней и ярче
Здесь, у Акташа, твоя краса
И, желая счастья и удачи,
Пели б тебе птицы голоса.
Перестали б сразу плакать ивы
И колоться—колкие кусты.
И была б магнolia
Счастливой—
Подарить тебе свои цветы.
И гордыни пальма бы лишилась,
И совсем не из-за высоты—
У седого тисса закружилась
Голова б от дерзостной мечты...
И тогда прислушиваясь к стону

---

¹. Акташ—горная речка.

Воли безумных.
Вспомнила бы ты:
Рафаэль нарисовал мадонну—
И влюбился сам в ее черты.
Песня Акташа звучит что ода
Красоте,
Которой нет сильней,
И сама прекрасная природа
Рукоплещет дочери своей!

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Маркс пролетариям оружье в руки дал,
Он верный ключ нашел и тайну разгадал:
Замок—прибавочную стоимость открыл он
И „Капиталом“ бил всемирный капитал.

* * *

На горный ручеек дивился я всегда
И вот спросил: „Скажи, упорная вода,
Шлифуешь гальку ты искусствей ювелира,
В чем тайна твоего терпенья и труда“?

* * *

Над спелым яблоком усевшись на листок,
Росинка хвасталась: „Я—мудрости
исток!..“

Но солнце поднялось, и высохла
росинка,
А яблочко молчит и копит мудрый сок.

* * *

Привил я скромный черенок к узлу боль-
ших ветвей,
Я древа Пушкина—росток. Бердах в крови
моей.
И незабвенный Навои в моем сердцеби-
енье.
О ветер всех земных дорог, овей меня,
овей!..

Проходишь... Платье цвета искр. А вся—
как из кремня!
Уходишь. Взгляда холодок. Не слушаешь
меня...
И только легкий ветерок от платья твоего...
Нет, это вихры! Он мир зажег! И я—
в кольце огня.

* * *

Любому зеркалу тебя не отразить сполна.
Что внешность—чайка над водой. А ты—
сама волна!
Вся стать твоя—не суть твоя!.. Любимая,
послушай,
Вот сердце. Погляди в него. Узнай себя до
дна.

* * *

Ты можешь сам сто раз забыть о том, что
ты поэт,
Но шла в сердца твоя строка—и ты
живешь, поэт!
Но если ты хоть раз забыл, что звался
человеком,
Ты лгал! Ты лжешь своей строке, ты трижды—не поэт!

Когда б сама Амударья застыла хоть на
миг...
О, ей бы в русло в тот же миг болотный
врос тростник!
Вот так... Не остытай, поэт: за каждый
час покоя
Такою тиной занесет, что не найдешь род-
ники!

СТРОКИ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Как можешь ты сомневаться в горячей
моей любви?
Ведь мне полюбились даже в саду твоем
воробыни.
И кошка на подоконнике стала мне дорогая,
Хоть и черна, как хумган¹, она, стоящий
у очага.

И даже три черных тала, что твой осеня-
ют дом,
С любовью я вспоминаю с тех пор, как
с тобой знаком.
И только в одном повинен перед тобою я:
Собаку твою не люблю я, собаку, душа моя!

---

¹ Хумган—металлический сосуд для приготовления чая.

СЕРДЦЕ УТОЛЯЕТ СЕРДЦЕ

Джейран к источнику бежит,
Косяк гусей к воде летит...
Где ж сердце жажду утолит?
Лишь сердце утоляет сердце.

Взгляни тайком из камышей
На игры белых лебедей,
На ласки их упругих шей,—
Так сердце утоляет сердце.

Мнут скакуны степную гладь,
Родной табун спеша догнать,
И верблюженок кличет мать,—
Так сердце утоляет сердце.

Влюбленная в простор морской,
Река сливается с рекою,
Тропа сплетается с тропой,—
Так сердце утоляет сердце.

Вражда и зло—смертельный яд,
А дружба—драгоценный клад,
И как весну встречает сад,
Так сердце утоляет сердце.

Вглядись в полночный небосвод:
Звезда звезде посланье шлет.
Пусть ярких чувств ручей течет,
Чтоб сердце утолило сердце.

Где бы ни был ты, в любой дали—
В пустыне, на краю земли,

Жди, чтоб свиданья дни пришли,
Чтоб сердце утолило сердце.

Стремяется в голубой простор
Вершины разлученных гор,
Чтоб друг на друга бросить взор,—
Так сердце утоляет сердце.

О, сын земли, мечты, труда,
Стань щедр, как вешияя вода,
Как солнце, светъл будь всегда,—
Лишь сердце утоляет сердце.

ТВОИ ГЛАЗА

Среди широкой, светлой равнины
Озеро блещет
Гениально и молчаливо—
Тихое озеро,
Течьное озеро,
Чистое и глубокое, словно мечта:
Твои глаза.
Краса степей и душа степей:
Твои глаза.

Не раз наблюдал я,
Как ранней зарею
По этому озеру плавно плыли
Тени и отраженья
Туч пестрокрылых,
Кочующих над степями.
Не раз замечал,
Как в весенних сумерках,
С черных небес тайком скользнув,
Звезды лукавые
В нем купались...

Много бывает в степи
Ярких, безоблачных дней.
В такие дни,
Густыми ресницами не шевеля,
В синее небо взор неподвижно вперив,
Солнечно блещет
Прозрачное озеро
На необъятном челе равнины.
И золотые лучи преломляются
В темной, таинственной глубине,

А резвые джеираны
Жаждой томясь,
Доверчиво сходятся,
К свежей, прохладной воде.
Но,
Бессердечно-ревнивый,
Там уже бродят охотник —
Не подиускает их близко
К его берегам.

В тенистом парке вечером воскресным,
Когда в кусты забилась тишина,
Мы заняли скамью в укромном месте,
Пьянея от любви, как от вина.
На пруд взглянул я—
И свершилось чудо,
Доступное лишь тем, кто влюблены:
„Люблю тебя, люблю я“,—
Мне оттуда
Шепнуло отражение луны.
„Люблю! Люблю! Люблю!“—
Нишь это слово
Твердили, словно заданный урок,
И медный бас оркестра духового,
И еле слышный, тихий ветерок.
„Люблю тебя, люблю!“—звенел кузечик
Среди разноголосой кутерьмы...
И только мы молчали в этот вечер,
Молчали и любили...
Только мы.

Славная, счастливая Башкирия,
Сиянием озарена всегда,—
Среди высоких звезд России
Горит твоя счастливая звезда.

Люблю твой мир. И бурную и новую
Твою я жизнь, Башкирия, люблю.
Сам Ленин создавал здесь автономию —
Ильич свободу создавал твою.

Люблю твои леса, поля просторные,
Крутой высокий берег этот, где
Чугунный всадник — Салават в историю
Стремительно летит и вилит Агидель.

Целина дружбы, песня радости,
Башкирия, прими любовь мою,
Любовь моя не ведает усталости,—
Не меньше, чем башкир, тебя люблю.

Мне кажется, что я опять на родине,
Что снова я в кругу своих друзей.
Для труженика — твоего народа я
Готов и жизни не жалеть своей.

Хочу слова найти я медоносные
И, с дерева поэзии сорвав,
Преподнести тебе их в утро росное,—
Слова привета и любви слова.

Пусть луноликие башкирки нежные
Меня огнем любви воспламенят,—
Из родника мустаевской поэзии
Напоют пусть и жажду утолят.

От снега искорки летят, где ты, любимая,
пройдешь,
Разносит ветер аромат, где ты, любимая,
пройдешь,
Была пустыня—будет сад, где ты, люби-
мая, пройдешь.
И трели соловья звучат, где ты, любимая,
пройдешь.
Там дол, шагам внимая, рад,
где ты, любимая, пройдешь.

Поток Амударьи бурлив—летит отважным
скакуном.
Ты, ветры за собой сманив, стониць на бе-
регу речном.
В глубокий омут, под обрыв, приплыл
дремать ленивый сом,
Но, как джигит, в воде ретив при приб-
лижении тесем.
Там чувств порыв и сил прилив, где ты,
любимая, пройдешь.

Твой легкий шаг и жгучий взор растопят
снег, оплавят лед,
С журчаньем устремятся с гор весенние
потоки вод.

---

¹ Мухаллес—(или мухаммас)—дословно: „упятеренный“: рас-
пространенная строфическая форма в поэзии Ближнего и Среднего
Востока.

Туг—буйной зелени ковер, там—ивы отда-
дут свой мед,
Пернатый хор вокруг озер на птичий со-
берется слег,
Там сокол обновит убор, где ты, люби-
мая, пройдешь.

„Увидишь—расскажи о ней!“—зарю упра-
шивает ночь.
„Касайся щек ее не смей!“—роса пылинку
гонит прочь.
И все быстрей и все вольней, восторги
удержать невмочь,
Стрекозы, бабочки кружат—цветистый хо-
ровод точь·в·точъ!
Там пчелы загудят сильней, где ты, люби-
мая, пройдешь.

Весна моей мечты, приди, о ясноликая моя!
Так вечно у меня в груди, жизнь без тебя
не мыслю я.
Бутоны к жизни пробуди, тепло и свет
вокруг струя.
Цветами взор наш улади, каракалпакская
земля.
Там всяк весенней ласки жди, где ты,
любимая, пройдешь!

ТВОИ РУКИ

Весной ты вышьешь на земле узоры,
Чтоб увидать,
Благословляя труд,
Как бархатом одернутся просторы
И как цветы повсюду расцветут.
Промчится лето солнечное
Быстро.
Осенние ветра начнут галоп.
Но если небосвод не будет мглистым—
Вполне счастливым будет хлопкороб.
И десять пальцев,
Ловко и прилежно,
Начнут бродить вдоль каждого рядка.
Вокруг мешки и фартуки
Поспешно
Начнут толстеть от белого пушка.
И, ослепленный яркой белизною,
Ты хоть на миг
Глаза зажмурить рад.
Но труд зовет вперед,
А за спиной
Порожние коробочки хрустят.
Ты так устал,
Работой разогретый,
Ни рук, ни ног не чувствуешь своих...
А десять пальцев скачут,
Словно это
Соревнованье всадников лихих.
А в небе птицы
Длинной вереницей
Осенний совершают перелет.
Вдали комбайн,

Как медленная птица,
Над хлопком, как над облаком, **плывет**.
Нет, настоящий труженик
Со скучой
Вовеки не почувствует родства.
О руки!
Человеческие руки!
Источники большого мастерства!
Они смуглы,
Большие руки эти,
Они творят добро и губят зло.
Хотел бы я,
Чтоб мастерство поэта
Сравниться с их умением могло.

Передо мной — высоких волн кипенье.
Привет тебе, простор моей мечты!
Опять собой восторг и вдохновенье
В моей груди рождаешь, море, ты.

Ты покоряешь сердце красотою,
Суровым очертаньем берегов.
Восторженный, стою перед тобою
И в миг любой обнять тебя готов.

Твоя с годами не померкла слава,
Есть у тебя, что людям рассказать.
Не раз ты грозной огненною лавой
Врагов России отбрасывало вспять.

Шипели ядра, били барабаны,
И ты, не зная тягостной судьбы,
Окутанное дымом и туманом,
Крутой волной вставало на дыбы.

Врагов топила в яростном кипенье,
И вновь потом горело бирюзой...
Я не скрываю радость и волненье, —
Восторженный, стою перед тобой.

Прибоя пена на цветы похожа,
Гуляет ветер, синь воды рябя,
Мелькает чайка. Да она не может
Прожить минуты, море, без тебя.

Подобно ей, и я, друзья, не мыслю
Вне Родины хотя бы час прожить.

О море, море—сколько светлых мыслей
Сумеешь ты в сердцах воспламенить!

Призывающий шум твой слышен издалека.
Любуюсь я тобою без конца.
Не раз здесь над бушующим потоком
Звенело слово свободы певца.

Запомню все: и рокот волн усталых,
И в дымке утра—очертанья гор,—
Чтобы потом на берегах Арала
Хранил тебя мой ненасытный взор.

Ты, море, связано со всеми морями,
Чьи только здесь не встречаются следы!
Я вижу—небо чистыми краями
Касается живительной воды.

Мне глаз не отвести от скал прибрежных,
Куда бы ни шел—к тебе зовут пути.
Ты, море Черное, простор безбрежный—
Останешься в мечтах моих, в груди.

Я в полночь увидал впервые
Морской
Зволнованный простор,
И волн удары громовые
Забыть не в силах до сих пор.
Они вздымались в диком хоре
И вновь откатывались прочь.
Безбрежная стихия моря
Казалась жуткой мне
В ту ночь...

А утром новая картина
Открылась вдруг
Передо мной:
Блистала водная равнина
Невыразимой красотой,
Скользили в солнечном покое
Рыбачьи лодки тут и там,
И брызги тихого прибоя
Покорно падали к ногам.
Вокруг светло и тихо было,
Но все равно сдавалось мне,
Что море
Яростную силу
Таит на самой глубине...

Любимая!
Себя, пожалуй,
Сравню со штурмом я, любя:
Не так ли сердце клокотало,
Когда увидел я тебя?

Вздымались волны в белой пени:
И вновь откатывались вспять,
Как будто сдерживая рвенье
Колени девичьи обнять.
Но ты,
Упрямо брови хмурия,
Быть может, вопреки уму,
Поняла вперед,
Навстречу буре,
Созвучной сердцу твоему...

Прошла,
Утихла буря скоро,
И усмокоченным сердцам
Открылась красота,
Когдай
Ни края нет и ни конца.
В глаза друг другу мы смотрели.
Мы ликовали вновь и вновь.
Да, наша жизнь
Доттигла цели!

Нет, не уменьшилась любовь!
Пускай теперь нам стал привычен
Вседневной близости покой,—
Не так ли,
Сдержан и ритмичен,
Вызывает утренний прибой?
И море,
Улыбаясь мило,
Собой довольное вполне,
Не так ли яростную силу
Танит на самой глубине?

Прозрачен воздух. Лишь вдали плывет
Куча облаков, как запоздалый лед.
О вы, на юг стремящиеся птицы,
Гляжу из хонка я на вашу вереницу.
Счастливого пути, крылатые друзья!
Летите весело, без устали скользя...
Вы сердца моего взять теплоту смогли,
Чтоб ей согреть кого-то там — вдали...

Немало у дехканина заботы:
Как те пыплята,
Множатся работы,
И, словно на машине, мчится время,
И мысли хлопкоробу сон не в сон:
Четыре раза за ночь выйдет он.

Я вышел в поле. И в заре на тропку
Глядят коробочки раскрывшегося хлопка.
Ребенком, видящим забавный сон,
С улыбкой растягно раскрылся он.
И маленькая дочь спешит со мною рядом,
Есг яблоко она... Шолпан сверкала глядом,

Когда в рассвет ушла дочурки мать—
На поле белый хлопок собирать.
Вот детский сад — и нам расстаться надо.

И дочь мне говориг.
— Скажи, ты мне из сада
Опять сегодня яблок принесешь?
В колхозный сад за ними ты идешь?
— Да, принесу... —

О птицы, в путь далекий
Летящие... На берегу потока—
На Кегейли родном—ждут яблок дети.
Как ждут на Ганге и везде на свете!
И по утрам отцы их на работу
Идут—и мирны, мирны их заботы!

Летите, птицы! К нам зима придет—
И Кегейли опять покроет лед.
Но этот лед растает по весне—
Зима пройдет! Но если лед и снег
Вдруг сердце чье-нибудь покроют навсегда?
Чем сердце отогреть сумеем мы тогда?

Взошло ѹ солнце. Небо—как хирман!
Счастливого пути, крылатый караван!
Летите, птицы, мирными послами!
И сердца моего тепло пусть будет с вами!
Скажите всем: я, хлопкороб Чимбая,
Как весь народ наш, мира всем желаю.

Не любим ссору всей душою мы:
Мы все за мир и не хотим войны!
Мы можем все—и если захотим,
И до Луны далекой долетим!

Скажите тем, кто разжигает войны,
Кто жить без них не может: мы спокойны,
Мы не стремимся с ними воевать,
Но коль нас тронут—им не сдобровать!

Летите, птицы, вестники весны!
Тепло, я верю, донесете вы
И к нам опять весенними гостями
Вернетесь с дружелюбными вестями!

(шутка)

Каракалпак пахал однажды землю,
Да кончился вдруг у него табак.
И к лодочникам вдоль реки, не медля,
Отправился тогда каракалпак.
Но лодок нет.
Река змеится лентой.
За ней хивинец пашег, деловит.
Кричит хивинец:
„Ассалам алейкум!“
И „валейкум“ каракалпак кричит.
И добавляет тоном виноватым:
„Ты не богат ли табаком, сосед?“
„Нельзя хоть табаком
Не быть богатым!“ —
Из-за реки доносится в ответ.
„Гогда и за меня, аллаха ради,
Ты заложи щепотку под язык..“
Кивнул хивинец и, усы разгладив,
Над табакеркой замер
В тот же миг.
Потом он крякнул там что было силы,
Прищурился, надул одну из щек,
Воскликнул:
„Пахлаван-ата, помилуй!“ —
И на ладонь насыпал табачок.
Когда же
Под язык он осторожно
И бережно закладывал табак,
На берегу на противоположном
Сознанье потеснял каракалпак...

Шутка

Пролетают год за годом,
День за днем,
За мигом миг.
...В шалаше близ огорода
Прихворнул один старик.

Начал, бедный,
Кашлять глухо,
Лежа ночью на спине.
И покойница старуха
Вдруг привиделась во сне.

В рай манила за собою...
Кое-как держась пока,
Влез рассветною порою
Мой старик на ишака.

Где вы, годы молодые?
Смерть, наверно,
Тут как тут...
Занемогшие впервые
Твердо знают, что умрут.

А старик?
Его тревога
Отпустила до поры:
Приосанился немножко
Он при виде медсестры.

Так нему в халате белом,
Словно лебедь, подплыла:
—Горло, дедушка, болело?
Здесь наладятся дела!
Не расстраивайтесь слишком! —
И затем ему, нежна,
Хрупкий градусник
Под мышку
Ловко сунула сна.

Вышла в дверь.
Вернулась снова,
Расторопшая с утра.
Где ж больной-то?
Нет больного!
Растерялась медсестра...

* * *

В небе ясном,
В небе синем
Солнце выше что ни миг.
В этот раз большую дыню
Медсестре привез старик.

—Как меня ты подлечила
Славно, девочка моя!
Вновь во сне набрался силы:
После градусника я!

Убралась из тела стужа,
С глаз моих сошел туман.

Лечишь ты ничуть не хуже,
Чем лечил Хаким Лукман¹.

Было мне совсем не больно!—
Развязав тут узелок,
Из него старик довольный
Хрупкий градусник извлек.

Рядом с дыней осторожно
Положил его:
—Всех нас
Ты да наша власть надежно
Бережете что ни час!

---

¹ Легендарный лекарь Востока.

ЭРКИН—ПЕРЕСОХШИЙ ПРИТОК

Басня

Он раньше тек спокойно, молчаливо.
В его воде ревились усачи.
Довольны бывали люди:—Просто диво,
А не вода! Эркин—всегда молчит!—
Но как-то раз кривые турангилы¹
Вдруг принялись халить Эркин-приток:
—Эркин скромнейший! Да с твоею силой,
Амударье сравняться ли, браток?
Хоть мы растем вдли от вод твоих прекрасных,
Честна и справедлива наша речь:
Когда бы не ты—Амударья напрасно
Пыталась бы к Араку-морю течь!
Она бы высохла! И даже спорим,
Что без тебя засохло бы и море!
А ты могучий, право, слишком скромен:
Тебе в лицо дерзят и камни!
Чуть ветерок подует, чуть их тронет—
Они начнут сейчас же: шши да шши...
Все о тебе, все шепчут юбылины...
А нас возьми? Ну можем ли забыться?
Эркин-ага! Ты с дерзкими расправься
И к нам своими водами направься!—
Услышав эту речь, Эркин вдруг взогор-
дился:
Покинул берега и все залил окрест.
Но пол годой его вдруг очутился

1. Турангилы—порода лесных деревьев.

И турангилов кривоногих лес.

Листцы перепугались:

— Горе, братцы!

Мы под водою будем задыхаться!

Что делать? Как теперь с Эркином быть?

И начали опять:

— О, перестань бурлить!

Раздавлены враги! В лицо взглянуть не
смеют!

Ведь ты — могуч! Ты всяко течь умеешь —
Бурливо, тихо, мелко, полноводно.

Так покажи, что ты собой свободно

Владеешь... Мелким стань и неспесивым.

От этого еще прибудут силы! —

Приток польщенный, эти речи слыша,

Стал течь все мелленнее и все тише,

Как будто волны бурные устали.

И в нем лягушки появляться стали,

Зарос осокою... Печальная картина!

Норой рванется он — по цепко держит тиша

И не пускает воды вольно течь!

Он к турангилам грозно держит речь:

— На помошь, туранги! Доля злая,

А вы ни с места... —

Будто бы не зная

Эркина бедного, деревья отступают,

И воды час за часом высыхают...

Вот так погиб Эркин, погубленный листе-
цами.

Мораль вы, верно, поняли и сами.

Кто подхалимов поощряет так же,

Погибнет в типе — в их подхалимаже!

СТЕПНЫЕ ГРЕЗЫ

(Романтическая поэма)

1

„Степь размышлений разбудить не может”, —
такому не поверю никогда.
Кустарники на облака похожи —
плывет в песках летучая гряда.

■ Янтақ, колючки стоаршинный корень,
буравящий легко иласты времен,
сквозь груль земли проходит,
непокорен —
иль мало размышлений будит он?

○ Втянув ноздрями аромат полыни,
отчизною нажнув юй остро так,
чтоб вновь вдохнуть сухой озой пустыни,
от царства отказался Атырак.

□ А девушки!
Не знаю, кто стройнее,
джейраны иль красавицы в степи?
Тень промелькнет,
вспорхнет мечта за нею —
стремительную мысль не упусти!
„Степь не задумывается” —
не верьте:
мелькнула язычком огня лиса,
пошел кругами одинокий беркут
над нею, затмевая небеса.

А птицелов — за беркутом,
стараясь
его в ловушку мясом примануть.
Развалинами караван-сарай
история укажет мысли путь.
Подхватывает ветер мысль иную,
в когтях над степью тащит до зари.
Здесь мысли, словно овцы, —
врассыпную!
Их, как чабан,
в отару собери.

Мудрейший аласар, степная птица,
задумчиво с бугра глядит на мир.
И кто к нему позорче приглядится,
воскликнет про себя:
„Степной Шекспир!“

2

Земля — тахта,
котел огромный — небо,
небесный свод — колпак,
пустыня — плешь ..

Одно сравненье попросту нелепо,
другое, извините, для невежд.
А вот в таком, пожалуй, меньшее фальши:
за горизонтом — океан надежд.
Чем старше я,
тем горизонт все дальше
мечты недостигаемый ру́беж.

Мать называла горизонт полоской,
небесиою границею звала
и представляла нашу землю плоской
и на конце отвесной,
как скала.

Она меня туда не подпускала,
чтоб горизонта не перешагнул:
„Иль без него в пустыне места мало,
в ней не один разместится аул!“

Когда впервые я увидел глобус,
пожалуй, удивился я сперва,
мне матери смешна казалась робость,
и все ж я думал:
вдруг она права?..

Разглядывая горизонт окрестный
с полотнищем рассветного огия,
теперь за той границей
иль за бездиой
я вижу профиль завтрашнего дня.

Мерцающей за горизонтом прямо
мираж, как в детство, мне слепит глаза:
величественнейшая панорама
гигантских труб,
лымящих небеса.

3

Бесчисленное множество сравнений..
Степь—стадион,

а солнце-- красный мяч.
Выбрасывая легкие колени,
за ним джейраны припустились вскачь.

А буровая в предвечернем свете,
как баскетбольный щит...
И слышу я:
расщебетались ласточки, как дети,
и коростель присвистнул, как сулья.

И солнце-мяч отброшено к закату,
и заяц-безбилетник входит в раж,
и жаворонок,
словно комментатор,
ведет необычайный репортаж.
И в тот момент,
когда скатилось солнце
за горизонт,
как будто в сетку мяч,
с кургана, как с трибуны,
вдаль несется
рев, игрокам желающий удач.

4

Степь кажется бедна...
Не верь, однако,
колючкам и кустам карагача.
Там лысый Шыгайбай¹.

---

¹. Шык бермес Шыгайбай (дословно: никому ничего не дающий) — традиционный образ скряги в сказках народов Средней Азии и Казахстана.

известный скряга,
на золоте сидит,
„Я нищ!“—крича.

Свои богатства маскируя тонко,
замуровал, не пожалел песка.
„Степь сорок лет хранит след жеребенка“,
а клады в недрах—
долгие века.

Два стражи стерегут ее богатства:
зимой—Буран,
а летом—Суховей,
Но люди продолжают продвигаться
к таинственным сокровищам степей.

Герои,
следопыты,
полководцы,
в пустыне умирая без воды,
оставили глубокие колодцы,
как Путника великого следы.
Белели кости.
Вдовы горевали
над милями, пропавшими вдали.
Но с кишмишом и шелком караваны
медлительно на Запад потекли.

„Ах, степь нища!—
стонал погонщик старый.—
Бесплодная, исчерпана давно...“
Ученый избежавший царской кары,

в степи богатства обнаружил. Но,—
из-за барханов Суховей нагрянул
и вытряс воду всю из бурдюков,
замел следы,
запутал караваны,
могилы разбросал среди песков.

Сильнейшие атаковали с ходу
слабейших при нашествии беды.
И затаили месть
к имевшим воду
оставшиеся вовсе без воды.

Ежеминутно испарялась влага,
жгло острье полдневного луча,
И лысый Шыгайбай, известный скряга,
На золоте сидел,
„Я нищ!“ —крича.

5

Не доверяйся версии не новой,
что степь мертвя...
Не понимая зла,
на глубине трехтысячметровой
она живое сердце сберегла.

Осмелься же к барханам этим бурым—
к живому сердцу руку протянуть:
отточенным остроконечным буром
пронзай пустыни высохшую грудь.

Сверло сломаешь,
но зато прольется
на землю, преломляя небеса,
из тьмы артезианского колодца
степного сердца светлая слеза.

Но к скважине прильвиувшись поближе,
артезианской свежести вдохнем,
где влажное степное сердце дышит
и стены лижет голубым огнем.

6

Зной, Засуха—
охранники пустыни—
оберегали в глубине веков
ее непроходимые святыни,
могучую империю песков.

Людей пустыня предостерегала:
„Не помышляйте покорить меня,
вам не представить моего накала,
вам не измерить моего огня.

Последует печальному примеру
содеявший бесславные дела—
не по зубам пришлась я Искандеру¹,
Кэйхысрауа² голову сняла.

---

¹. Искандер—Александр Македонский.

² Кэйхысрау—Кир, основатель древнеперсидской государственности. Он, согласно легенде, погиб в пустыне Средней Азии от руки массагетской царицы Томирис. (см. Геродот).

Я—догма!
Я—пустыня!
Я—загадка!
Умрет со мной оставшийся вдвоем.
Здесь нарушитель вечного порядка
моим наказан будет бытием".
Нас бог пустыни думал взять „на боя",
но человек с пустынею на „ты".
В ее песках проложена дорога
извечной человеческой мечты.

7

Тропой песчаной вездеход проехал,
как будто к неизведанной звезде.
В пустой степи не раздается эхо,
мотора рокот гаснет в пустоте.
Геологи!
Разведчики пустыни
и робинзоны островов степных!
Огнине сохранил бы, как святыни,
я их костры,
места ночевок их.
Я, как Алеко по следам цыганки,
готов за ними следовать всегда.
Обозначает место их стоянки
над буровою новая звезда.

Романтика!
Поэзия!
Но ближе—
немало прозы в трудном их быту.

Худой шофер пустую флягу лижет,
вода кипит в моторе на ходу.

Грохочет бочка в кузове пустая,
романтика не услаждая слух.
И солнце в небе мечется, пылая,
как брошенный в тандыр
большой петух.

Сказала хрипло девушка шоферу,
его легонько хлопнув по плечу:
„Пока ты время даешь остывать мотору,
колодец я в пустыне поищу“.

Пустынный Демон молвил Суховею:
„Вода кипит,
Не тронутся они.
В моторе воду высуши скорее,
а девушку подальше замали“.

Пошла русоволосая Мария,
ведром порожним звякая в гищи.
Ее глаза—
озера голубые—
блестели, как степные миражи.

На горизонте грезилась криница,
она бежала радостно туда.
Но горизонта зыбкая граница
отодвигалась,
а за ней—вода.

Вот обронила гуфлю...
сбила ногу...
Упала ..
Поднялась...
И снова в путь...
А Суховей дорогу понемногу
ей удлинял,
манил:
„Еще чуть чуты!..“
Нашептывая с лукавством человека:
„Увидишь океана жемчуга,
насытившись плодами геурека¹,
на грудь приколешь майского жука.

Коврами маков я пески покрою,
перемежая синевою вод.
Подругой и владычицей степною
тебя пустынный Демон назовет...“

Мария распростерлась бездыханно
с единственной мечтою о воде,
как лепесток увядшего тюльпана
на раскалившейся сковороде.

„Воды!“—звенело в зной ведро пустое.
„Воды!“—шептали губы...
Но увы!

¹. Степное колючее растение, чьи плоды напоминают маленькие арбузы,

---

Жестокий Суховей рукой сухою
сорвал, смеясь, косынку с головы.

Он золотые волосы колышет,
рассматривает, как они сплелись,
чтобы потом с листвою маяльша,
отчаянно свистя, умчаться ввысь.

И распостертой на песке Мария
осталась неподвижна до зари.
А кто-то ей шептал слова глухие:
„Захочешь пить—мне сердце подари...“

За голосом плыла воды прохлада,
и виделась,
подобная лалье,
лодчонка молодого азиата,
качающаяся в Амударье.

Черноволосый,
мускулистый,
рослый,
к себе Марию в лодку пригласил.
Как искры
высекали капли весла,
дробили волны от избытка сил.

Джигиг смеялся широко и щедро
и прыгнул за борт,
девушку маня.
Ладони человека или ветра
ее коснулись, горячей огня.

И рассекая водяные глыбы
(река была чиста и холодна),
они вдвоем,
как две огромных рыбы,
ныряли
и не доставали дна.

Черноволосый говорил с любовью:
„Мы сделаемся все родней твоей,
Пустыня—свекром,
Засуха—свекровью
и братом огнекрылым—Суховей.

Ну, а когда ты будешь нашей веры,
то Бог пустыни—
мой родной отец—
хранившиеся с мезозойской эры
тебе подарит клады наконец“.

Пытался он обнять ее сильнее.
Мария громко закричала:
„Прочь!“
И увидала:
в небесах над нею
единственной звездой мерцала ночь...

* * *

Когда песчинки барабанят дробью
о камень
под барханами внизу,
роняет у гранитного надгробья
родник артезианскую слезу.

Над камнем загораются тюльпаны,
склоняется белесый маялыш,
и облаков печальных караваны
плывут в сухую выжженную тишину.

Над камнем,
под которым спит Мария,
взвивается порошкою песок,
горит звезда,
как будто бы Россия
зажгла над ней бессмертья огонек.

От предков унаследовала смелость,
Явилась не за славою сюда.
И в азиатском небе загорелась
негаснущая русская звезда.

8

Помчались караваны грузовые
всегда перегревавшихся машин.
В пустыне отпечатался впервые
доселе незнакомый оттиск шин.

Не тигра след
и не орла степного,
на сотнях верст песчаной борозды,
как отпечаток веточки еловой,
остались незнакомые следы.

Моторов несмолкаемым броженьем
Был озадачен Бог степной земли.

Пески многовековые в движенье,
как будто льды весенние, пришли.

И человек с пустынею отныне
непримиримы стали навсегда.
За смерть Марии
человек пустыне
поклялся мстить,
и он пришел сюда.

О сдаче Бог пустыни и че думал.
И ненавистью дрезней обуян,
то град камней обрушивал угрюмо,
то на людей
натравливал буран.

Он мертвцам клеймо на спинах выжег
кровь в жилах заморозил у живых,
монтажников срывал с железных вышек,
связь обрывал у дальних буровых.

Сек по глазам,
людей вертел юлою,
уста сушил,
надрывно выл в ушах...
И все ж плечо в плечо шагают двое,
оплачивая жизнью каждый шаг.

Из-под тяжелых век сиянье льется,
из-под ресниц, покрытых пленкой льда,
как будто бы на самом дне колодца
блестит непостижимая вода.

Как существо одно, шли даое рядом,
утаптывая не пески—снега.
Один другого называл Азатом,
тот отзывался: „Николай-ага“.

Позавчера метели одеяло
их одевало с четырех сторон,
Компрессорная станция стояла
в степи,
как неприступный бастон.

Сказал синоптик:
„Нелегко придется
в пустыне. Заплутаетесь одни“.—
„Да что ты!
Все джайлую и колодцы
известны нам“,—
ответили они.

Не вняв советам,
крикнув круговерти:
„А ну, Устюрт пустынный, отступи!“—
Азат и Николай навстречу смерти
отправились...
И вот—одни в степи.

О вьюжная пеюжная погода,
ни зги не видно,
хоть вокруг бело.
Три долгих дня
иль три коротких года
все бились, будто муха о стекло.

Позавчера метель их сбила с толку.
Надеялись еще исполнить долг.
И два грузовика ревели долго,
пока один от холода не смолк.

Ну, а другой скатился в пасть оврага.
И потерял сознание Азат,
сломал он руку, падая, бедняга!
И Николай понес его, как брат.

Вышагивая в сапогах чугунных,
не зная—это тело или труп:
Бедь не сорвалось даже стона
с юных
от страшной боли посиневших губ.

Труп?...
Нет, твой друг на трудных перевалах
натуживался из последних сил
и с громким криком
на плечах усталых
тяжелые машины выносил.

Труп?..
Нет, твой друг, усталости не зная,
один—водитель двух грузовиков,
с аппендицитом дядю Николая
в районный город вывез из песков.

Менялись у грузовиков колеса,
поизносились двигатели их
и кузова.

Лишь дружбе нет износа —
хлеб поровну делили на двойк.

Вздремнуть уговоривши Николая,
уснуть костру не разрешал Азат.
О городе газовиков мечтая,
он называл его:
„Марияград“.

Он до рассвета думал о Марии,
с дымком мечтого уносилась ввысь,
хоть видел,
как березки молодые
над холмиком песчаным поднялись...

Сухарь последний размочил Азату,
а сам с ладони теплый снег слизнул.
Не унимаясь
трое суток кряду,
буран их белой шубой обернул.

Они уже не шли...ползли,
но верьте:
в трехсугодичном немыслимом пути,
о собственной и не подумав смерти,
Азата Николай хотел спасти.

А смерть ходила белыми кругами.
Припомнилось:
окоп и снежный вал,
где смерть шагала заодно с врагами,
но падал враг,
а он живой вставал.

Он сдался бы, наверное, бурану,
с ним оказавшись здесь наедине.
Но спас его товарищ бездыханный,
которого тащил он на спине,

Уже давно на милость ветра злого
упал бы, кровь размазав по щеке...
Но человек, спасающий другого,
сильнее,
чем идущий налегке.

Все же, оставаясь только человеком,
внезапно потерял сознание он.
„Два трупа здесь присыпанные снегом“ —
услышал голоса людей сквозь сон...

9

Пустыни!
Жили грезами пустыми
да миражами, полными тоски.
Проснитесь же,
бесплодные пустыни,
веками продремавшие пески!

О жажды миллионолетней чудо,
сухие океаны без воды!
Пустыни начинаются оттуда,
где ручейков теряются следы.

Здесь крылья птиц,
здесь лошадей копыта
испепеляет знойный Суховей.

Вода здесь—драгоценнейший напиток,
не балует ни шахов, ни царей...

10

Но изменилсялик степей отныне,
ковшами землеройными гудя.
И над истлевшей картою пустыни
склонился необъятный лоб вождя.

И оказался Бог пустынь трусливым,
песчаная взорвалась тишина.
дымок заколыхался над Турксибом,
и первая запенилась волна...

Не без сопротивления, однако,
Бог Человеку уступил дары:
хлеба Алтая
с нефтью Небит-Дага,
узбекский хлопок
с газом Бухары.

Китами волны выгибают спины,
забрезжили в пустыне огоньки,
Вода вращает лопасти турбины
и превращает в пастбища пески.

* * *

Кто говорит;
„Пустыня есть пустыня“,
тому я, как ни странно, возражу:

весь я в пустыне с наслажденьем ныне,
пиджак внакидку,
вечером брожу.

Какая-то перейдена граница,
и новые увидены черты—
коль человека труд раскрепостится,
то и в пустыне зацветут цветы.

Симфония над улицею льется,
над сквером и фонтаном,
где вчера
казался чудом просто скрип колодца
и плеск воды, хотя бы на дне ведра.

Черемушки...
Строительные шумы.
Над площадью расвесистая тень.
И, словно рифмы парные, гуджумы¹
растут,
папахи сдвинув набекрень.

Черемушки...
И нравится мне лично,
что город называется Нукус,
хоть, может, это малопоэтично
на чай-нибудь взыскательнейший вкус.

---

¹ Порода деревьев-гигантов.

Нукус...
Пустыня грезила веками
о нем.
В обычный день календаря
не просто город встал, бетон да камен,—
песков столица,
дело Октября.

Устюрт богат,
и не песком и ветром,
как было думать принято всегда:
богаты ископаемыми недра,
стадами — суша,
рыбою — вода.

У всех у нас, чей труд иеодинаков,
дороги безграничны и ясны.
Я горд воспеть семью каракаллаков —
„большевиков пустыни и весны“.

11

Сдавайся, Бог пустыни!
Верный довод
для прекращенья всех бесчинств и зол,
что я на бастион твой
газопровод
тяжелой артиллерией навел.

Преобразилась степь в задонах грубых —
ее рабочий люд к рукам прибрал.
И на гигантских, словно жерла, трубах

белеет надпись:
„Бухара — Урал“.

Отныне газ в мартенах не потухнет,
в гигантских домнах
озарит зенит...

Да что мартены, домны!..
В каждой кухне,
обрадовав хозяйку, загудят.

Пустынный край теперь очеловечен,
уста не сохнут,
вольно дышит грудь.
Теперь Устюрт, как небо, бесконечен,
и газопровод —
Это Млечный Путь.

* *

Такая тишина в краю пустыни
в полуденные знойные часы,
что слышен трепет струнок паутины,
прозрачный шелест крыльев стрекозы.

Молчат кусты.
Особая краса в них,
когда вокруг барханов желтизна.
Песчаный вихрь, как сумасшедший всадник,
промчится вдруг,
и — снова тишина...;

В степную даль смотрю благоговейно,
восторженно, не отрывая глаз.

Я степь люблю,
как Гейне—берег Рейна,
Бернс—поле ячменя,
Хафиз—Шираз...

От солнца горизонт белее снега
и вышка—словно восклицанья знак.
Вдруг огненный язык взметнулся в небо
над буровой,
как будто яркий флаг.

То засинел он над песчаной далью,
то заблестел на солнце, как кинжал,
то щелковой заколыхался шалью,
а то фонтаном брызги разбросал.

Пустыня под ногами задрожала,
не удержался на ногах я сам.
Видать, не пожалели амонала,
чтоб с нею нас подбросить к небесам.

Когда равнины накренилась плоскость,
подумал я:—
вот—атом, это он.
Или корабль сейчас запущен в космос,
или открыт учебный полигон?

И тишина вдругично раскололась:
скрип тормозов почти над головой...
И тут услышал я знакомый голос:
„Поэт!
Здорово!

Едем к буровой!
И, может, это голубое пламя
ты воспоешь хоть маленьkim стишком?..*

Предупреждаю: шутки между нами
здесь приняты—таков степной закон.

И русский парень с темной бородою
и мой земляк смеялись от души.
Объединясь с моей степной мечтою,
они просили оба:
„Напиши!“

Я напишу,
когда слова такие
в душе рождаются. Верю, напишу
и о степи родной, и о России,
клянусь—пока живу, пока дышу.

Я напишу,
как в зной или морозы
идут друзья в снега или пески.
Я напишу...
И вдруг степные грезы
нахлынули:
ползут грузовики

по жизни рядом и до смерти рядом,
дружнее и верней, чем с братом брат.
И в их кабинах Николай с Азатом...
Они о чем-то издали кричат.

Я не услышал,
но навстречу вышел
туда, где ослепительная синь,
где пламя над одной из дальних вышек,
где детством пахнет бряная полынь.

Полынь!..
К мечте шагаю ранней ранью,
туда, к необозримости степей,
где у меня назначено свиданье
с любовью неприменимую моей.

ОКТЯБРЬСКАЯ ПОЭМА

(Слово о черной шапке)

Вступление

В российском небе первую полоской
Рассвет ночную погасил звезду...
Что за народ там,
За стеной Кремлевской,
В старинном Александровском саду?
Как родники, низвергнутые с кручи,
Как—друг за другом—волны бурных вод,
Сливаются в один поток могучий
Пришедшие на необычный сход.
Уже на Спасской башне—солнца блики,
И новым суткам жизни начат счет.
И медленно людской поток великий
Рекой на площадь Красную течет.

Так кто они?
Как их спросить про это
В торжественный и благородный миг?
Никем не заполняется анкета,
Где графы: раса, нация, язык.
Все—разные, и—общая забота,
И без нее—ни одного лица.
Храняг свое, неведомое что-то
И—общее, единые сердца.
Неукротима и неутомима,
Принесшая себя издалека,
Одним едичным помыслом стремима,
Вперед живая движется река,
Плытуг лавиной плотною и зыбкой

Ряды любовью собранных друзей.
Их гордой
Краснокаменной улыбкой
Встречает Исторический музей.
У каждого—свои печаль и память,
Но общие—надежды и мечта...
Кружится снег, не успевая падать.
Светло. И даль морозная чиста.
Идут они сквозь белый вихрь метели
Из своего родного далека
Туда, где у стены Кремлевской—ели
В печальном карауле на века.
И—каплей, увлеченною потоком,—
Средь них—один,
Каких не счастье в стране,
Но, наших общих праотцев потомок,—
Он дорог по-особенному мне.
Трецит мороз, холодный вихрь все злее.
Не замечает холода земляк.
Вот он уже почти у Мавзолея
И здесь со всеми замедляет шаг.
И отчего-то сердце заболело,
В суровом возмужавшее краю,
И, как оно ему вдруг повелело,
Снимает шапку черную свою.
Стоит он, трепетно душой вбирает
Все то, к чему так долго шел сюда,
И слезы кулаком со щек стирает.
Хоть не умел он плакать никогда.

...Да, слез не лил он в испытаньях грозных.
Лил погиб и кровь, верша свои дела.

И тайна черных глаз его бесслезных
Непостижимой для врагов была.
Когда хивинский хан над ним глумился,
Вельможную плетьми скрываая злость,
Он болью и бессилием томился,
Но ни слезы из глаз не пролилось.
Напрасно смертью палачи грозили
За то,
Что все искал он правды свет.
„Эй, отвечай, что, видел там, в России,
Ты Ленина?..“
Молчание в ответ.
Не им про это говорить он станет.
Святая эта правда—не для них!
И вот, избитый, он опять—в зиндане,¹
И—ненависть в глазах его сухих.
Едва зрачки с кромешной свыклись мглою,
Он разглядел, что кто-то—там, в углу,
Как он, сюда сульбой заброшен злую,
На ледяном, на каменном полу.
Сплошной завесой плотной—тьма сырая.
Душа и тело—в струпьях свежих ран.
Пополз во тьму, колени обдирая,
Спросил:—Ты кто?
— Хивинец... Бабаджан...
Узбек... А ты откуда будешь родом?
Сгноит наш „добрый“ хан с тобой нас
тут...

¹ З и и д а н—подземная тюрьма

— А я — карақалпак. С моим народом
Знаком ты... Аллаяр меня зову!..
Нет, про меня не скажешь: „Из везучих...“
Был в мардикерстве¹.
Шел в свои края,
И нукерами хана, как лазутчик,
Что русскими подослан, схвачен я.
Не примириться больше с долей тяжкой.
Которую терпели до проры...
Послушай, а хоть на одну затяжку
По-братски не отыщешь ты маҳры?!

Две птицы в темной клетке, дни и ночи —
В могильной яме, где — не жить, а гнить...
И с каждым днем — все тоньше, все короче
Надежды ускользающая нить.
Казалось, ожидает смерть до срока
Их, чьи бесчестно попраны права.
Но вдруг опять кроваво и жестоко
„Игрою в ханы“² занялась Хива.
Об узниках совсем забыли стражи,
И как-то в ночь, в тисках забот своих,
Они и охнуть не успели даже,
И — вырвано оружие у них...

---

1. Мардикеры — мобилизованные царской властью жители Средней Азии и Казахстана, угнанные во время первой мировой войны в центр России на тыловые работы. Вернувшись на родину, многие из мардикеров сыграли активную роль в установлении советской власти.

2. Ханские распри, в результате которых за небольшие промежутки времени престол в Хиве переходил из рук в руки, сменялось несколько ханов

Куда идти, чтоб стало—как в России,
Под флагом новой радостной зари?
В отчаянье стоят ступни босые
На неокрепшем льду Амударьи.
Но верой новой день сердца наполнил,
Оваги дал для трудности пути!
... Все это Аллаяр сегодня вспомнил,
За миг пред тем, как в Мавзолей войти.

Два мира

I

Так в чем Каракалпакии надежда?
Бесстрастный ветер рыскал по полям.
Хивинский хан владел Левобережьем,
Как хлебом, разделенным пополам,
На Правом берегу каракалпаки
Подвластны были русским с давних пор.
Трудились днем и ночью. Но, однако,
Не мог их прокормить родной простор.
И вот, устав от всех мучений прежних
И обретая новую тропу,
Каракалпаки на Правобережье
Вступили в бой за светлую судьбу.
Так истина на явную нелепость
Сплошной грозой решается пойти.
И Петро-Александровская крепость¹

---

¹. Петро-Александровская крепость—опора революции в Хорезмском оазисе, ныне город Турткуль.

Бойцам светила на крутом пути.
Солдаты и рабочие в волненье.
Под красными знаменами народ,
Объединенный общим настроением,
Выходит из казарменных ворот.
Он выступает против всех богатых.
И, ширя этой правды торжество,
Не зря Совет солдатских депутатов
Признало офицеров большинство.
Декабрьские тучи ветер гонит,
Мороз довольно крепок, но не лют,
Идут, идут, посыркивая, кони,
И люди все идут, идут, идут.
— Товарищи! —
В седле, как на параде,
Привстал и прокричал с коня

солдат. —

Мы заем, власть Советов в Петрограде
Установилась сорок дней назад!
Начальник почты умолчал об этом,
Чтобы в неведенье оставить нас...
Но и в Ташкенте тоже власть Советов,
Как донесли оттуда лишь сейчас!
Вести нас в исторические дали
Мы Ленину доверили одному!
И жаркие призывы оглашали
Правобережье вспененной Аму:
— Бросай оружие без разговоров!
— Да встанет власть Советов — как утес

Но старый мир готовится к отпору
Всему тому, что новый мир принес.

И, сговорившись с Англией поспешно,
От злобы к людям и жесток и шал,
С Левобережья на Правобережье
Хан Джунайд Абэги совершил.
И тех губя, кто стал держаться прямо,
На юные Советы той поры
Спешил поднять кровавый меч ислама
Эмир непробужденной Бухары,
И закипела ненависть слепая
В кулачестве заирских казаков:
Большевиков, захваченных в Чимбае,
Замучил зверски агаман Фильчев.
И заревами одевались дали,
И над аулами сгущалась мгла.
Приспешников своих вооружали
И Хан Максум, и хигрый Бий Бала...

II

Зови, трубач, в последние сраженья,
Труби, трубач, победу впереди.
Днем солнечным, по-мартовски весенным
Сильней сердца колотятся в груди.
Сильней—не утомляют их походы,
Сильней—сердца грядущее влечет...
Купались жаворонки в талых водах,
Заковывал дороги гололед.
А эскадрон скользил по горной круче.
И Аллаяр глядит из-под руки:
— Закурим, Бабаджан-ака? Иль лучше

Насвай¹ заложим вновь под языки?
Верблюдицею сонной Карагату
Вздымает горб скалистый на пуги.
И тучами кружат вороны. Справа
И над ущельем—прямо впереди.
Левей—Амударья проносит воды,
Ноблескивает весело вдали.
Припомнилось: тому назад три года
Они ее вот тут пересекли...
По льду босые шли. Боролись с болью.
Лед прогибался и трещал слегка.
Потом растерли ноги мокрой солью,
Заночевав в избушке лесника.
Потом—Туркмень.
Потом—цеха завода,
Где хлопок и объятия жары...
Амударья три вешних ледохода
Перенесла с той памятной поры.
Работали. Винтовки—под руками...
Недосыпали большинство ночей:

То споры в партячейке вечерами,
То дерзкие налеты басмачей.
Два друга—лишь они повсюду рядом
Одолевали эти ширь и высь.
Вдвоем ходили вместе с продотрядом
И трижды с белой бандою дрались...
Эх, что вокруг за схватки да погони!
Какой клубится над землею прах!

---

¹ Насвай—жевательный табак.

„Пьют воду неразнужданные кони,¹
Смельчак за речку ходит в сапогах“.¹
Откуда у людей берутся силы:
На „Верном“ шла работа с огоньком,—
Лишь теплоход тот хлопком загрузили,
Как вызывают за полночь в ревком...
Хан Джунайд гуляет без опаски!—
Ворчит Телегин с яростью в глазах.
Сидит он с окровавленной повязкой
На спутанных и грязных волосах.
—Всех губит, бешеный, без сожаленья,
У стремени его бежит беда...
Чтобы в Нукус вернуться с подкреплением,
Прорвался взвод Телегина сюда...

Седой рассвет тревогою отмечен.
И вот опять раздался звон подков:
На белом скакуне
Боям навстречу
Повел отряд суровый Шайдаков².
О нем звучало песенное слово,
Он был по-русски дерзок и удал.
Сам Ленин черноморца удалого,
Как говорили, к нам тогда прислал.
У нас краскома слава окружала,
Которой был достоин Шайдаков:
В окрестностях Аму или Арала
Держал он в страхе банды беляков...

---

¹. Народное выражение, характеризующее бескокейную пору.

². Н. А. Шайдаков— председатель резкома в Кашкадарьинской губернии в годы гражданской войны.

Поверившие Ленину наевки,
Дорогами очнувшейся земли
Казахи к Шайдакову шли, узбеки,
Каракалпаки и туркмены шли...
Они оружье принимали с жаром,
Чтоб смело защитить прaza свои.
Так сотни бабиджанов, аллаяров
В ту пору шли в горячие бои.
Не зналч ни сомнений и ни страха,
Смиряли песней тайную госку...
Вдруг юный ординарец из казахов
Окликнул Аллаяра на скаку.
И Аллаяр подъехал к Шайдакову,
И в пальцах самокрутку погасил.
—Где ты работал?—тот спросил сурово.
—Тогда, в тылу-то? В Сызрани служил...
В депо... А уж сюда—из Петрограда...
Сильна над нами власть родной земли.—
Два всадника, покачиваясь рядом,
Неторопливый разговор вели.
Внимали им лишь звезды с небосвода.
И командир притронулся к усам:
—Живыми возвратимся из похода,
В Ташкент поедешь!.. Заданье дам!..

III

По талому снежку все круче в гору
Уходит расгянувшийся отряд.
Стонет теплынь. И над „Ущельем воров“
Вороны стаи с криками кружат.

А над вершиной коршуна паренье —
Как будто веха на большом пути.
Но что это за страшное виденье
Открылось эскадрону впереди?
У всадников разгневанные лица,
Друзья с коней попрыгали, спеша,
И мчится Аллаяру,
Что не птица
Там, над вершиной, а его душа.
Парит себе и дышит ветерками,
Парит на двух раскинутых крылах.
И ухватился Аллаяр за камень,
Чтоб как-то удержаться на ногах.
О как жестока ты, судьба слепая,
Удары рассыпая наугад!

...Два всадника умчались из Чимбая,
Чтоб возвратиться вечером назад.
Один из них — братишка Аллаяра...

Бесспечно сквозь вечерний полумрак
С пакетом из туркменского грекома⁸
Скакали русский и каракалпак.
Их накануне Аллаяр недаром
Предупреждал:
—Ночной опасен час!—
Но юноши сказали Аллаяру:
—Нельзя нам мешкать!
—Выборы у нас.

Последний снег от крови стал багряным,
И что-то заволакивает взор.

И чудится, весение тюльпана
Вдруг расцвели на черном камне гор.
Вдруг расцвели с какой-то тайной целью.
Хрипиг скакун, как будто на лету
Он перепрыгнул все-таки ущелье...
Буденовка повисла на кусту...
А дальше...
Что там дальше?..
Немы скалы.
Парит все так же коршун в вышине.
В ущелье...
И у воинов бывалых
Мурашки побежали по спине.

Там под скалой, обветренной и старой,
Прошедшие сто мук в кратчайший срок,
Расстреляны братишко Алляра
И синеглазый русский паренек.
Они явили взрослую отвагу,
Когда врагами были пленены.
Живыми воткли их по оврачу,
Им на руки швыряли валуны.
Потом добили их
Не без веселья...
Взгляни же на остывшие тела:
Вот-вот на них обрушится в ущелье
Наклонная и старая скала.

Стояли люди тесным полукругом.
И всем казалось, будто здесь, в горах,
Как два атланта,
Два погибших друга

Скалу крутую держат на плечах.
И словно говорят:
“Высокой целью
Да озарятся честные пути!
Нам тяжело...
И под скалой ущелье
Спешите, люди, поскорей пройти...“
Приколот лист бумаги в грубых кляксах
На грудь каракалпаку-пареньку.
Чернила вязью тянутся арабской:
„Жив, Аллаяр? Привет большевику!“
Вокруг — полусгоревшие газеты,
Издраных брошюрок корешки,
Обугленные бланки партбилетов
Да бюллетеней черные клочки.
И, стоя у погибших в изоловье,
Смотрел на них и думал Аллаяр:
„Наверно, жаркой юношеской кровью
Затушён этот вспыхнувший пожар...“

В чем, собственно, повинны эти двое?
За что они здесь жизни лишены?
Вопросами над трупами героев
Не нарушали люди тишины.
Потом в одной, как принято, могиле,
Не разлучая бездыханных тел,
Замученных ребят похоронили —
И трижды залп в ущелье прогремел.
Лишь Аллаяр тех выстрелов не слышал
В минуту эту хмур и темнолив.
Смотрел он не вокруг, а выше — выше,

Туда, на пролетавших в небе птиц,
Туда, туда, где, разделяя горе
Сраженьями истерзанной земли,
К Аралу—к голубеющему морю—
Летели грустным клином журавли.
Над злобою летали,
Над угаром,
Над душами, забредшими в туман...

И крепко сгаснул руку Аллаяру
Молчавший рядом с другом Бабаджан.
Сшибаются, мол, горы и джигиты,
Хватает-де вокруг добра и зла.
И правда, мол, тебе и мне открыто
Глядит в глаза из вражьего ствола.
И вновь, как перелетных птиц цепочка,
Отряд на горной круче—погляди.
Сияет солнце в самой верхней точке.
И грозные сраженья—впереди...

На дороге к аулу

I

Как легкие тачанки, полным ходом
Дни пролетают пестрой чередой,
Бурливо протекает год за годом
Рекой, стесненной вешнею шугой.
Заря свободы плавится багрово.
История, судьбой своей горда,
Рожает мир в боях—

Особый, новый.
Не виданный нигде и никогда.
Рожает и в мученьях, и в потугах.
Новорожденный мир!
Не зря ему
Тачанка стала колыбелью,
Вьюга
Баюкала его сквозь свет и тьму.
История над ним склонялась нежно,
Так, подстелив пучок соломы, мать
Младенца кормит грудью и поспешно
Спрается в подол залеленать.
И ставит малыша себе на ногу,
Учи самостоятельным шагам...
Родившийся в походе,
Понемногу
Младенец рос и креп назло врагам.
Он превращался в дерзкого мальчонку.
И, с холодом и с голодом знаком,
В коротенькой дырявой рубашонке
Путь начинал по снегу бисиком.
А вскоре—сорванец широкоплечий—
Он за себя был постоять готов
И с ног сбивал безжалостно
При встрече
Всех байских избалованных сынов...

Умчались в прошлое потоком вольным
Горячие двадцатые годы.
Колчак и Джунайд в их бурных волнах
С лица земли исчезли навсегда.
И светлый мир, гордясь своею силой,

Грудь подставлял стремительным ветрам,
Но злоба старый мир еще душила,
И он за новым—крадся по пятам.
Таился, лютый в зарослях тенистых.
Беспромашно стрелял из-за угла,
Летели пули в спины активистам.
И прятала убийц ночная мгла.
Мы устояли, не прервав лыжарья,
Хоть в нэп нам подводило животы.
И вслед за новой жизнью шли дехкане
В „косчи“—товарищества бедноты.
Держала баев крепко власть Советов
В железной несрываемой узде,
Права на землю
Ленинским декретом
Бесспоротно утвердив везде.
Находили сообща, а не раздельно,
Безли сполы на общее гумно.
А бани поджигали хлеб артельный,
Гноили в язах ценнное зерно.
Железа нет, чтобы мастерить лопаты,
Мычит завод, как отощавший вол.
Жестокую союзницу богатых
В неграмотности
Враг себе нашел.

Но—все пройдет,
Недаром говорится,
Что, мол, дорога утрясет выюки.
Вслед за нечастью ясный день родится—
И ты ему работой помоги.
Придет он гадостен, высок и ярок,

И батраки забудут прежний гнет.
И мы от прокопченных рыбожарок
Прочь уведем заброшенных сирот.
Отмоем их,
Помеченных паршою.
Очистим их от грязи и от вшей...
И воспитаем их семьей большою,
А срок придет — посадим на коней.

II

Возок зеленый мчится на рассвете,
Над лошадями вьется легкий пар.
Вдыхает полной грудью встречный ветер
Герой моей поэмы Аллаяр.
Роняет пеноу в пыль гнедая пары.
Дорога — словно в легких облачках:
В пути сопровождают Аллаяра
Джигиты на отборных скакунах.
— В Чимбае, — раздается по соседству, —
Давно нас ждет народ!
Живей! Живей!
Вперед! Вперед! —
И кажется, что сердце
Опережает скачущих коней.
Осенняя земля под небом синим
Являет урожайные плоды:
Желтеют на бахчах спелые дыни,
Влекут багряной зрелостью сады.
И тень — самой земли краса и диво.
И в черных шапках черных талов строй.

Аульные мальчишки тропливо
Выкрикивают что-то вперебой.

Земля родная!
Но забыть едва ли,
Как был ты здесь и юности и рад,
Как дрался бай,
Как в мардикеры гнали
Тебя отсюда девять лет назад.
Как жил ты здесь, сплошным попрекам
внемля,

Как поширились все твои права...
Но что же манит на родную землю,
Как маргия---волшебная трава?

Земля родная!
Ей ты поклониться
Спешишь, осилив множество дорог.
Здесь соловьем поет любая птица,
Трава любая пахнет, как цветок,
Здесь для тебя нежны кустов колючки,
Здесь каждая легенда---словно быль.
Ничто не может быть родней и лучше,
Чем эти глухомань, жара и пыль.

И старики в папахах!
Впечатленья
На них никто не произвел:
Они б не стали подвергать сомнению
Слова о том, что отелился вол.
А добрые натруженные руки
Каракалпакских бабушек седых!
А верткие, задиристые внуки.

Повсюду обступающие их!
А девушки в народных украшениях,
Красавицы, которым все под стать.
Войдет такая в юрту—и в смущенье
Любой гордец спешит навстречу встать.
А смуглых женщин огненные взоры!

К тому же повелось от века так:
Гостеприимство—
Вот закон, с которым
С рождения дружил каракалпак!
В бой и на труд
Он шел с друзьями вместе.
„О ты, народ мой,—думал Аллаяр.—
Я рад тому, что вновь поешь ты песни,
Тому, что в руки вновь берешь дутар“¹

III

По сторонам аулы в четком свете
Мелькают этой утренней порой.
Гиедая лара в пение.
Встречный ветер
Вдыхает полной грудью мой герой.
Возок зеленый встряхивает снова.
В глазах у Аллаяра—торжество:
Друзья вокруг предупредить готовы
Малейшее желание его.
Воскликнул среди гомона и гула

---

¹. Дутар—народный музыкальный инструмент.

Казах в мохнатой шапке из бобра:
—Вот и достиг ты своего аула—
И, значит, угощать друзей пора!—
Ответил Аллаяр:
—Гостям здесь рады!
Живем мы, хлебосольства не тая!—
И русскому, сидевшему с ним рядом,
Стал горячо хвалить свои края.
Мол, здесь богатства много на поверку.
Мол, не спешите,
Мол, настанет срок.
—Дай, Бабаджан, свою мне табакерку!
—Держи!
—Спасибо! Славный табачок!—
И Бабаджан рукой усов коснулся...
Скачите, кони,
Ветер, запевай!
Навстречу новой власти встрепенулся
Край Аллаяра—возрожденный край.

IV

Держалась власть советская открыто.
И, на закон сменяя произвол,
Она была не властью чингизидов
И не наследным правом на престол.
Иное дело—сказочные страны:
Порой чабан там к власти приходил,
Там в мирных буднях на спине барана
Гнездо веселый жаворонок вил.

Там Аяз-бий¹ вникал во все заботы
И говорил красивые слова.
Там забывали о слезах сироты
И сто своих овец пасла вдова...
Но сыг не будешь сказочным итогом
И не придашь его своей судьбе.
Немало жертв приносится в борьбе,
Чтоб правда побеждала понемногу;
Чтоб тем, везущим хлопок для завода,
Тем — трем дехканам на кривой арбе
Светило ярче солнце с небосвода
В их ныне изменившейся судьбе.
Те женщины, старуха с молодою,
Что коноплю молотят день-деньской, —
Они должны на равных быть с тобой.
Чтоб распроститься навсегда с тоской.
Чтоб каждому открылась вера в счастье..
Не сыщется в борьбе простых путей.
Взгляни на этих маленьких, вихрастых,
Играющих с собаками детей:
Облепленные грязью, в тучах пыли,
Одетые в последнее рванье...
Чтоб счастливы детишки эти были,
Чтоб поняли призвание свое,
Чтоб им наука двери открывала,
Чтоб в них огонь познания не гас, —
Нам предстоит с тобою труд немалый.
(Но это будет уж другой рассказ..)

---

¹. А яз-бий — герой городных сказок, чабан-мудрец, ставший справедливым хагом

...В краю, где возле вспененных потоков
Под бедняком от жажды падал конь,
Где солнце с неба землю жгло жестоко,
Хоть света не давал его огонь,
Где правило жестокосердье хана,
Где бий в соху впряжен людей, как скот,
Где слышались стенанья непрестанно,—
Жил нищий, обездоленный народ.
Там был бесправным и забитым всякий,
Кого трудом сгибало до земли,
Соседи именем „каракалпаки“
Народ тот несчастливый нарекли.
Но чтобы он познал иную долю,
Чтоб братство утвердило в родном краю,
Чтобы, увидев равенство и волю,
Поверили в автономию свою,—
Не ради ли описанного факта,
Не ради ли октябряской зари
Шли молча по Владимирскому тракту
Кандальники, смутьяны, бунтари?
Застенки Петропавловки,
Чахогка,
Суды,
Расстрелы,
Каторжные дни—
Не просто в этот перечень короткий
Вместить все то, что вынесли они...

...Он хищником, залившим землю кровью,
„Капитализм“ назвал в своих трудах.
И, уничтожив хищника, он к воле
Повел Россию, презирая страх.

Он дал рабочим силу, власть, свободу,
Он указал нам верные пути,
Чтобы могли:
"Мы счастливы!" —
Народы
На многих языках произнесли.
Вождь неподкупный пролетариата,
Провидевший грядущих дней огни,
Мерз в Шушенском под вышкой бесноватой,
В Разливе проводил за днями дни...
Он сверг самодержавие с престола,
Сразил навек двуглавого орла...

V

Остановили в Тазгаре коней.
Припомнили недавний бой кровавый,
Припомнили погибших здесь друзей —
И в памяти воздали павшим славу.
И эту память я не обойду:
Власть захватили летними ночами
В Чимбае в восемнадцатом году
Белоказаки вместе с басмачами.
Тогда случилась в Тазгаре беда:

Они ингеротряд наш истребили.
Там русские, чадъяры, немцы были...
О них мы не забудем никогда.
А участь пленных в том трагичном дне?
Пусть памяти о ней потомки внемлют:
Большевиков сжигали на огне
Или живьем закапывали в землю.

О дерзкие, отважные сердца!
Их позвала октябрьская дорога.
За ленинскую правду до конца
Они сражались здесь, в краях Востока.
И там, куда они ее несли,
Ии раскрывали, как родным, объятья...
Пусть будет пухом, дорогие братья,
Вам каждый ком моей родной земли!..

VI

Вновь пену на скаку роняли кони.
По сторонам, казалось, тальники
Не стынут над водой в полупоклоне,
А мчат с конями наперегонки.
Мчат, от возка на шаг не отставая.
По бездорожью,
Слепо,
Наобум...
Как в ясном небе туча грозовая,
Вершиной вдалеке темнел гуджум.
Он врос корнями в глубь речного склона —
Под склоном Кегейли стремила бег.
Каналы чистя, там, под пышной кроной,
Нашел однажды Аллаяр ночлег.
Батрак-подросток, он не мог сначала
Заснуть, хотя и был почти без сил:
То птичья суeta ему мешала,
То ветер над верхушкой голосил.
От боли телу не было покоя,
Но забытье не стало отступать...
Скончавшаяся тою же зимою

Во сне явилась Аллаяру мать,
„Вставай, вставай! Беги скорее, ну-ка!“ —
Ему кричала на бегу она:
По дереву взбиралась вверх гадюка,
И освещала всю ее луна.
В гнезде птенцы полискивали жалко,
Как будто гибель чувствуя свою.
И мать, схватив с земли большую палку,
Поспешно стала ею бить змею.
И та, недавно вившаяся грозно,
Упала со шлепком на твердь земли...
В то утро Аллаяр проснулся поздно.
Все на работу без него ушли...

VII

Дорога вьется вдаль, подобно ленте,
Дорога утомително пылит.
— Так как же встретили тебя в Ташкенте? —
Спросил один настойчивый джигит.—
Прием ташкентский, знаешь ли, недаром
Особый вызвал интерес у нас... —
И он плеча коснулся Аллаяра —
И Аллаяр продолжил свой рассказ.
Когда в ТуркЦИКе о своем прибытии
Он доложил осеннею порой,
То в перерыве там, за чаепитьем,
Была беседа именно такой:

— И Куйбышеву Фрунзе, не помешкая
„Каракалпак“ на русский перевел.

„Все верно?“—обратясь ко мне с усмешкой,

Рукой он по спине моей провел.

Но Куйбышев, меня опережая:

„Все верно!—

На меня взглянул в упор,—

Давно я о народе этом знаю,

Еще с далеких кокчетавских пор.

Он интересен мне своей судьбою,

Сложна его история была...“

„Близки каракалпаки с Бухарою,—

Добавил тут Ходжаев Файзулла.¹—

Никто не знал в веках так много гнета,

Как этот скромный трудовой народ.

А с просьбою к нему подступит кто-то—

Он гору для просящего свернет.

Еще я на арбу ее уложит,

Была бы только та арба крепка...—

И улыбнулся тут же мне:—

А может,

Я ошибаюсь, Аллаяр-ага?...“

...В ТуркЦИКе Аллаяр на заседанье

И сам с докладом выступил потом.

Он людям рассказал,

С каким стараньем

Работают партийцы и ревком.

Он перечислил сложные моменты,

---

¹ Активный участник свержения бухарского эмирата, революционер, впоследствии—председатель ЦИК Узбекской Советской Республики.

Поведал, сколько отнимает сил
Сопротивленье чуждых элементов...
Все Аллаяр в докладе осветил.

... И вскоре предоставлена народу
Навеки автономия была.
О, радость завоеванной свободы!
Как ты и неуемна и светла!
Союз рабочих и дехкан нетленен,
И вечно славен трудовой народ.
И юрта счастья, как предвидел Ленин,
Коснулась алым куполом высот.
Она меж черных талов гордо встала,
Над миром распрымилась в полный рост.
Над ней луна восторженно сияла
Над ней кружились хороводы звезд.
И много слов октябрьских, почетных
К народу обратили моему.
И улыбнулись люди в шапках черных
На берегах Араля и Аму!

VIII

Аул, аул! Раздоры в нем не робко,
А яростно вскипали, испо кон:
У каждой юрты—собственная тропка,
У каждого семейства—свой закон.
В ауле каждом—собственные бай,
У баев—собственные батраки.
Тучнели бай, жиром заплывая,—
От голода качались бедняки.

Теперь аул, былое забывая,
С другими отиошеньями знаком:
Бедняк в глаза бесстрашно смотрит баю,
В глаза, как бы заплывшие жирком.
И коль ты здесь по собственной охоте,
Коль честная ведет тебя тропа,
Сойди с коня вон там, у поворота,
Где за волами катится арба.
Сойди—и в глухомани незнакомой,
Где знать не знали про свои права,
Увидишь ты и флаг над батрачкомом,
Услышишь ты и смелые слова.

Былые молчуны теперь речисты—
И часто споры делятся много дней.
Распределяют землю активисты,
В галоп бросая взмыленных коней.
Перебирая четки втихомолку,
Ишан пророчит гибель всем вокруг.
Блестят глаза у бая, как у волка,
Который в яме очутился вдруг...

У Аллаяра был дружок сердечный:
В работе кто другой ему под стать?
Характер—и травинку у овечки
Батрак Утен не смог бы отобрать.
Не все еще у бая было скрыто.
И как-то ночью, проявляя прыть,
Он взял с собой на кладбище джигита,
Чтоб там свое богатство склонить.
Но оставлять свидетелей—не дело:
Утен с той ночи скрылся без следа.

И лишь потом нашли дехкане тело
На дне пересыхавшего пруда...

Но вот, воспоминаниям не внемля,
Вдруг Аллаяр поднялся в полный рост.
—Отец!—

И, соскочив с возка на землю,
Пошел к арбе, вкатившейся на мост.
—Отец!—но тот нуждается в подмоге.
И сын плечо подставил неспроста.
И вот арба скатилась на дорогу
С трухлявых бревен старого моста.
—Отец!—

А старику глаза от света
Ладонь прикрыла, словно козырек.
—Неужто, Аллаяр?
Да ты ли это?
Жив и здоров, как вижу, мой сынок.
Я думал, мы увидимся едва ли...
Куда же вы спешите столько дней?

Коней, гляжу, в дороге вы загнали—
Эх, нам в артель бы этих вот коней!
Давненько, Аллаяр, ты не был дома.
Соседи мне покоя не дают:
К родителям, мол, надо и „обкому“
Заглядывать на парочку минут.
Народом управлять в такую пору
Непросто—это ясно даже мне...
—И все же я в аул заеду скорей
Так и скажи соседям и родне!—
Махнул отец рукою Аллаяру.

И тот махнул рукой.
Под гром копыт
Возок зеленый мчит гнедая пара,
Пыль вдоль дороги на Чимбай висит.

Из города возку навстречу дети
Бегут веселой, шумною гурьбой.
И лозунги: „Да здравствуют Советы!“ —
На кумаче алеют над толпой.
И вскрикивают люди возбужденно.
И — там папахи,
Тюбетейки — тут.
И в синем, красном, желтом и зеленом
Красавицы в толпе чего-то ждут.
И понимаешь, как отныне будет
В любом их уголков родной земли.
Как хорошо, что трудовые люди,
Свою свободу осознать смогли!
Как хорошо, что солнце с небосвода
Смотрело на бурлящую толпу!
...Так Ленин дал народу власть народа.
А вместе с ней — счастливую судьбу.

Моя автономия

I

История — в нее не без причины
Вошли этапы огненной борьбы.
Сегодня Время — бег автомашины,
А не движенье дедовской арбы.
И ныне в „Волге“ мчащейся легко нам.

Мы—это прибывший издалека
Поэт московский Михаил Луконин,
Водитель, я да Жолмурза·ага.
В ушах у нас осенних ветров вздохи,
Сады вокруг богатствами полны.
По сторонам асфальтовой дороги
Комбайны возвышались, как слоны.
Мы мчались по земле своей отчизны.
И, словно с другом главное деля,
О радостях большой и мирной жизни
Листвой шептали небу тополя.
Арбузные бахчи лежали немо,
Маня водителя к себе свернуть.

Белел хлопчатник—словно это с неба
На землю опустился Млечный Путь.
И лунные на нем играли блики,
Смягчая и полуночную тьму.
На перекрестке двух пустынь великих—
Вблизи цветущих берегов Аму,
То под конями,
То под ветерками
Старившими дорогами пыля,
Шумиг листвой,
Лопочет родниками
Каракалпакская земля.
Встречается Аму с простором синим,
Чтоб разделить с ним вечную судьбу.
А человек и грозный бог пустыни,
Как встарь, между собой ведут борьбу.
В любое время года в тиши и в грозы
Они ее ведут. Мой друг, и все ж

В охапке принесу тебе я розы,
Когда сюда ты в гости завернешь.
Ноля под величавым поднебесьем
Раскинулись бескрайне там и тут,
И вольно славит человека песня,
И гордо славит человека труд.

И, словно бы не в беге,
А в полете
Неудержимо рвущийся вперед,
Олень подрагивает на капоте—
К себе нас в гости хлопкороб везет.
И мы вдвойне поездке этой рады:
Ведь только что закончивший дела,
Он тем гордится, что его бригада
Возглавить «красный караван» смогла.
Когда ж итоги нынешнего года
Хозяйски станет подводить страна,
Каракалпак,
Дехканин,
Сын народа—
Он все свои наденет ордена.
Во все дворцы получит приглашенья,
Везде ему почет и уваженье:
В Нукусе,
И в Ташкенте,
И в Москве.

Светлы во имя Родины свершенья,
И у нее всегда ты на виду
Не по национальному делению,
А по неутомимому труду.

Она оценит на своем приволье,
Кто робок до поры, а кто — герой.
Так в юрте братства общее застолье
Посланцев всей земли роднит порой.
Роднят дела, исполненные света.
Роднят мечты — мечты одной семьи.
И нам видны грядущего приметы
На древних берегах Амударьи.
И смысл деяний наших одинаков:
Жить и работать, счастья не тая.
Так расцветай в kraю каракалпаков
И крепни, автономия моя!
Ты — наша гордость, юность и **свобода**.
Ты — ставшая для многих птиц **гнездом** —
Большое право малого народа
Идти широким ленинским путем.
Ты многими талантами богата.
И я строками светлыми горжусь,
Прочтеными перед людьми **когда-то**
Лукониным, приехавшим в Нукус:

„Как расцветающая ветка,
Как всходы хлопка,
Как весна,
Как творчество и как разведка,
В тебе такая новизна!“
Не зря я вспомнил о большом **поэте**:
Ведь я и сам вбирать душою раз —
Как их подчас в себя вбирает ветер —
Полынный и цветочный аромат...

II

Вновь осень по дорогам и по тропам
Через поля шагает там и тут.
И вновь вокруг горы большого хлопка
Тележки вездесущие снуют.
У клуба дети в шумном карауле:
Им без кино, мол, не прожить и дня.
Слышны моторы в нынешнем ауле,
Где мотоцикл вытеснил коня.
Совхозные поля белеют чинно.
Вдоль улиц—тополей застывший строй.

Остановилась пыльная машина
У дома, осененного листвой.
И дети обступили „Волгу“ эту.
И дед от хлева поспешил к крыльцу.
—У нас в гостях известные поэты!—
Сказал хозяин старику отцу.
—Наслышав я давно об Ибрагиме.
А это кто? Неужто Жолмурза?
—Там оказался этот русский с ними.
Мы с Мишею, отец, с войны друзья!
Мы с ним в одних траншеях были рядом.
И, словно бы на память о войне,
С тех пор осколки одного снаряда
И в нем навек засели,
И во мне.
Потом,—сказал хозяин чуть потише,—
Мы с ним в одну влюбились медсестру.
—Смотри,—заметит друг,—жена услышит,
И мы придемся здесь не ко двору.—

Вздохнул старик:
—Счастливые вы, дети!
Да будет ваша жизнь всегда светла!
Хвала аллаху, что и в годы эти,
Судьба вас неожиданно свела!
—Такие встречи для солдат желанны.
Под небом полуденной синевы,
Сегодня перед „красным караваном“
Читал стихи писатель из Москвы!
—Пусть вечно б над землей они звучали!—
Старик прищурил мудрые глаза.—
Не будем же томить гостей речами!
Веди их в дом наш, братец Жолмурза!
Под шиферною крышей дом совхозный
Красуется в саду немало лет.
А рядом в юрте—до ночей морозных,
Живет на воле старый Даулет.
И перечислить мне теперь едва ли
(Хоть это для поэта долг святой...),
Что ели мы, чем пищу запивали,
О чем вели беседу в юрте той.
Всех за столом объединить не просто.
Но не было минуты тишины:
Звучали шутки, раздавались тосты,
Шла речь о хлопке и о днях войны.
И Михаил Кузьмич, вздыхая часто,
Так говорил:
—Судьба не всем одна!
И никогда не выбирает счастье—
Большая или малая страна.
В моей судьбе дорог немало было,
И добрых, и недобрых иногда.

Я видел Ганга берега и Нила
И исходил чужие города.
Там робко просят хлеба или денег
Детишки, что привыкли голодать.
Там девушки готовы за бесценок
Дородным господам себя продать,
Там только для богатых наслажденья,
А для того, кто беден,—труд и пот.
Там вечные нужда и униженья,
Для беззащитных вдов или сирот.
Бывает: за собою числя даты
Значительных свершений и побед,
Сама страна как будто и богата,
Да у ее народа счастья нет.
Пусть мало вас под этим небосводом,
Каракалпаки!
Вам в пути большом
Завидуют великие народы
Из тех, что там, вдали, за рубежом.
В семье единой счастье нам не чуждо,
Нам друг без друга издавна нельзя.
Я предлагаю тост за нашу дружбу,
За вашу автономию, друзья!—
Сказал старик в ответ:
— Сквозь все невзгоды,
Мышли и шли немало лет подряд,
Чтоб стать свободным, трудовым народом,
И стали им. Ты прав, наш русский брат...
Пойми же, гость наш русский, что недаром,
Что словно бы минувшему в ответ,
Не как-нибудь — „аулом Аллаяра“

Аул наш называют много лет.
Был этот человек из лучших лучшим—
О том прекрасно помнит Жолмурза...
Какой бы с ним ни приключился случай—
Ни про один нам забывать нельзя.
Времен тех отзыва не умолкают:
Ведь это не огонь с водой в борьбе—
В борьбе склестнулись бай с бедняками,
Как два барана на одной тропе.
Те и другие победить готовы...
К нам слухи поползли со всех концов,
Что Аллаяр к ограду Шайдакова
Увел своих товарищей—бойцов.
А вскоре сам он в наш аул нагрянул,
Где близок был любому бедняку.
И маузер в коробке деревянной,
Висел у Аллаяра из боку.
Висел, собою богачей пугая,
Нас—от несправедливости храня.
Я жил тогда в поденщиках у бая,
Но Аллаяр поставил в строй меня.
Мою шапочонку он, свершая чудо,
Украсил алой маленькой звездой:
„Борись с врагами трудового люда!“—
И с тем увел в сраженья за собой.
Где грохотали выстрелы копыта,
Где смерть свистела у виска подчас,
Мы разгромили хана Джунайда—
Бежал он волком раненым от нас.
По воле ж автономии народной,
Как честный большевик и как герой,

Главой Каракалпакии свободной,
Стал Аллаяр той памятной порой!

Луконин заворочался на месте,
Вздохнул, добавил сказанному в лад:
—О нем я слышал в прошлые приезды,
Он с Лениным встречался, говорят...
Работал. А потом, хоть и не сразу,
Как бы исчез из виду невзначай...—
И гость наш, замолчав на этой фразе,
Стал хмуро дуть на свой горячий чай.
—Ну что ж,—вздохнул хозяин смуглоли-
цый.—

Учился он от мест родных вдали.
Работал Аллаяр в Москве—столице,
Откуда к нам его приветы шли.
Я помню: он от Ленина когда-то
Вернулся с автономией для нас...
(Надеюсь от фантазии богатой
Не обдeneет сутью мой рассказ):

III

„Октябрь, принесший нам заветную сво-
боду,
Все выше поднимал людей—и потому,
Чтоб встретиться с вождем,
Посланцы всех народов
Со всех концов страны приехали в Мос-
кову.

Пришлось им одолеть и трудности, и дали.
Зато какой почет им послан был судьбой:
Коврами им в Москве дорогу устилали,
Над площадью для них звучал курантов
бой.

Посланцы всей страны вождю сказали:
„Здравствуй!“
Ты каждому из нас понятен и открыт.
Достойней и щедрей в своем богатом цар-
стве
Нас встретить бы не смог и сказочный
Джамшид.

Простишись с нищетой, забитостью, ис-
пугом,
С тобой и за тобой пошедшие на бой,
Отныне мы навек равны друг перед дру-
гом,
Поскольку мы навек равны перед тобой.

Октябрьский гордый свет над нами вспых-
нул юно,
Чтоб мы в Москву могли сойтись со всех
концов.
Над нами небеса—как свод единой юрты:
Ты в этой юрте стал для каждого отцом*.
И Ленин отвечал: „Живите вольной жиз-
нию
В сплетенье трудовых и дружественных уз.
Пусть станет навсегда оплотом коммунизма
Проверенный серпа и молота союз“.

И, в этом с Ильичем от всей души сог-
ласны,
Посланцы всей земли свершали главный
шаг.
Так звезды вокруг луны сияют в небе яс-
ном—
И среди этих звезд был наш каракалпак.

Советуясь во всем и с теми и с другими,
Чтоб вдруг не умалить хоть чьи-либо
права,
На шелковых листках чернилами златыми
Сам Ленин выводил высокие слова,

Учитывал Ильич немало разных мнений,
Сводил их, разделяя, давал им нужный
ход.
С народами совет держал великий Ленин.
И встал каракалпак—настал его черед.

Он встал, как нам потом об этом расс-
казали..
Но некто, выждав миг, когда вернулась
тиши,—

С козлиной бородой, с совиными глазами:
„Позвольте!—шевельнул усами, словно
мыши.—
„Каракалпаки”—было прозвищем от веку,—
Усмешка на лице то вспыхнет, то замрет.—
Они же от туркмен, казахов да узбеков,
По-моему, ведут не столь уж славный род.

Мы все тут собрались для общего совета,
И даже если что сказал я и не так...“

Но Ленин перебил:

„Что возразит на это
Присутствующий здесь каракалпак?“

Тогда-то Аллаяр и встал достойно с места,
Чтоб не для слов пустых открыть на лю-
дях рот:

„Родни у нас вокруг немало, как известно,
И все же мы не род, не племя, а народ!

Что, возвратясь а аул, скажу я нашим лю-
дям?

Что привезти смогу на родину свою?
И потому-то, коль дозволено мне будет,
Я песню вам, друзья, правдивую слою“.

„Пускай поет!“ —
Вокруг решили честь по чести.

„Прошу вас!“ —
Раздались в тиши слова отца.

И чистые слова каракалпакской песни,
Взметнулись к потолку Кремлевского
дворца.

И, не считая прочь несущихся мгновений,
Певец то вдохновлялся, то изнемогал.
Казалось, шли века невзгод и унижений
Перед глазами тех, что наполняли зал.

Казалось, тут сплелись преданья и рассказы,
Но песня подошла, однако же, к концу.
Под сводами дворца очнувшийся не сразу,
Зал аплодировал искусному певцу...

„Родной Ильич!
Твоим вниманьем мы согреты!—
—Сказал наш Аллаяр.—
Ты справедлив. Так вот,
Коль кто-то повторит сейчас же песню
этую,
То, значит, мой народ—лишь племя или
род...“

И люди в краткий миг сумели оживиться,
Послышалось вокруг: „Находчивый джигит!“

И Ленин оглядел смеющиеся лица,
И улыбнулся сам: „Кто песню повторит?“

И слово взял узбек: „Что может быть
чудесней,
Чем двух земель полет—бок о бок сквозь
века?
Но даже мне не спеть каракалпакской песни,
Хоть эта песня мне, как никому, близка.

В нее десятки дат история вписала
И впишет их еще, когда придет черед.
Поверь, Ильич,

Хотя каракалпаков мало
Осталось по числу — они большой народ!*

И слово взял казах: „Касались поднебесья
Слова двух языков, звучавших сквозь века!
И все же мне не спеть каракалпакской
песни.

Хоть песня эта мне особенно близка.
Мы знали много бед. Мы вместе ждали
чуда.

Народ каракалпакский всем другим под
стать.

Казахи говорят: „Не видит я верблюда
Лишь тот, кто ничего не хочет замечать!“

И слово взял туркмен. Он, почесал в за-
тылке

И кашлянув в кулак, сказал: „Наверняка
Той песни не спою я трепетно и пылко,
Хоть красками ковра и мне она близка.

Узорами ковра близка мне сокровенно
И общей мерой бед, волнений и забот.
Клянусь тебе, Ильич, достоинством турк-
мена,
Что в черных шапках люд — древнейший
наш народ!“

И слово взял киргиз: „В моих родных
пределах
Двум близнецам сказал родитель без затей:
„Вы в шапках, сыновья,

Тот в черной, этот в белой".—
Ходите, чтобы я мог различать детей."

Вот так, Ильич, и мы. Конечно же по праву
Миролюбиво жить как раньше, так и впередь
Близ Алатау—нам, а им—у Карагату...
Но братской песни той и мне сейчас не спеть!"

Тут русский с украинцем,
Попросив вниманья,
Посланцам всей страны поведали о том,
Что в летописях их живут упоминанья
О „черных клубках”—народе кочевом.

И поддержали нас все во дворце огромном,
Поскольку все смогли там истицу постичь.
Республика у нас доныне автономна
С той памятной поры,—
Так повелел Ильич".

Прощание

Бывает многоликой мать-природа:
То грозы набегут издалека,
То снова синь в бездонье небосвода,
То—легкие, как перья, облака.
Пыль налетает справа, дождик—слева.
Буран проносится по целине.
Бывает: крупный град побьет посевы

И вслед за эгим—солнце в вышине.
А сколько скрытых действий год от года
Свершается весной—в ее цвету...
Не все происходящее в природе
У взора у людского на виду.
Но что же это?
Как случилось это?
Откуда к свету подступила тьма?..
Жаль, многие вопросы без ответа
Порою оставляет жизнь сама...

. .Шагнула цепь людей,
А вместе с нею
И Аллаяр задумчиво шагнул.
Сменился на посту у Мавзолея
И вновь застыл недвижно караул.
Казалось, слышалось его дыханье.
Тихонько оглянулся мой герой—
Араб в просторном белом одеянье
Стоял у Аллаяра за спиной.
Как рис очищенный, сверкали зубы.
(Где получить ответ на свой вопрос?.)
Араб, слегка выпячивая губы,
Смущенно извиненье произнес.
Кто и зачем?..
И Аллаяр воочью
Увидел вновь, как он шагал сквозь тьму
И чья-то тень чужая прошлой ночью
Пересекла дорогу и ему...
Но не лишился человек покоя:
Он утром вымыть голову успел.

Украшенную алою звездою
Свою он шапку черную надел.

Надел ее—надежную подругу,
Свидетельницу радостей и слез.
Ремнем солдатским затянулся тugo
И твердым шагом вышел на мороз.

Он шел к тому, кто людям дал свободу,
Кто обратил к ним светлые слова.
Кто прежде угнетенному народу
Принес на счастье и любовь права.
Но что же так упрямо Аллаяра
Вело на встречу с Лениным сейчас?
Он понимал,
Он чувствовал недаром,
Что свидится с вождем в последний раз...

А памяти все нет и нет покоя:
Вновь возникает явственно вдали
То дерево, шумящее листвою
На берегу отлогом Кегейли.
Ни одного пугающего звука
Вокруг...
Не видел юноша-батрак,
Как в лунном свете серая гадюка
Ползла, стараясь спрятаться в ветвях.
О, эта вороватая смекалка.
Уменье злобу загаить свою...
„Вставай скорей! Смотри!“—
И палкой, палкой
Колотит мать коварную змею...

И вновь, и вновь всплывает перед взором
Один из стылых предвесенних дней,
И коршун в небе, и „Ущелье воров“,
И трупы тех расстрелянных парней;
И слышен голос их:
„Высокой целью
Да озарятся честные пути!
Нам тяжело...
И под скалой ущелье
Спешите, люди, поскорей пройти...“
И тот листок бумаги со словами:
„Жив, Аллаяр? Привет большевику!...“

А прежде мир веселыми глазами
Оглядывал с коня он на скаку.
Оглядывал—
От сини небосвода
До розовой закатной полосы.
А Бабаджан перед толпой народа
Смеялся и подкручивал усы.
И говорил о чем-то, откровенен.
И одобрительный катился гул.
И все вокруг кричали:
„Ленин! Ленин!“
И шапки вверх подбрасывал аул.
И хлопок высыпался горой, белея.
И дыней наслаждался Даulet...

Все ближе подходил он к Мавзолею—
Боец и созидатель новых лет.
И здесь, с вождем народов по соседству,
Здесь, на земле для ленинца святой,

Любовью к жизни наполнялось сердце
И самой сокровенною мечтой.

Заря в полнеба над Кремлем алела.
Пора поэме подводить итог:
Мой Аллаяр взволнованно, но смело
Уже ступил за гранитный порог...

Прощай, мой дядя,—
Честный, строгий, нежный.
Запальчивости юной не тая,
Они в тебе бурлят—твоя надежда
И вера неизбывная твоя!
И к этой жизни, что ликует ныне,
Они пробились сквозь огонь и тьму.
Есть сердцу милый край, где с морем синим
Великая встречается Аму.

Мы знаем, если сад зацвел неплохо,
То будут и плоды, и семена.
Навеки, Аллаяр, твоя эпоха
В твоих потомках будет продлена...

Заключение

Путь моего народа долг, труден,—
Его когда-то начал печенег.
Мой прадед был упрямый чернолюдин,
Он шапки не снимал своей вовек.

Когда его отец, в бою сраженный,
С коня на землю черную упал,
Он сыну завещал, чтоб шапки черной
Тот с головы ни разу не снимал.

И—это может подтвердить ученый—
С тех пор во все века на белый свет
Каракалпак рождался в шапке черной,
Чтвя свято пра прадедовский завет.

Идя своей дорогой грозовою,
Успел он очень много потерять,
Но шапку не терял—лишь с головою
Ее могли с каракалпака снять.

И только раз каракалпаки сами
В печальные для всей планеты дни
С голов склоненных свои шапки сняли,
Когда входили в Мавзолей они.

Склонились несгибаемые люди
В любви и уважении к тому,
Кто навсегда в каракалпакской юрте
Сумел рассеять вековую тьму.

ПРАВДА О КОВРОВЩИЦЕ

*Двадцати тысячам ковровщиц
братского Туркменистана посвящает автор*

*И лунолакая, с золотыми руками,
Мастерица ты, о дочь эрсары!*

Кэмине

Ручей Армуз струится, словно свиток,
Меж берегов, лужайками покрытых.
Сам Марко Поло славил, по преданью,
Работы бахарденок знаменитых.

О Бахарден,¹ о колыбель узора!
Природы буйство пестрое повсюду!
Тюльпанами разубраны просторы,
Звениг ручья серебряное чудо.

Мечты заветной золотая рыбка!
Спешу тюльпаном стройным насладиться!
Нет, это зренья бедного ошибка:
Передо мной красавица девица.

—Джигит, будь вежлив,—мне она сказала.
—Дивлюсь цветку,—ответствую без страха
—Ты спел бы лучше песню для начала,
То ль и² Махтумкули, то ль из Бердаха...

¹. Бахарден—аул, расположенный у ручья Армуз. Славится замечательной природой и мастериями коврового дела.
², Махтумкули—классик туркменской поэзии. Бердах—классик каракалпакской поэзии.

О Бахардена свет,
О месяц ясный:
Позволь твоим быть украшеньем лучшим!
Ты просишь песни?

Пусть мой друг согласный,—
Дутар тебе ответит сладковзвучный:

Понравится тебе мой голос, нет ли,—
Надежды птица выпорхнет из сада;
Проникнись дружбой светлой и не медли,
И в этом будет для меня отрада!...

* * *

Стройней сайгака Кербалинской степи
Красавица эрсаров подрастала,
Покуда юности великолепье
Не умыкнул сардар¹ йомудский старый.

Так, не наполнясь счастьем, раскололась
Девичества сверкающая чаша!
Над ней гремел глумленья грубый голос,
Родной аул не ею был украшен.

Она ковры слезами расшивала,
Не знала слов, таясь в тоске угрюмо,
В узор кровавый скилилась, бывало,
Вплести мечты бессильные и думы.

---

¹ Сардар — владеющий вельможа, военачальник.

И от сардара понесла...

А вскоре

Дочь родилась, красы необычайной;
Беспечный птенчик рос в генетах горя,
Печальной жизни узнавая тайны.

Не только облик—маленькой рабыне
Досталось материнское искусство:
Ткет—и уже сады встают в пустыне,
Бьют родники,
стада окрест пасутся.

Ковровщица на девочку глядела
И все шептала, затая страданья:
—Учись, учись, ковровщицкое дело—
Родник искусства, свет существованья!

От матери—чудесной мастерицы—
Переняла я ремесла секреты,
Ее уменьем, верю, озарится
Весна твоя и золотое лето.

В честь бабки, знавшей радости и муки,
Соткем ковер векам на удивление,
Чтоб восхищались внуков наши внуки
И многие потомков поколенья....

* * *

И женщина предстала перед сардаром,
Потребовала шерсти, красок разных—

И пробудила алчность в сердце старом,—
Оно ли устоит перед соблазном!

Два года заготавливались нитки,
Потом им сообщались краски радуг;
Но вот—материалы все в избытке;
В уединенной мастерской—порядок.

Шли капли—дни потоком неуклонно,
И управляли не раз на юг летали,—
А узелков мельчайших миллионы,
Не зная сна, две женщины сплетали.

Зубцы расчесок
обратились в иглы,
Как сабли,
затулились ножниц крылья.
Давила сырость, зной стоял, как в тигле,—
Не прекращались тружениц усилия...

И вот он—царь ковров!
Мечты виденье!
Тесна ему юрта на шесть канатов.
Дары несут соседи за гляденье
Узоров сказочных, тонов богатых.

Глядишь на труд воистину великий—
Цветник фантазии уводит в дали,
И словно летопись „Гариб-Ашика“—
Любви долины и сады печали.

Текинец скажет:—Радуга искрится,
Должно быть, наш ковер — ахалтекинский...

Твердит йомуд:—Лишь наши мастерицы
Способны труд осилить исполинский...

Коклен заметит:—Нет, узоры наши!...
Эрсар его оспорит величаво:
—Искусства наших женщин нету крашев...—
Царя ковров шумят по свету слава.

Пред ним ничто роскошный хвост павлиний,
И радуги цвета бессильно меркнут,
Свет бирюзы, сапфира промельк синий
Пред этой красотой бессмертной смерти.

Купцы и путешественники всюду
Царя ковров превозносили хором...
Но золото предпочтая чуду,
Сардар ковер за деньги отдал скоро.

Легенда шла по всей земле широкой,
Как волны в неоглядном океане,
Ее ловили в Индии далекой,
В лукавой Персии, в Афганистане.

Ковер в Мары доставили верблюды,
Торгаш в Ургенче восхищенно ахал;
И, наконец, купили персы чудо
Для своего тирана-падишаха.

* * *

Хивинский хан, увидев в Тегеране
Искусных рук волшебное созданье,
Возревновал—и на своих придворных
Обрушился хулой и грязной бранью.
И молвил слугам хан;—Коль не богиня
Ткала ковер ковров,—

приказу внемля,
Доставьте ту ковровщицу! Вы ныне
Коней в туркменскую гоните землю!..

И поскакали ханские джигиты
И привезли наложницу Йомуда.
И вот нетерпеливый хан сердито
Взирает на создательницу чуда.
То шугит хан,
То пасмурный, ярится,
Предела нет вопросам златоуста;
—Как добывала краски, чаровница?
Где постигала дивное искусство?

И как продать, негодница, посмела
Богатство родины пройдохам шаха?
Моя казна ли, мыслишь, оскудела?!
Ну, сколько содрала ты с вертопраха?..

—О ваша свегельство, пусть и я виновна,
Но торговала тем ковром не я ведь
Мать обучала мастерству любовно—
Ее я вечно не забуду славить.

Семь лет.
как голубь,
я землицей черной
Рот набивала: чтоб забыть о скорби,
Семь бесконечно хмурых лет упорно
Ткала ковер, томясь, желтея, горбясь.

Я отбирала лучшие шерстинки,
Я в пряжу превращала их устало,
Из цветника надежд, стряхнув росинки,
Я для узоров краски подбирала.

Цвет желтый—цвет разлуки и печали,
Цвет черный—годы, что увили рано,
Зеленый—юности минувшей дали,
А красный—сердца горестного рана...

—Мне, хану, скучно слушать голос горя,
Напрасно струны сожаленья будиши!
Ты во дворце останешься
и вскоре
Моей женой двенадцатою будешь.

Не сына жду я от тебя—иного;
Создай ковер мне, женщина, бесценный!
Откажешься—
узнаешь гнева слово,
Непослушанье хан сочтет изменой...

—Забыть искусство я давала слово,
Чтоб за ковры кровь не лилась людская:
К чему давать для распрай повод новый,

Какой в том смысл,
нужда, скажи, какая?!

—Забыла, перед кем стоишь?

Я шуток

Не потерплю!..

—Нет, ясен мой рассудок
И не до шугок мне! В обширном ханстве
И так не счастье междуусобиц лютых...

— Ну мало ли в нашем царстве распрай,
споров!

Не женщине судить о том явленье.

Я-хан Хивы—караю дерзких норов,

Ты будешь ткать! Ты внемлешь повеленью!..

Сие изрекши, хан наступил брови.

Наморщил лоб, нахмурился, как гура.

А женщина вздыхает (ей не вновь!).

Стулится под ношей дум гнегущих.

Ей дан трехдневный срок, увы, недлинный...

Сидит в саду,

перебирает мысли,

А там вдали—вельможные павлины,

Их право, хоть в придворные зачисли.

Забыть тот вечер?

Над родной могилой

Клялась молоком матери, что если

Соткет второй ковер, как тот—посыльный.—

Проклятье будет ей прощальной песней.

Кровь бьет в виски как никогда дотоле.
Как сочетать ответ с обетом данным?
Иль деспота неумолима воля?..
Ее ведут.

Она опять пред ханом.

—Прости, о хан, я клятвы не нарушу!
—Тебе твой хан велит...

—Приказ понятен.

Но я клялась и не возьму на душу
Греха, на ней не будет черных пятен...
—Ушам не верю!

Дерзкая рабыня
Ослушаться меня посмела ныне?
Эй там, палач! Готовь петлю живее!
Она задушит в женщине гордыню.

А впрочем, смерть презренной не коснется,
Пускай в узилище томится долго!
Ей сорок месяцев не видеть солнца,
Лишенья, мрак
ее научат долгу...

* * *

И заточили женщину в темницу.
И к узнице впустили скорпионов.
И нет воды — хоть в сырости томится...
Но жалоб не слыхать, ни просьб, ни
стонов!

Безмолвна чернота ночей Хорезма.
В ней гибнут люди. Мукам нет предела.

Что пытки,—воля женщины железна,
Смирение душой не завладело!

Рвалась волна Амударьи на берег—
Не заглушал страданий рокот шквала;
Роняли звезды, как жар-птица, перья,—
Чудесница искусство забывала.

Как пестрое ковров очарованье,
Картины детства чудились рабыне;
Так умножает путника страданье
Мираж колодца в злом аду пустыни!

* * *

Мираж всегда обманчивей надежды,
Но скакуны событий быстроноги...
В лохмотьях жалких нищенской одежды
Стоит старуха посреди дороги.

Но что это? Как зарево багряна,
Хива в кумач и шелк знамен одета...
Смеются люди..., Рокот барабана...
И в сердце—будто заглянуло лето.

Кто эта странница, чей голос хрипло
Вещает что-то, чей затуплен посох?
Уж не ковровщица ли, что погибла?
Взгляни в глаза ей и не тщись в расспросах!

Звезда любви во мраке лет исчезла!
Очей тех карих не могу узнать я,

Их тусклый взор мерцает бесполезно,
Как месяц, снятый с девичьего платья¹.

Мерцает... Но душа старухи чует
Дыханье нови, луч ее рассвета.
Свободы ветер грудь ее врачует,
Землей отчизны сердце обогрето.

Войска чеканят шаг неодолимо.
Ржут кони. Весело стучат копыта.
Как сладок звук туркменского айдымы²
Навстречу ей летящего открыто:

„Родной аул, что делаешь?
Пора проститься с войнами.
Воркуют птицы белые,
Что дни придут спокойные.

Во тьму уходит прошлое.
Встает над жизнью радуга,
Мечты людей хорошие
Уже делами радуют.

Из тучи месяц явится
Над землями свободными...
Земля родная славится
Советами народными!“

---

¹ Туркменские девушки и женщины носят на груди изображение месяца— „гульяху“.

² Айдым — туркменский напев.

Так зачинал армейский запевала.
И всаднику старуха закричала:
„Скажи мне, парень, что здесь происходит,
Кто дал потоку шумному начало?“

—О мать! Его простое имя—Ленин,—
Туркмен воскликнул,—он принес народу,
Тебе и мне, грядущим поколеньям,
Бесценную заветную свободу.

Адже¹, и я испил страданий чашу!
Я родом из Мары, простой рабочий,
Жил, продираясь сквозь лишений чащу,
Измученный неволи долгой ночью.

Но свергнут белый царь большевиками,
Но краснозвездное зардело знамя,—
И я вошел в семью красноармейцев,
Что завоюют будущее сами.

Довольно людям в рабстве жить, во
мраке,
Трудясь безрадостно в нужде и в страхе!
Плечом к плечу встают каракалпаки,
Идут сыны России и казахи...

От счастья плачет женщина слепая.
А воин вытер те святые слезы...

---

¹ А д же— обращение к матери (или к бабке)

А вскоре конармейцы, наступая,
Ей дали место на арбе обоза.

Как непривычны были—уваженье,
Почет сыновний, дорогая ласка!..
Потом отряды ринулись в сраженье,
Оглохшие от грохота и лязга.

Огонь с тачанок... Бурок викръ
косматый...
Откатывался недруг непрестанно...
Так шли к победе
Ленина солдаты
По золотой земле Туркменистана!

* * *

Когда от зноя яростного меркнут
В пустыне Кербала живые травы,—
Крылом не двинет неподвижный беркут
И дремлют змеи, исходя огравой.

Сайгак с песчаного сбегает склона,
Измучен жаждой, скачет в
исступленье,
Но нет воды, и нет травы зеленої—
И он ложится, подогнув колени.

За ним, глазами черными играя,
Спешит рысцой беспомощный ковленок,
Но нет воды—от края и до края
Объятия просторов раскаленных.

Весна, должно быть, в их воображенье,
Дожди, овраги, полные прохлады,
И ветерка желанного движенье,
Исполненное счастья и отрады...

И вот—вода! Бежит в овраге звонко.
Спешит сайгак.

Но посреди дороги
Змея кусает желтого козленка,
И он летит, выламывая ноги.

Боднул сайгак змеиное отролье,
Смертельно впился ей зубами в горло.
И вот уже окрест шакалы бродят
А степь объятыя жаркие простерла,

Ушел сайгак по раскаленной стыни
С огромной ношей горя и печали...
А у оврага, на краю густыни,
До самой зорьки хищники кричали.

* * *

Прости, читатель, это отступленье,
Листать довольно памяти страницы!
Твоей души почувствовав томленье,
Вернусь к делам знакомой мастерицы.

Зардело солнце вечера мареной¹,
Веркует голубь на холме горбатом.

Марена — растение, из которого добывают красную краску для ковров.

И рядом, близ юрты обыкновенной,
Пасутся овцы, бегают козлята.

В тени кургана, что простерлась косо,
Работает хозяйка молодая,
Как два ручья, сверкающие косы
Бегут-бегут, на плечи ниспадая.

А бабка—та в юрте сидит над зыбкой,
Где близнецы-внучата громко плачут,
И окликает дочь свою с улыбкой:
—Птенцы зовут, обедать просят,
значит!..

Исчезло солнце за холмом горбатым,
Спешит уйти за горизонт далеко,—
Поспеть к любимым крохотным близнятам
Торопится красавица Востока.

И вдруг—тревога. Тишину сметая,
Над женщиною, над пряжей белоснежной
Взлетает голубей пугливых стая,
Бесшумно тает в синеве безбрежной.

И женщина подумать не успела,
Как чей-то выстрел грянул с громом
ярым—
И что-то острое пронзило тело
И обдало ее внезапным жаром.

—О горе!—Мать в юрте заголосила
И кинулась на стоящую мастерицу.

—Незрячая, где отыщу я силы,
Чтоб дочь спасти, чтоб с внуками
укрыться!

А дочери глаза уже бездонны,
Она близнят родимых призывает
И гладит окровавленной ладонью
Узор ковра.. А силы—силы тают...

Вот так степной сайгак, томясь от
жажды,
Уже приметив воду в отдаленье,
Не добежал до родника однажды
И рухнул, слабые согнув колени.

... Сбежались люди,
Ржут протяжно ко^{ий}.
Торопит гнев. И даль уже клубится
В Султан-Санжарской стороне погоня
Преследует бесславного убийцу.

Пусть без воды шагает нар¹ неделю—
Он ляжет ли пред новым перевалом?
Чтоб на чинаре листья облетели,
Топор трудом не обойдется малым!

Поцеловала дочку в лоб старуха,
Полуслепая, встала с твердым взглядом.

---

¹ Н а р — одногорбый (очень выносливый) верблюд.

И голос прозвучал уже не глухо
Пред земляками, что столпились рядом:

—Когда свобода к нам пришла, крылата,
И узникам ее запели птицы,
Спросила я у красного солдата:
Кто он—смелчак, взломавший дверь
темницы?

И он сказал: „Тебя из лап напасти
Бессстрашно вырвал друг народов—Ленин“.
„А где он—Ленин, нам принесший
счастье?“ —
Спросила у солдата я с волненьем.

Хочу его приветствовать поклоном,
Прижать хочу к своей груди усталой
За то, что счастье он принес мильёном:
Дать людям волю—подвиг небывалый!

Сломалась палка многоженца-бая...
И с дочкой переехала сюда я.
За юношу того, красноармейца,
Она и вышла—дочка дорогая.

Принес мне зять подарок сокровенный—
Портретик малый Ленина родного.
Его с любовью необыкновенной
Я берегу—в нем мужества основа.

А время шло... И черной вестью вскоре
Мир потрясло: ушел из жизни Ленин.

Пригнуло плечи каменное горе,
Печалей позабытых обновленье.

Мы с дочерью пришли к решеньям
смелым:
Черты вождя запечатлеть в картине...
И дочь ткала.

За благородным делом
Она убита басмачами ныне.

Ублюдок ослепленный шариата¹,
Колючка злобы, выродок без чести,
Он, видя солнце своего заката,
Решился спровоцировать пир кровавой мести.

Но разве могут бурных рек теченье
Остановить безломные шакалы,
Светил небесных погасить свеченье?!
Звезда свободы гордо засверкала.

Пусть состоит ковер из многих тысяч
Узлов,—сплетайте осторожно нити,
Чтоб в каждом сердце жар восторга
высечь,
Вы мастерство, друзья, соедините!

И пусть на полпути глаза закрыла
Моя родная дочка-ученица,—

---

¹ Шариат—свот мусульманских канонов.

Закончать труд у вас достанет силы,
Вам не впервые, женщины, трудиться.

Мы славный труд свершим, скажу заране,
Оставим память добрую навеки
О незабвенном нашем Ленин-джане,
О величайшем в мире человеке.

Клянитесь мне, о женщины Востока,
И передайте всем достойным людям,
Что дань любви мы, как зеницу ока,
Носить в сердцах своих до смерти
будем!..

И поклонилась женщины степенно.
И в их руках работа закипела...
Быль, а не сказка, в стороне туркмена
Ковровщиконое прославляет дело!

* * *

Как звездам нет числа над Ашхабадом,
А в Фирюзе—лужаек бирюзовых.—
В стране туркменов, ставшей дивным
садом,
Не счесть изделий дорогих ковровых.

Их воспевать молва людская рада
В Москве, в Сибири, в Киеве, в Тамани;
Но тот ковер в музее Ашхабада
Особенно привлек мое внимание.

Он славится не многоцветьем красок—
Простой красотой и вечностью идеи,
Поэт, ученый, садовод, подпасок
С него не сводят взоров, молодея.

Так чем он славен, почему нетленен,
Бессмертному творенью угодобясь?!

С ковра глядит на мир великий Ленин.
„Долой калым!“—под ним струится
Подлись.

Кем соткан он: вдовой ли шаудира,
Умелицей эрсаров молодою?
Где слышал я об этом чуде мира?..
И мысль ведет в далекое былое.

Я покидаю комнаты музея.
Меня встречает вечера прохлада.
Иду, на зданья новые глазея,
Коврами каменными Ашхабада.

Ковров столица! Здесь полы и стены
Волшебными разубраны коврами.
В коврах цветочных—братский край
туркмена,
Ковры пред нами, и ковры под нами.

Как расцвело искусство красок нынче!
Ковры мечты раскинулись широко...
Я знаю: он рождается—да Винчи,
Живописатель нового Востока!

ТОМИРИС¹

(Массагетская поэма)

Клянусь Солнцем, владыкою массагетов,
я утолю твою жажду крови, хоть ты и
ненасытен", — сказала Томирис персид-
скому царю Кирю.

Г е р о д о т . История, 1, 214

Массагеты доказали свою доблесть в
той войне с Киром...

С т р а б о н . География, XI, 8.

Так и женщина стала боевым кличом.
Бердах. Родословие.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Томирис! Материнское горе
Клонит гордую голову вниз.
Боль на сердце и темень во взоре —
Тяжела твоя скорбь, Томирис.
Но про царскую помни корону.
Слабость женскую прочь прогони;

---

¹ В основе поэмы лежит рассказ Геродота (V в. до н.э.) о борьбе массагетской царицы Томирис с Киром — основателем древнеперсидской государственности. Массагеты жили между Оксом (Амударьей) и Яксартом (Сырдарьей) на большом пространстве к востоку от Каспия. Отдельные их племена, которые оитали на островах и болотах вблизи Окс и Азана (Аральского моря) являлись первопредками современных каракалпаков

Массагеты от горя не стонут,
Головы не склоняют они.
Конь надежды твоей воротился,
Но, увы, опустело седло...
Сын твой кровью своей расплатился
За ошибку... Тебе тяжело!..
Ты, что съела тигриную печень!
Пред тобою робеют мужи.
Лик твой силою властной отмечен.
Справься, голову выше держи.
Род обидят враги—воздаешь ты
За обиду с лихвой, Томирис!
Не из черепа ль вражьего пьешь ты,
Беспощадная,

свежий кумыс?

Кто, скажи, под луной крутогорой
Не воспел свою силу и стать?
Нет, на Оксе нашлось бы немного
Тех, кто мог о тебе не мечтать.
Не тоскуй, Томирис, и не сетуй,
Ослели своим саукеле¹.
Знай, не любят твои массагеты
Безысходной тоски на челе.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Волос ее распущеных копна
С поникшей головы к земле клонится.
Такая в юрте белой тишина,

¹ Саукеле—древний женский головной убор с украшениями из золота.

Как будто не толпа вокруг царицы.
Уж в очаге чуть тлеет саксаул.
Сидит она, уныло плечи горбя,
Глаза потухли, а в груди разгул
Огня великой материнской скорби.
Безухий воин был перед ней сейчас.
Куда же скрылся вестник тот зловещий?
Его рассказ слух родичей потряс,
А Томирис узнала боль похлеще.
Звенит в ушах...

„Владычица земли!
Чуть вражье войско в бегство обратилось,
За ним погнались мы в густой пыли,
Но Солнце в этот день на нас гневилось.
Разостланный в пустыне дастархан¹
Предстал пред нами вдруг в разгар погони.
Вокруг него мы свой разбили стан...
И ждали нерасседленные кони,
Пока мы мяса вдоволь поедим;
Напиток в бурдюках шипел отменный,
И пили мы и наслаждались им,
Не ведая коварства влаги пенной.
Рвалась душа куда-то... Сон сморил,
И наливалась голова туманом,
Потом бороться с ним не стало сил...
Так захватили нас враги обманом.

Воспоминанье тяжелей горы—
Тот день был унизительный и скверный:

¹ Дастархан—здесь: пиршественные яства

Враг ликовал победные пиры,
Когда очнулись мы порой вечерней.
Жгуты и на руках и на ногах,
Недвижные лежим—живые трупы.
Хохочет на походном троне шах,
Позором нашим упиваясь глупо.
Вдруг на ноги вскочил из нас один,
Пред голубым шатром сверкнул очами—
То был могучий Спаргапис, твой сын:
„Шах, ты победу одержал над нами,
Но прикажи мне руки развязать,—
Твой пленник, я хочу вздохнуть свободно.
О массагетах что-нибудь узнать
От сына ль Томирис тебе угодно?“

Подумал я: „Дрожишь, джигит, юлишь,
Честь массагета-воина порочишь,
Как говорят, нужней живая мышь,
Чем мертвый лев... Ты вот о чем
хлопочешь!“

На кубок посмотрел, подумал Кир...
(Проклятое питье в том кубке было.)
„От настоящей матери—батыр¹,
А резвый конь—от стоящей кобылы.
Гляжу я на тебя—ты смел, юнец.
За храбрость и врага я уважаю.
Рукою твердой правил твой отец,
К своей страпе чужих не подпуская.

---

¹ Б а т ы р — герой, богатырь.

К нам слухи что ни год о нем неслись.
Жаль, извели его, согнали с трона
И власть отдали в руки Томирис.
Ну что ж, к лицу красавице корона.
Хоразм и Согд¹ давно кидает в жар —
Наперекор к себе царицу клонят...
Ищи в горах убежище, архар,
Когда тебя охотник степью гонит!
Высокую вершину покорил,
Орел благодаря могучим крыльям...
Ахурамазда² добрый наградил
Меня великим царством и всесильем.
Он славное оружие мне дал.
Мир изрубив мечом, копьем истыкал.
Я непокорных всюду покорял —
Мидян, парфян, бактрийцев и дербиков.
К чему противоборствуете мне,
Где разум ваш кочует, массагеты?
Полмира я собрал в моей стране,

---

¹ Х о р а з м (Х о р е з м) — крупное рабовладельческое государство в верхней дельте Амуудары, сложившееся в середине I тысячелетия до н. э.; С о г д — древнее государство между Оксом и Яксартом со столицей Маракандой, находившейся вблизи нынешнего Самарканда.

² А х у р а м а з д а — в древнеперсидской религии верховное божество, создатель неба, земли, человека, а также покровитель царя, гарант государственного правопорядка.

³ Б а к т р и й цы, м и д я н е, п а р ф я н е — соответственно жители Бактрии, древнего государства в бассейне средней и верхней Амуудары; М и д и и, области к югу от Копет-Дага и Каспийского моря, на территории которой в VI веке до н. э. возникло крупное государство; Парфин, области на территории Южной Туркмении; дербик и — племя в Каракумах.

Пойми юнец, подвластны мне полсвета!
Грядущее свое предугадав,
Пусть Томирис к раздорам не стремится
И, Кира покровителем признав,
Пожалуй, пусть останется царицей.
Спокойно заживет ваш древний род
Мне, Персии судьбу свою доверя.
Тогда лишь ветер в юрты к вам войдет.
Лишь он посмеет рваться в ваши двери.
Да где.. Твоя всезнающая мать
Невеждой как была, так и осталась.
И суждено ей сына потерять,
И в западне третья войска оказалась.
Ха! Управляет женщина страной!—
Мы только в ваших землях видим это.
Быть головой народа и—одной?
Да где ж мужчины ваши, массагеты!
Не мать, а должен ты, лишь ты один
Народом править, власть забравши круто!..“
Сказал слова такие властелин,
Снять повелев с локтей батыра путы.

„Шах, доказала правоту твою
Победа, что навек защемит души.
Ты мудро поступил. Тебе спою
Я песню массагетскую. Послушай.

В упряжке тигр взамен коня,
Увы, не выручит меня.
Пусть кровь во рту сгустится в ком—
Не плойся кровью пред врагом.
Архара посади на цепь—

Умер он, вспоминая степь.
Мозг виноват—рука права:
Расстанься с шеей, голова!*

Он выхватил у стражника кашал,
Сверкнул клинок, и—упорхнула птица ..
Я плакал, я от зависти дрожал.
Дочь Солнца Томирис, моя царица!
Отважной смертью долг свой заплатил
Твой сын,
военачальник мой,

мой идол.

Не враг сразил—он сам себя произнёт,
Но массагетских тайн врагу не выдал!
Я тоже умер..

Я мертвец, и все же
На голову позор от всех приемлю:
Мелькнул два раза надо мною нож.
Отрубленные, шлепнулись на землю
Два уха... Палачу от шаха честь,
Шах приказал их подобрать и съесть.
Боль униженья воин ли снесеи...
Меж тем меня готовили к дороге;
В седло сажали задом наперед,
Вязали руки, спутывали ноги
С напутствием от шаха к Гомирис;
Мол, пусть она вызывает к Солнцу-богу,
Чтоб ей в грядущем битвы удались,
Вот так меня отправили в дорогу.
Прощай, царица! Передал как есть
И срамный до...г свой выполнил твой
воин...

Я скорбную тебе поведал весть
И быть с тобою ря дом— недостоин.
Я унесу подэльше от людей
Следы невыносимого позора,
Меня еще припомнит лиходей...“
И он исчез во тьме проворней вора.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Будь проклят день, что в тьме
кромешной!
Ты душу истерзал и илоть.
Убитой горем, безутешной
Тоску легко ли побороть?
И сердце матери-царицы—
Как голубь, сбитый хищной птицей;
И чья-то цепкая рука
Трясет и мучит голубка.
Рука коварная и злая,—
Не оттолкнуть ее никак!—
Степной цветок сорвать желая,
В тугой скимается кулак.
Безжалостна и волосата,
Уже пугавшая когда-то,
Увы, сегодня вновь она
Над Томирис занесена.

О память: Отступи, не мучай! .
Иные страны покорив,
Давно персидский шах могучий
Над Томарис
навис, как гриф.

В мозгу всплывает воспаленном:
Прикинулся тогда влюбленным
В нее, царицу, хитрый шах.
Доверься—будь в его руках!
Она послам его сказала:
„За честь весьма благодарим“,
Да с миром их и отослала.
Кир, лютой злой одержим
И распален ее ответом,
Пришел с войною к массагетам,
Чтоб доказать свою любовь,
Пролив в степях широких кровь.
Пригнал бесчисленное войско
И стал на Оксе, вдоль реки,
Плоты вязать и по-геройски
Дуть в меховые бурдюки.
Еще бы лодок плоскодонных...
Тем временем к нему два конных
По поручению Томирис
Вплавь через Окс перебрались.
Царица вразумляя Кира:
„Опомнись, о великий шах!
Тебе, завоеватель мира,
Нужда ли в наших-то степях?
Богат и славен повсеместно,
Тебе за Оксом разве тесно?
Не сала ль ищешь, чтоб усы
Себе помазать для красы?“¹

---

¹ Намек на старинную притчу о бедняке, державшем кусок сала, чтобы мазать себе усы и выглядеть за житочным, только что хорошо поевшим.

Или в стране твоей огромной,
Как я, вдовицы нет такой?
Не нарушай ты силой темной
Народа мирного покой.
Коней, овец пасет он либо
Охотится да ловит рыбу...
Шах, отступись, оставь наш край,
Людскую кровь не проливай!"
Не слушал Кир,

Гонимый жаждой

Захватывать и разорять,
Войска свои злодей однажды
Стал через Окс переправлять.
В бою побила силу сила,
Коварство—сильных победило;
И вот известье: много жертв,
Любимый сын царицы мертв.
Кто их, обманутых, осудит!
По мертвым—только тосковать...
Горюющую душу нудит
Их тяжкий стон: „Прости нас, мать!“
Чуть Томирис глаза прикроет—
Пред нею длинной чередою
Идут ее богатыри
И говорят ей: „Собери
Волос рассыпавшихся пену,
Будь беспощадна, будь смела!“
И вот царица постепенно
Очиулась, встала—ожила.
Она—не женщина отыне:
С врагом ей драться, как мужчины! —

И аребек, свой женский знак,
Сняла и кинула в очаг—
Так иссари в роду ведется...
Из юрты выскочили прочь
Ее старшины, полководцы.
Густела тьма. Стояла ночь.

Сраженная огнем небесным,
Чинара старая горчиг.
Толпа все гуще. В круге тесном
Костер разложенный трещит.
Рычит народ.

От черной вести
На лицах гнев и жажда мести.
Зикр — массагетский танец-хор
Врагам выносит приговор.
Вдруг стихло все, и стало глуше,
Чем в голове того телка,
Которому влепили в уши
Два оглушительных шлепка.
К костру, на середину круга,
Явилась поступью упругой,
Небесной прелести полна,
Царица — светлая луна.
Под шитым поясом трепещет
Ее волнующая стать,
В глазах-угольях звезды блещут,
Что мир могли бы осиять.
Тьму ночи прочь отодвигая,
Багровым пламенем сверкая,

Сын Солнца, светлый Дух огня¹
Дарил ей свет, что ярче дня.

„Ты, массагетский род старинный,
Ты, степь свободная моя,
Что кровь впитала с пуповины,
Когда на свет рождалась я!
Коль струщу или изменю вам,
Пусть черный ворон хищным клювом
Глаза мне выклюет...“

И вниз

Хитон рванула Томирис.
Толпа вздохнула, простонала.
Склонилась Томирис к огню
И—к правому сосцу прижала
Пылающую головню.
То страшная была присяга.
Желанье мести, гнев, отвага,
Поилив необычайных сил
Вмиг массагетов охватил.
К огню старик-шаман теснится,
Раскрыл он шамкающий рот:
„Дочь Солнца, милая царица,
Смотри, тебя удача ждет:
Вон Тиштриа-звезда на счастье

---

¹ Имеется в виду Атар (Огонь), считавшийся также сыном божества Ахурамазды, внуком воды.

Конем сверкает белой масти¹.
Да будет славен твой удел!
Он руки к небесам воздел
И вдруг в припадке беснованья
Метнулся в глубину костра.
Толпа плясала, и камланье
Не прекращалось до утра.

ЛЕСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Чубатые стяги из конских волос
Трепещут, на жерди надеты.
И цепью, и валом, и кучей вразброс
Выходят в поход массагеты.
В пути растянулись в дневной переход
Походные их вереницы,—
Так четко прочеркивают небосвод
Стрелой
    перелетные птицы.
Лавина людей покидает страну,
Озера ее у болотца,
Там будит высокий тростник тишину,
Там ветер один остается...
В походе—тяжелая поступь коней,
Гортанные выкрики, кличи,

---

¹ В древнем персидо-таджикском памятнике „Авеста”, в Тиштр-Яште (Молебствии Сириусу) ярко сверкающая в небе звезда Тиштрия (Сириус) последовательно перевоплощается в отрока, затем в златогорого быка и, наконец, в белого коня, пребывая в каждой из этих воплощений по десять ночей.

Дрожанье земли—все сильней
и сильней—
И всполохи, вспугнутой дичи.

Глава вереницы с утра у горы
Проснулась— и путь продолжает:
Там к вечеру хвост вереницы костры
Разводит, выюки разгружает.
Как будто сгустилась над войском гроза,
Как будто бы тучи наплыли:
То Солнце лучистые жмуриг глаза
В оранжевом облаке пыли.
Вороны кровавого лиршества ждут,
Кружат над людьми и конями.
В безводье ступив, массагеты идут
Без отдыха, даже ночами.
Не водятся тут ни карсак, ни лиса—
Сли, ткнувшись в гривастую шею...
Три раза светлели уже небеса,
И стали в четвертый светлее,
Когда впереди заблестела река.
Коней наконец расседлали:
День целый на Окс подходили войска,
Всю ночь у костров отдыхали.
Под самое утро семь лучших коней
В честь Солнца зарезаны были.
Царица и все массагеты за ней
К восходу лицо обратили.
Шолпан¹ удалилась, лик Солнца узрев:

---

¹ Шолпан— Венера.

Достойная с вею сравненья
Дочь вольных степей начала нараспев
Глаголить слова поклоненья.

ПОКЛОНЕНИЕ МАССАГЕТОВ СОЛНЦУ

Громким ржаньем степь огласивший,
Злато креаких удил закусивший
Быстропогий жергенный конь
Полетит к тебе, Солнце-огонь.
Помоги нам, доброе Солнце,
Поддержи нас, быстрое Солнце!

В бубен кожаный бьет сама
В небе злая Гюлдир-мама¹...
Ты на пастбищах травы растишь.
Шевелишь приозерный камыш—
Помоги нам, щедрое Солнце,
Поддержи нас, доброе Солнце!

Повели, чтобы белый козел
Всю отару в кошару отвел;
Повели, чтоб скакун быстроногий
Не споткнулся, рыся по дороге.
Помоги нам, доброе Солнце,
Поддержи нас, быстрое Солнце!

Пусть очаг наш горит негасимо,
Пусть промчатся все беды мимо.

---

¹ Гюлдир-мама — старуха-громоверхина, покровительница грома.

Пусть тела будут силой налиты
И крепки у коней копыта.
Помоги нам, доброе Солнце,
Поддержи нас, гневное Солнце!
Покажи нам всех гор вершины,
Дай увидеть нам вражьи спины.
Дашь удачу—большую дай,
Если смерть—от меча пускай.
Нашим юртам дай мирные дни,
От огня, от воды храни.
Помоги нам, доброе Солнце,
Поддержи нас, светлое Солнце.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Так встретив утро, Солнцу поклонясь,
Батыра Томириса к себе зовет
И, на его отвагу положась,
Рискованный приказ ему дает:
„Поедешь к шаху. Собираяся в путь.
Троих джигитов в спутники даю.
Предстанешь перед Киром—не забудь
Пересказать до слова речь мою:
„Не хвастай силой, кровожадный Кир!
Ты кровью хочешь обагрить весь мир,
Но от нее кружится голова.
Вот первые мои тебе слова.
Слова вторые: хитрости оставь.
Коль честью дорожишь, так не лукавь!
Мой сын не в честной битве побежден—
Питьем коварным подло опоен.
Сок винограда, сладкий и густой,

В дурман вы превращаете, в отстой;
Напьетесь—обезумеете вмиг,
И непотребно говорит язык.
Увы, мой сын неосторожен был,
Он за ошибку жизнью заплатил.
О ты, виновник множества смертей,
Точится яд из-под твоих ногтей.
Ты рану мне жестокую нанес,
Ужели ты и вправду—кровосос?!
Ужель, покуда жив ты, вновь и вновь
Все будешь пить и пить людскую кровь?
Верни мне тех, кто жив в твоем пленау,
И с войском уходи в свою страну.
Там, Персии, любой цветущий сад
Тебе доставит множество услад.
Отвергнешь ныне добрый мой совет—
Познаешь завтра горечь многих бед.
Услыши сегодня истину в словах,
Чтоб завтра не раскаиваться, шах!
Но если, ненасытен и упрям,
Ты силой угрожать посмеешь нам,
Я клятву Солнцу вечному даю:
Тебя досыта кровью напою!“
Быстрее ветра конники неслись,
До неба столб из пыли вырастал...
Кир, слушая посланье Томирис,
Кривлялся и беспечно хохотал.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

„Дочь Солнца“—звали массагеты
Прекрасную свою царицу.

Не вопрошая, как же это
Дочь Солнца в мир могла явиться.
О таинстве рожденья девы
В небесной книге не прочтеге;
Родилась Томирис из чрева
И от животворящей плоти.

Единовластно в дни былье
За Оксом мать ее царила,
Где прежде Царство женщин было,
Где нам, мужчины удалые,
Надолго задали острасстку!..
Вот быль, похожая на сказку.

Вам, человеческого рода
Прекраснейшая половина,
Вам предназначила природа
Рожать, быть спутником мужчины.

Но вас обида одолела:
Мужчины, гордые тираны,
Дарили жгучей лаской тело,
А сердцу наносили раны.
Не сказка— мало их на свете ль!—
История тому свидетель:
Одно из женских поколений
В свою девическую пору
Мужчин склонило на колени
К их безусловному позору.
И было им, мужчинам, скверно,
А девы волей беспримерной
Отдельный трон себе воздвигли

Вдали, на острове... Ну, словом,
Великомужества достигли
В уединения супровом.
Обузданных покорных трону
Мужчин вдали держали девы...

Кто б ваше Царство женщин тронул,
Будь заодно, едины все вы!..
Во все века в стихах воспето:
Единство красоты и силы—
Вот потрясение для света!
И я в порыве вдохновенья
Его, быть может, тоже славил,
Но есть такое ощущенье,
Что я увлекся и скучавил.

Да жизнь ли это, в самом деле,
Когда любимого не знаешь!
Век без любви—борьба без цели,
А что ты в мире оставляешь?
Зачем бескрылая орлица,
Очаг, где плачя не взыграло?
Зачем в ручье воде струиться,
Коль из земли не напитала?
Зачем скала с могучей грудью,
Коль эту грудь не гладят волны?..
Когда жужжанье пчел не будит
Цветов степных в расцвете полном,
Когда деревья увядают,
Не отягченные плодами?..
Кто добровольно выбирает
Такую жизнь? Судите сами! ..

Нет слов, красива лебедь-птица,
Но в паре — краше многократно.
И строгая к себе царица
Уразумела, вероятно,
Что в жизни истинно, что должно,
Клятвопреступницею стала:
С царем соседним бестревожно,
Неосторожно поиграла
И понесла во чреве скоро...
Скрываясь,

утреннею ранью
Ушла беременная в горы,
Одна ушла, с жеребой ланью.
И дважды там свершились роды.
Судьбе дитя свое доверя,
Царица вышла на свободу,
А дочь оставила в пещере ..

Семь раз уж застывали воды,
Деревья в зелень одевались,
И полосатые удоды
Семь раз на сопках объявлялись.
Однажды, небольшим отрядом
В степи охотясь на оленей,
Погнались всадницы за стадом.
Вдруг перед ними быстрой тенью
Голышка-девочка помчалась—
Смуглянку словно ветер нес,
Издалека в глаза бросалась
Густая тьма ее волос.
Задав коням лихую гонку—
Кто с ходу вправо взял, кто влево —

Словили наконец девчонку
И привезли к царице девы.
Стоит девчонка — семилетка
И в первый раз глядит на мать:
Царице сердце — птицу в клетке —
Пред этим взглядом не унять.
К неопаленной левой груди
Вдруг молоко ей подступило
Но, чувство замолчать принудя,
Спокойно дев благодарила.
Сказав им;

„Солнце пожелало,
Явившись мне сегодня в ночь,
Чтоб я ребенка воспитала.
Смуглянку выращу как дочь”.

О Томирис! Ты дни и годы
Привыкнуть к дому не умела:
К оленяч, в стель, дитя свободы,
Ты убегала то и дело.
Там на безлюдье, на приволье,
Душе и телу — полный раздых:
Там в лице нет противной соли,
В низине влага, небо — в звездах;
Бывала голодна — орла ты
Сражала на лету из лука.
Так у людей переняла ты
Пока всего одну науку...
Потом уж, девушкой подростком,
Ты приняла и все людское,
Но что досталось в детстве жестком,
Осталось навсегда с тобою:

И настороженность сайгачья,
И безоглядная отвага,
И зоркость черных глаз в придачу,
И стройность ног, и мягкость шага.
Прабабкою каракалочки,
О Томирис, была не ты ли?..
Что ж, наши девушки-степнячки
Твое наследье сохранили.

Весь долгий день, один из многих,
Дичком в степи она играла—
Джейранов легких, быстроногих.
Как ветер, мчась, перегоняла.
На дереве высоком к ночи
На отдых дева примостилась.
Спала... От трескотни сорочьей
Уже под утро пробудилась.
Внизу, под деревом, в засаде
Голодный тигр сайгака ждал.
Прыжок ему на спину—сзади
Вонзился в хищника кинжал!
В агонии когтистой лапой
Тигр насмерть в Томирис вцепился,
Давясь от собственного храпа,
Подмял, всей тушей навалился.
Тут жарко разгорелась схватка,
И Томирис изнемогла...
Внезапно зверю под лопатку
Вошла звенящая стрела.
Тигр дрогнул, вытянулся, замер.
Искала дева в изумленье
Еще тревожными глазами,

Откуда к ней пришло спасенье.
Приподнялась и видит—что же?
Мужчина, лучник перед ней!
Сперва забилась было в дрожи
И—стихла, стала вдруг смиреней.
Дочь царская не знала толком,
Нэ догадалась: вот мужчина.
И наблюдала тихомолком,
Как улыбается легница.

Дни—не тянулись, время мчалось
Оленом на степном просторе;
С мужчиной Томирис встречалась,
К нему совсем привыкла вскоре.
Он в деве женщину разбудит:
Душа горела, чувства зрели,
Девичьи маленькие груди,
Как рожки у бычка, твердели.

... Была им степь надежной свахой:
Баражтались в траве высокой,
Не знали робости и страха
И были счастливы... до срока.
Сказал джигит:

„Моя царица,
Так дальше жить тебе опасно:
За пазухой, как говорится,
Не спрячешь хвост лисицы красной.
От материнского -то взгляда
Ничто не может быть укрыто.
Дознаются—не жди пощады...
Но есть же храбрость у джигита
И сила есть! Пойду—не струшу—

На Царство женское воиною.
Все уничтожу, все разрушу,
А ты, газель, пойдешь со мною!*

И вот, как утверждают деды,
Сорокадневное сраженье
Мужчинам принесло победу,
А Царству женщина — поражение.
Не ведал победитель грозный,
Как неоправданно жесток он:
Не внял мольбе народа слезной —
Царице голову отсек он
И, Томирис забравши в жены,
Не мужем стал ей, а тираном!
Семь лет не утихали стоны,
И люди в страхе постоянном
Семь лет терпели, выжидали,
А силу в стороне копили.
Однажды на него напали
И в лютом гневе умертили.
Дочь Солнца Томирис — царица,
Ей — массагетскую корону!
Никто отныне не решится
И кошек массагетских тронуть.
Спокойные настали годы —
Без войн, без битв, без мелкой драки;
Лишь с дружбой шли сюда народы:
Согдийцы, хоразмийцы, саки;
Скот множился,
    в местах пустынных
Садами пах каленый воздух
И птицы на овечьих спинах
Свивали без опаски гнезда...

Но жизни мирное теченье
Свирепый шах нарушить хочет.
Грядет великое сраженье,
Польется кровь и заклокочет.

ЛЕСТЬ СЕДЬМАЯ

Уже не легенда, а быль...
Два вала, друг другу навстречу,
Вздымяя летучую пыль,
Пошли на кровавую сечу.
И рокот глухой нарастал,
Все громче, грозней становился;
Он словно бы бился средь скал,
Из пропасти выход искал
И—в рев наконец превратился.
Вот горы вдали сотряслись
От грохота, гула и звона:
На пиршестве смерти сплелись
Два алчущих крови дракона
И вгрызлись—вонзили клыки
Друг другу в змеиное тело...
На битву!

И сшиблись полки,
Нацелены острые стрелы.
Вот кожаный бич завизжал,
Вот лук изогнулся упруго,
И первый метнулся кинжал,
И вспорота чья-то кольчуга.
Секир ослепительных медь...
Рука, охватившая гриву...
Кровь брызнула—черная смерть

Тотчас отыскала поживу,
Но свой ненастный живот
Не тugo покамест набила...
Тут сила на силу идет,
Там хитрость в сраженье вступила,
С размаху ударившись в щит.
Меч лязгает, искрами брызжа.
Конь прынул и рухнул с копыт—
Под брюхом багряная жижа.
Вонзаются в жаркую грудь
Холодные копья и пики.
Клич мщенья, кровавая жуть,
Предсмертные хрипы и крики.
Змеиноголовы, страшны,
Схватились, как люди, верблюды...
Все выше на поле войны
Расгут неподвижные груды.

С холма неприступного шах
На битву взирает спесиво:
Разбить неприятеля в прах
Давно уже Киру не диво.
Саграпы покорные с ним
И Крез тут, лицнец лукавый,¹
Уверен, что непобедим
Властитель огромной державы.
Прикажет монаршья рука,
И в битву пойдут легионы
Наемных колоссов—войска

---

¹ Крез—царь Лидии (область в Малой Азии), сатрапия державы Ахеменидов.

Ассирии и Вавилона.
Они выручали не раз,
Не жаден и шах на посулы...

То гневен воитель и лют,
То смех на губах ядовитый,
В начале четвертого дня,
Покорные жесту владыки,
Давя, сокрушая, тесня,
Пошли слоноводы-дербики¹.
Народ кочевой оробел.
Ужасны слоны-исполины;

¹ В одном из дрезных претений говорится, что в VI веке до н. э. племя дербиков держало союз с индами, от которых получало боевых слонов.

Лавина свистящая стрел
Для них—что укус комариный.

Победные звуки трубы—
Утеха для царской гордыни!..
Скитались, уйдя от борьбы,
Три дня массажеты в пустыне,
Манили врагов за собой;
Час выбрав,
коней повернули,
Стремительно кинулись в бой,
И снова секиры блеснули!..

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Окс полководцый, величавый,
Как ныне,
много лет назад
Точил высокий берег правый...
... Печально смотрят на закат
У берега, в степи, гробница,
И родничок—зменный глаз—
Здесь из расщелины струится,
Чист, как слезинка, как алмаз!
Фазанов бегающих стая,
Густой осоки желтый мед.
И, головы не отрывая,
Конь, не разнудзан, пьет и пьет.

Кто, обхватив плиту гробницы,
Прижался к ней,
ничком лежит?

То массагетская царица
Над прахом матери скорбит.
Здесь все ей близко, все ей мило:
Здесь родилась она на свет,
Лань молоком ее вскормила.
Здесь были и ры детских лет.
Здесь и любовь она познала,
Нашла и потеряла мать.
А муж? От тигра спас сначала,
Потом вонзил ей в душу жало!..
Не муж он был—убийца—зять.
И над поруганной любовью,
От горя, что поныне жжет,
Приникнув жарко к изголовью,
Дочь на могиле слезы льет.
И грустно каменые бабы¹
Над нею произносят речь:
„Зачем крепиши рукою слабой
На поясе тяжелый меч!..“

...А там, вдали, в песчаной туче
Бурлил, ревел кровавый вал,
То набегал, лихой, могучий,
То ненадолго отступал.
И вокруг царицы полководцы
На сход вечерний собрались.
Совет держали до рассвета.
Из-за горы взошла Шолпан—

---

¹ Каменные бабы—выгесанные из камня, величественные надгробия на древних захоронениях. Остатки их сохранились в среднеазиатских степях до наших дней.

Зашевелились массагеты:
В кольчугу белую одета,
Дочь Солнца обхажала сталь.
Все умывались, воду пили
Холодную,
из родника.

Места свои занять спешили —
Царица строила войска.
И вот, резвее резвой лани
Вскочив на белого коня,
Лавину воинов к новой браме
Ведет она с началом дня.
Степному воинству навстречу
Звезда сияет сквозь туман,
И снова возгласы:

„На сечу!“
„Дай нам победу, Акшолпан!“¹
И, как две тучи грозовые,
Два войска на холме сплелись;
Вновь пики гнутся боевые;
Ярясь, глаза в глаза влились,
Зрачки сошлись — не видят цели, —
На лоб с натуги лезет бровь, —
Остервенели,

озверели!

Песок и кровь.
Песок и кровь.

Как люди все ж непостижимы! —
В них зла и щедрости размах;

¹Акшолпан — Белая Венера.

То добротою одержимы,
То месть жестокая в сердцах,
Кто от людей рожден,
                                  тот вправе ль
Творить убийства без числа?
Что ж,
    Каином убитый Авель
Иным—лишь оправданье зла!
Увы, со дня творенья люди
На страх за жизнь обречены
И на создание орудий
Жестоких пыток и войны.
Война—изгнание покоя,
Уничтоженья черный стяг
И кровь, пролитая рекою.
Война—во! Жизни главный враг!

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Вы создатели древних деспотий,
Вы, новейших времен палачи,—
Вы не люди из плоти и крови,
Твари вы, на манер саранчи:
Налетаете, грабите, бьете,
Упиваясь убийством, войной;
Кровь людскую веками вы пьете,
Раздираете шар наш земной.
Ваша цель—на колени поставить
Пред собой человеческий род;
Разделяя и властвуя, править,
Поднимая народ на народ.
Век от века меняли мотивы,

Век от века меняли пути,
Но во все времена—палачи вы,
И от гибели вам не уйти!
Где ж пришельцы, топтавшие тупо
Мирных, вольных кочевников край?
Степь на версты усеяли трупы,
Кто лежит там—попробуй узнай!..
Чья там кровь на верблюжьей колючке—
Полководца ль, что бредилвойной,
Земледельца ль?

В бессрочной отлучке

Он оплакан детьми и женой,
Или мастер гончарного круга,
Не желавший идти воевать,
Без опоры оставил подругу,
Без кормильца—печальную мать?
Вор богатый ли, бедный—все вор он!..
... Этот навзничь лежит, этот—ниц.
Персиянину ль выклевал ворон
Клювом хищним глаза из глазниц?
Массагета ли с грудью пробитой
Мать-земля навсегда приютит?
Был он родине верной защитой,
Меч отброшен.

Расколот и щит...

Мертвцевов оглядев, перешупав,
Массагеты в песчаной пыли
Средь безвестных, неузнанных трупов
Тело грозного Кира нашли.
Ближе всех к нему воин безухий
В массагетской одежде лежал.
И торчал в развороченном брюхе

.У персидского шаха кинжал,
И главу отделили от тела. .

... На отвесной скале Томирис
Оперлась на копье, почернела..
Кровь и пот на лице запеклись.
Луч заката еще золотится,
Зацепившись за горную цепь.
Долгим взором обводит царица
Целенелую в сумраке степь.
Скорбь воительницы прекрасной,
Как и доблесь ее, велика.
Кагит воды свои бесстрастно
Гордый Окс

Говорит река;
„С берегов моих прочь ступайте,
До людей мне и дела нет.
Братья, братьев своих убивайте,
Коль не дорог вам белый свет.
Только знайте, все быстротечно,
Все имеет свои края,
Все—конечно.
Что в мире вечно?
Вечны двое мы: время и я“.

Но, не слушая речи чванной,
Юди свежей воды напились,
Взбрались на берег песчаный,
Внемлют гневным словам Томирис.
„Чужеземный завоеватель.
Ты себя над людьми вознес;
Ты, чужого добра искатель,

Создал реки кровавых слез
Получил ты урок полезный...
Раскаленный железный прут
Кочергою—тоже железной!—
Ковали из огня достают.
Меч, преследуя нас упрямо,
Напоролся на прочный щит.
Кто другому копает яму,
Сам в нее же и угодит.
Видно алчность не знает границы;
Жив ты—жадность в глазах велика.
А умрешь—и присыплет глазицы
Только горстка сухого песка.
Кир, отверг ты мои увещанья,
Что ж, исполню я клятву мою
И досыта тебя на прощанье
Кровью, кровью живой напою!“
Тут взяла она голову шаха,
Подержала немного и вдруг
Окунула спокойно, без страха,
В полный кровью овчинный бурлюк ...

Массагеты! Вы—барсы пустыни,
Быстроноги, крепки и ловки,
Мир в степи поселили отныне,
Вышли к берегу Окса-реки.
Вышло гордое, сильное плечя.
Одолевшее тяжесть потерь.
Стало прошлым тяжелое время,—
Нет, никто не грозит вам теперь.
Поколения сменятся... Годы
Залатают пробитую брешь.

Степь—Судьба вековая наарода,
Окс—Истории зримый рубеж.
О потомки! Был век тот жестокий
Массагетами прожит не зря!..

... Небо с краю—кулан белобокий,
Загорелась заря на востоке,
То великой надежды заря!

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям переводов моих стихов	5
---	---

Стихи

Нерви, Перевод Г. Ярославцева . . . . . Жизнь, как рыцарь, что судьбой Перевод Р. Казаковой . . . . . Предание, Перевод Т. Кузовлевой . . . . . Ребенок, Перевод Р. Казаковой . . . . . Рабочему человеку, Перевод Р. Казаковой . . . . . Мне такая на долю досталась стряча, Перевод Р. Казаковой . . . . . Даи, Гурген, дорогу! Перевод Т. Кузовлевой . . . . . „Хоть молодости торжество . . . . . Перевод Вл. Савельева . . . . . Родник, Перевод Вл. Савельева . . . . . Старики, Перевод Р. Казаковой . . . . . В сумерки из зарослей осоки, Перевод Р. Казаковой . . . . . „Пусть, как зимняя степь, ... Перевод Р. Казаковой . . . . . Если б был я мастером взянья, ... Перевод Н. Ушакова . . . . . Саатремма, Перевод Н. Ушакова . . . . . Розы пустыни, Перевод О. Шестинского . . . . . Кони, Перевод О. Шестинского . . . . . Саксаул Перевод С. Северцова . . . . . Жаворонку, Перевод Р. Казаковой . . . . . Фазан, Перевод О. Дмитриева . . . . . Воспоминания на ивовом берегу, Перевод О. Дмитриева . . . . . Когда надломлен куст чинары, Перевод М. Луконина . . . . . Баллада о чашицах и о дороге, Перевод М. Луконина . . . . . Пушкину, Перевод О. Шестинского . . . . . „Сердцу не любить нельзя . . . . . Перевод О. Шестинского . . . . . Есть у меня друзья и есть враги, Перевод О. Шестинского . . . . . Родина, Перевод О. Дмитриева . . . . . Канны в Никусе, Перевод О. Дмитриева . . . . . Виноградникам Ливадии, Перевод О. Дмитриева . . . . . К Амударье, Перевод В. Коолунова . . . . . Амударинский сонет, Перевод О. Дмитриева . . . . . Встреча с солдатом революции, Перевод О. Дмитриева . . . . . „Сорвал цветок я . . . . . Перевод О. Дмитриева . . . . . Дуб у Днепра, Перевод М. Шехтера . . . . . Киевские каштаны, Перевод М. Шехтера . . . . . Песня зеленого клена, Перевод М. Шехтера . . . . . Арба славы, Перевод Р. Казаковой . . . . . Женщина, кормящей ребенка, Перевод Р. Казаковой	9 11 12 13 14 15 17 19 20 21 23 25 26 27 29 30 32 34 37 39 43 45 51 52 53 54 57 60 63 64 65 67 69 70 72 74 76
--	---

Завещание. Перевод <i>P. Казаковой</i>	77
Песня о могучем чинаре. Перевод <i>Д. Голубкова</i>	78
Смерть жаворонка. Перевод <i>С. Северцева</i>	82
Оссуарии. Перевод <i>С. Северцева</i>	84
Сор на (из цикла сонетов). Перевод <i>Г. Ярославцева</i>	87
Поэт. Перевод <i>P. Казаковой</i>	90
„Так ярки были звезды в эту ночь...“ Перевод <i>P. Казаковой</i>	92
Бердаху. Перевод <i>P. Казаковой</i>	94
Родина. Перевод <i>P. Казаковой</i>	95
Поиск. Перевод <i>P. Казаковой</i>	97
К Хосе Марти. Перевод <i>Вл. Савельева</i>	98
Стыдясь быть щеставным. Перевод <i>V. Савельева</i>	100
Курук. Перевод <i>Вл. Савельева</i>	102
Ногайцам. Перевод <i>Вл. Савельева</i>	104
Родная земля. Перевод <i>Вл. Савельева</i>	105
Баллада о горном ключе. Перевод <i>Вл. Савельева</i>	108
Кегейли. Перевод <i>Вл. Савельева</i>	110
Спасибо тебе, время мое. Перевод <i>O. Шестинского</i>	112
Аллея Аны Керн. Переезд <i>P. Казаковой</i>	114
Прекрасная Юпшара. Перевод <i>P. Казаковой</i>	117
„Апрельской ночью в ту пору...“ Перевод <i>P. Казаковой</i>	119
Пропойте песню мне Ажинияза. Перевод <i>P. Казаковой</i>	120
Девчонке из нашего аула. Перевод <i>P. Казаковой</i>	122
Наэцисс. Перевод <i>P. Казаковой</i>	125
Глаза ящерицы. Перевод <i>P. Казаковой</i>	127
„О том, как обречен любить поэт...“ Переезд <i>P. Казаковой</i>	128
Посвящение Навои. Перевод <i>P. Казаковой</i>	129
Черный тал. Перевод <i>I. Пагирева</i>	130
К Армении Перевод <i>O. Дмитриева</i>	132
Экспромты Перевод <i>O. Дмитриева</i>	134
Одной певице. Перевод <i>O. Дмитриева</i>	136
Девушке с Амудары. Перевод <i>O. Дмитриева</i>	139
Берегите Гамзатова! Перевод <i>O. Дмитриева</i>	141
Весы. Перевод <i>T. Кузовлевой</i>	143
Ташкентским доузъям. Перевод <i>T. Кузовлевой</i>	145
Газель. Перевод <i>T. Кузовлевой</i>	148
Русалка. Перевод <i>P. Казаковой</i>	150
Акташ. Перевод <i>P. Казаковой</i>	153
Четверостишия. Перевод <i>C. Северцева</i>	155
Рубай. Перевод <i>C. Ломинадзе</i>	156
Строки первой любви. Перевод <i>P. Вячеславова</i>	159

Сердце утоляет сердце. Перевод С. Северцева	159
Твои глаза. Перевод С. Северцева	161
В тенистом парке . . . . . Перевод В. Савельева	163
К Советской Башкирии. Перевод Е. Емельянова	164
Мухаллес. Перевод Г. Ярославцева	165
Твои руки. Перевод В. Савельева	167
К Черному морю. Перевод П. Ковракова	169
О море и о тебе. Перевод В. Савельева	171
Сентябрьское раздумье Перевод Е. Коршунова	173
Онажды. Перевод Р. Казаковой	176
Быль о градуснике. Перевод Вл. Савельева	177
Эркин—пепесохий приток. Перевод Е. Коршунова	180

П о э м ы

Степные трезы. Перевод М. Луконина.	182
Октябрьская поэма. Перевод Р. Казаковой и Вл. Савельева	207
Правда о ковровщице. Перевод М. Шехтира	256
Тамирис. Перевод Г. Ярославцева.	276

Ибрагим Юсупов

ПРЕМЛЮСЬ ВСЕЙ ДУШОЙ

Стихи и поэмы

Перевод с каракалпакского

Редактор С. Ибрагимов
Художник К. Нажимов
Художеств. редактор К. Рениппазаров
Техн. редактор З. Алламуратов
Корректор П. Мирзабаева

ИБ №2196

Сдано в набор 13. 06. 86. Подписано к печати 28.10.86.

Формат 70x108 $\frac{3}{1}$ Бумага тип. №1. Объем 9,875 п. л.
13,82 усл. п. л. 9,98 уч.-изд. л. Заказ №176. Тираж 6000.
Цена 1 руб. 50 коп.

Издательство „Каракалпакстан“. 742000, г. Нукус,
ул. К. Маркса 9

Нукусский полиграфкомбинат им. 50-летия „Правды“ Государственного комитета ККАССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
742000, г. Нукус, ул. К. Маркса, 9